«Я всегда был октябристом и останусь им». И. Ильф, Е. Петров

ЖУРНАЛ ЭТОВ ДООС

№ 5-6
(76)
2017

Рисунок Андрея Врадия

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

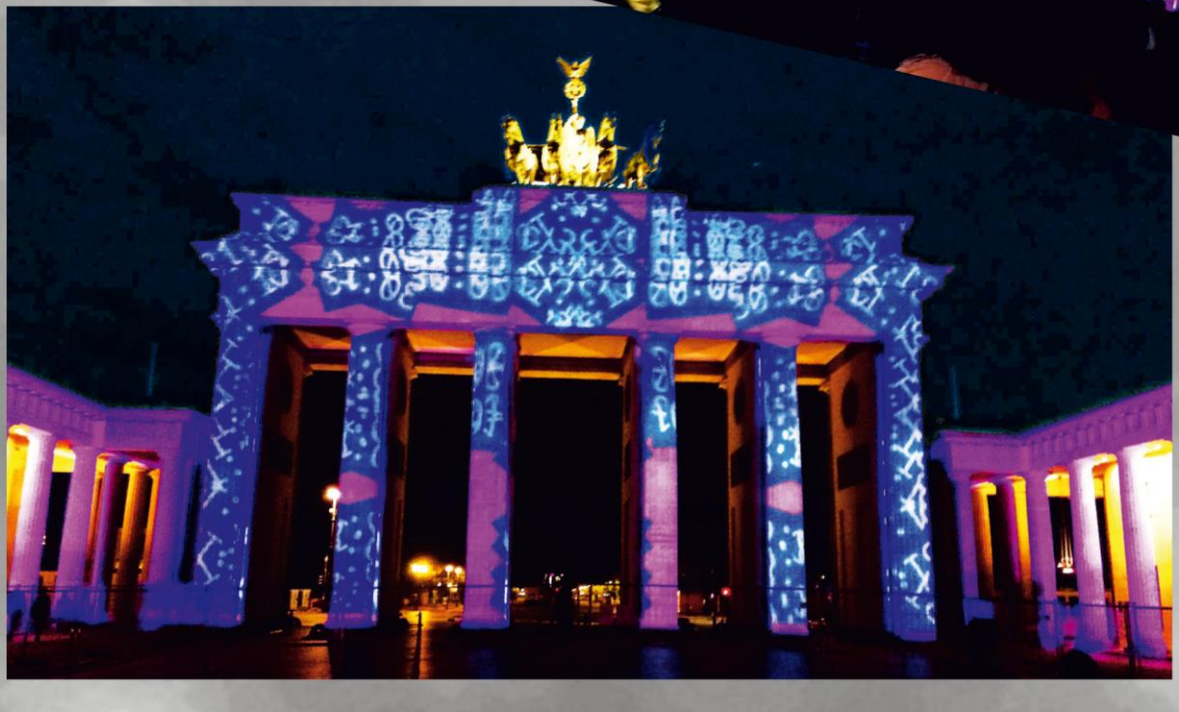
ДООС зажигает!

Ежегодный осенний Фестиваль света в Берлине

ДООС – светозавр Андрей Вradий расцветил Бранденбургские ворота

präsentiert
Lichtkünstler Andrey Vrady
29.9. bis 15.10.

BERLIN
leuchtet eV.



Октябрь пережили

Москва, Нью-Йорк, Курск, Киев, Галле, Рамат-Ган, Симферополь, Афины, Синьян, Красноярск, Пекин, Тверь, Кишинев, Калининград, Кыштым, с.Ташенка, Чикаго, Мариуполь, Санкт-Петербург, Пермь, Братск, Ярославль, Кострома, Париж, Подольск, Улан-Батор, Кан, Улан-Удэ, Каменск-Шахтинский, Всеволожск, Тюмень, Вена, Воронеж, Северодвинск, Сочи, Прешов, Днепр, Нижний Новгород, Оломоуц, Челябинск, Нижневартовск, Полоцк, Гродно, Минск, Казань, Новополоцк, Великие Луки, Бостон

2-3-4-5
Константин Кедров
Галина Мальцева
6-7
Нина Зарецкая
8-9.
Елена Кацюба
Александр В. Бубнов
10-11.
Виктор Ахломов
Константин Кедров
12-13-14-15.
Николай Лозовой
Ольга Брагина
16-17-18-19.
Виктор Корольков
Сергей Бирюков
Юлия Вольт
Елена Кацюба
20-21.
Маргарита Аль
Виктор Гоппе
22-23.
Аза Алибековна Тахо-Годи
Маргарита Аль
Константин Кедров
Янис Рицос
Валерий Басыров
24-25.
Хэ Суншань
Виталий Русяев
Джиди Мацзя
Ли Ялань
Лео Бутнару
Сергей Бирюков
26-27.
Борис Бартфельд
Максим Торбин
Александр Петрушкин
Ия Кива
Света Литвак
28-29.
Игорь Балюк
Олег Романов
Вадим Молодый
Андрей Медведев
Дмитрий Ивашинцов
Дмитрий Цесельчук
30-31.
Юрий Беликов
Евгений Гусев
Александр Алейник
Виктория Афонская
Григорий Горнов
32-33.
Александр Моцар
Татьяна Виноградова
Ксения Радионова
Марина Александрова
Марк Ляндо
34-35.
Эдуард Трескин
36-37.
Александр Князев
Алла Ивашинцова
Алиса Клио
Александр Буланов
Зинаида Варлыгина
38-39.
Галина Мальцева
Андрей Вражий
Владимир Монахов
Евгений Степанов
Галина Свинцова
Алексей Чуланский
Кристина Зейтунян-Белоус
40-41.
Хадаа Сендоо
Анна Пасынкова
Галина Мальцева
Полина Ольденбург
42-43.
Виктор Москалев
Николай Ерёмин
44-45-46-47-48
Валерий Байдин
Аркадий Перенов
Геннадий Юшко
Любовь Красавина
Дмитрий Гаранин
50-51.
Ольга Ильницкая
Ольга Лебединская
Зиновий Антонов
Галина Мальцева
Дарьяна Лемтюжникова
Ольга Филиппова
Лена де Винне
52-53-54-55.
Ольга Косарева
Наталья Крандиевская-Толстая
Владимир Шемшученко
56-57.
Олег Федоров
Александр Лысенко
Дмитрий Панчук
Галина Мальцева
58-59.
Александр Карпенко
Виктор Клыков
Александр Вепрёв
Валерий Купка
Галина Мальцева
60-61.
Владимир Тучков
Полина Ольденбург
Артур Вафин
62-63.
Лариса Желенис
Евгений Стрелков
Татьяна Липатова
Константин Строф
Галина Мальцева
64-65.
Виль Мустафин
Константин Былинин
Валентин Нервин
Татьяна Зоммер
Ян Пробштейн
Галина Мальцева
66.
Елена Тахо-Годи
Сергей Мнацаканян
67-68-69-70-71-72
Константин Кедров
Александра Мишутина
Андрей Викторов
Анастасия Мозго
Дмитрий Юртаев
Шуханков Андрей
Сергей Полежаев
Харитонова Елена
Александр Раткевич
73.
Всемирный День афоризма
Владимир Павлов
74-75.
Александр Городницкий
Павел Грушко
Елена Краснощекова

1 и 2 стр. обложки
Андрей Вражий

3 стр. обложки
Фотогалерея ПО

4 стр. обложки
Константин Кедров

Октябрь уж...

Константин Кедров
доктор философских наук
ДООС – стихозавр

* * *
Октябрь уж...

Октябрь уж нас...

Октябрь уж нас тупил...

* * *
20-й век еще не начался
Россия топчется в его начале
Еще и футуристы не звучали
И не было Ивана Ильича

Убиты все кто жил в 20-ом веке
Убиты все или почти что все
Кто правду говорил о человеке
А те, кто лгали – те во всей красе:

Генералиссимусы и генсеки
Творцы гражданских войн и мировых
Все эти людонедочеловеки
Как Ленин и теперь живее всех живых

У Мейерхольда Мандельштама и Цветаевой
В России нет могил
Условные могилы – не могилы
И Хлебников не умер и не жил

Малевич тоже погребен условно
Расстрелян Витебск – улетел Шагал
Ушли и те кто их беспрекословно
Расстреливал сажал и убивал

Не начинайся чертов век 20-й
С Гражданскою его и Мировой
Лев Николаевич, по-прежнему печатай
Про ненасилие – будь всегда живой!

Венский стул

ПОэма
1982 г.

Саратовская боль любви первоначальной
неназывная приставная боль
как сеча при Керженце
когда от угла до угла
стоят четыре стола

Но если
все испуганы птицы грелки
пряники
на востоке изнывает заря
о армада
я твоя прицесса-коза
надо мне надо
надо мной
мир дурак
расстановка сил
что-то наподобие костяка
Сам я изнываю
и недруга призываю
о умоли мою мать
о моли

Линия Ниневии
Венский вальс

Венский стул
Венский лес
Венский вальс-стул-лес
Венский лес-вальс-стул

Когда я буду ты
когда ты будешь я

венский
раз-два-три
стул
венский
раз-два-три
лес

Когда ты будешь лес
когда я буду стул
когда я буду ты
когда ты
вальс-лес

О мои мрежи
все жены тихо блюди
ноженьки мои
вложи в ножны меч

Константин Кедров
с культовым венским стулом.

Модель № 14. «Братья Тонет», 1859 г. 90x42x41. Из цельной древесины. Стул состоит из шести сегментов. Спинка сделана из двух концентрично гнутых деревянных прутьев с навинченной внутренней спинкой. Плетеное сиденье с обрамлением из цельной древесины

Фото
Елены Кацюбы

Кто с мечом к нам придет
Тот
Аномалия кривого угла

Танюша-растяпа
забыла чулочек надеть
а в нем ведь пальчики были
и ближняя козочка
все лелеяла
и растекались боженьки
по поляне

Надолго ли к нам?
– Надолго

Карлушечка будем петь
будем Настеньку беречь
будем котика дарить
и наркотики макать
и калачики любить

Дай мне ноженьки твои
неженьки
женишки-грибочки
ох мама моя ох
Наталья
ли

Торопился я навстречу
а зачем я торопился
если свадебная лягушечка
всю икорку снесла и съела

– Доченька не будь блядью
– Ладно мама не буду

На хуторе в близлежащем селе
жил один пастор
у пастора была Груня
но нигде более не было Груни

только на хуторе у пастора
в близлежащем селе

Тогда
зарядил я шарманку
кассетной шрапнелью
и начал песенку петь
о песенка моя сисенька
Далее что-то
про
общественные устремления

и потом лес
из стульев венских
Венский
и конечно мала зарплата
куча-мала
куча мела

Мусью Дидерот
рантье из версальского
предместья
вот ему-то
вот ему
предстояло быть
венским стулом
в том случае
если пастор и пастораль
наконец-то отыщут друг друга

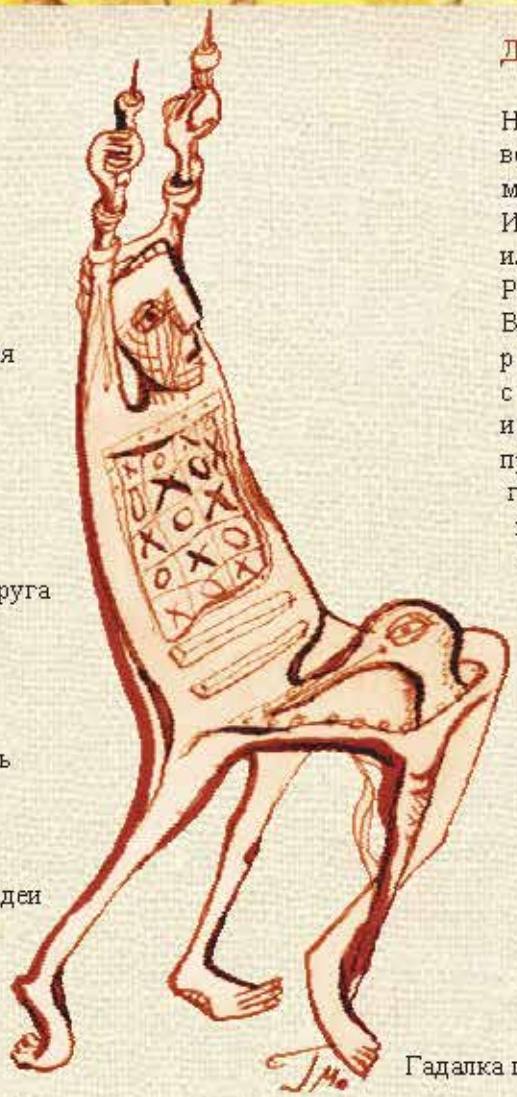
Что же мешает им
пастору и Грушеньке
друг друга
потешать-любить
обогревать
и гардинить

Оказывается виноваты злодеи
это они отгрызли ноготки
у козочки гризли
сняли с нее колготки
и пустили в лес-огород
несовершеннолетнюю
совершенно летнюю
весьма далекую от совершенства
и в то же время довольно близкую
к совершенству
рудиментарную
безостановочно грызущую
козочку-стрекозу

– Ай люли –
как говаривал Достоевский

Вологда недавно была
невидаль Волги
а теперь откуда ни выйду
никуда не войду.

На таможне обнаружен мальчик
из спелой репы
систематическое злоупотребление алкоголем
приводит к обугливанию
и углублению противоречий
между пастором и козой



Декрет

Настоящим
все становятся
матерями
Исполнение доложить мне
или моему секретарю
Рюрику
В случае невыполнения
расстрел
с пожизненной выплатой
и выселением в селения
праведных
где несть
идеже нест
болезни печали
ни воздыхания
но жизнь быстротечная

Секретарь Рюрик:
Исполнение доложить

Ой мама моя
ой Наталья
ли
Я ли
тебя не холила
не лелеяла
Ой нюни

Гадалка гадала
вот и нагадала
Ох ти мне христенька
вертихвостка турбулентная
паровозометростроительная
строительнометропаровозная

Тузенбах бах

Бенкендорф бух

Пал Пушкин

Пал Лермонтов

Пал Лемешев

Пал Полежаев
Полежал и пал

Но я
твой наставник и благочинный
несу ответственность
не только за колготочки
но даже за все чулочки

Трам-тарарам
Тарарам
Там-там
Там-тарарам
Тарарам
Трах-тарарах
Трах-трах
Трам-тарарамтарарам
Тах-тах
Трах-трах-траз-трах
Трах

далее все зависит от темперамента
но можно не более сорока минут

Все мы вычеркнуты Настей
из заветненького списка
там и я стоял в углу
Но безжалостная Настя
вычеркнула всех навеки
она сердце отдала злому карлику Капусте
он ее недавно съел

Так сказал на венском стуле
из вольтеровского кресла
пересев туда Вольтер

Но на острове Буяне
не буянит уж никто
кроме самого Буяна
он бо вещий аще струны
на персты твои влагаша
из влагалища былого
во влагалище златое
и промолвил песнь таку

– Не буди меня и не плачь
я с тобою навеки буду
и забыть тебя никогда не в силах
даже если совсем забуду
Мне не милы ни деревеньки
ни городишки
ни даже девы усыпанные бисером
ни золотые усыпальницы
копилки-кубышки

Настенька-Настенька
стенаю ночами
и почернел весь от горя аж
как обугленный пещь

Нету мне счастья нету
Напрасно кудесники гадали
на гладильных досках
напрасно судили
уже мне горе-любовь
на горе любви

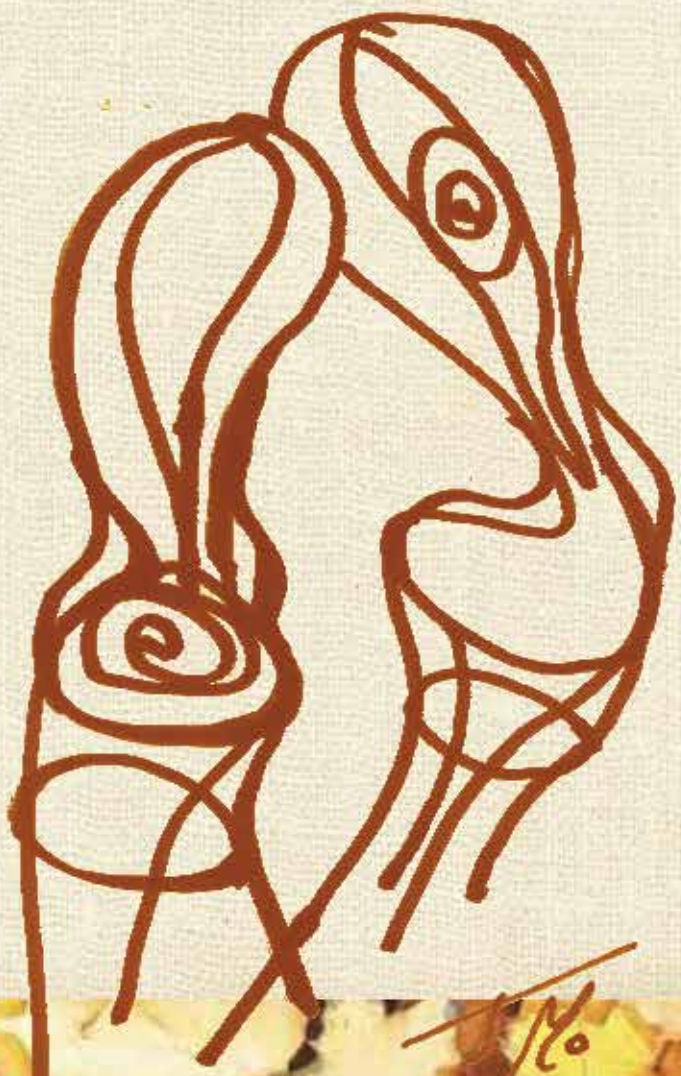
Сычинение

Детство я провел хорошо
а юность еще лучше
В отрочестве меня любили
потом позабыли
Потом теперь я уже стал взрослым
и у меня выросли волосы на лице
С тех пор прошли годы
но я все еще мечтаю
выйти замуж или жениться

P.S. 2001 г.

Ст-упор

стул на мне сидящий
он – я
я – говорящий стул.
разломав меня на части
все равно невозможно уничтожить
стечение двух согласных –
С Т – это неуничтожимо
это бесСмерТно это СТабильно.
я оСТаюсь в СТадионе СТанции в оСТановке
на СТыке в СТоне в СТупоре
в иСТине наконец
СТоп
Я СТал СТул



Новые модели венских стульев создала Галина Мальцева специально для ПО.

Нина Зарецкая
кандидат филологических наук
ДООС – art-стрекоза
Нью-Йорк

В поэтическом космосе с Константином Кедровым

Специально для ПО

Впервые я встретилась с Константином Кедровым в 1990 году на авангардной выставке в Галерее на Каширке, на выступлении созданной им группы ДООС – Добровольное общество охраны стрекоз. Стихи были совершенно необычные и читал он просто великолепно. Тогда я работала на Авторском телевидении – ATV, где мы создали программу «Шок-шоу», ориентированную на авангард в искусстве. Сразу возникла идея сделать поэтическое авангардное шоу, что мы и осуществили с Константином Кедровым и Еленой Кацюбой. Это были первые поэтические клипы на тогда еще советском телевидении. Фоном для стихов стали замечательные слайды с рисунками Константина, и я как ведущая программы спрашивала его, что же это такое – ДООС и метаметафора. А в конце декабря Елена и Константин участвовали в первой на телевидении рождественской программе. Еще был первый булгаковский праздник на Патриарших прудах с участием ДООСа. Константин Кедров только что вернулся из Парижа с фестиваля авангарда, в котором он выступал вместе с другом ДООСа Алексеем Хвостенко и будущим стрекозавром Генрихом Сапгиром. А потом в нашей программе «Очевидное – невероятное: Век XXI. Прогнозы» диалог вели Константин Александрович Кедров и Сергей Петрович Капица. С тех пор прошло много лет, и вот 21 октября 2004 года Константин Кедров и Елена Кацюба посвятили меня в ДООС в звании Art-стрекоза. Это произошло в TV Галерее на Якиманке, где мы отмечали 20-летие ДООСа презентацией книги «Сквозь К» (авторы В.Нарбикова, К.Кедров, Е.Кацюба).

Вот такое, историческое вступление получилось, а теперь о самом Константине Александровиче.

Номинант на Нобелевскую премию по литературе, лауреат южнокорейской премии Манхэ-2013, немецкой премии DOMINANTE-2014 Константин Кедров – поэт особый, он как будто бы говорит прежде всего с богом, а уже потом с нами, со слушателями. «Стих – это молитва», – как совсем недавно я прочла в одном из его текстов. Главная особенность его письма – иероглифичность и приоритет устного звучания даже при написании. Поэт стремится к надразговорному, всемирному языку, понятному без перевода.

Константин Кедров сумел свести воедино свои открытия в области астрологии, космологии и поэзии. Он открыл единый вселенский код живого и неорганического космоса. По аналогии с генетическим кодом он назвал его «метакод». Кедров первым заметил, что космологические сценарии подлета к черной дыре со сверхсветовой скоростью полностью совпадают со сценариями смерти и воскресения в

Кадры из программы «Шок-шоу – ДООС».

древних мистериях, в которых посвященный человек мог при жизни пережить такое космическое рождение. С юности его завораживала поэзия Велимира Хлебникова, попытки последнего связать поэтику футуристов с геометрией Лобачевского и теорией относительности Эйнштейна. «Еще в 1959 г. я почувствовал глубокую тайную связь между открытиями Эйнштейна и еще не реализованными возможностями постфутуризма», – признается поэт. Этой теме была посвящена и его дипломная работа в Казанском университете «Влияние геометрии Лобачевского и теории относительности Эйнштейна на художественное мышление Велимира Хлебникова». 1958 год можно считать началом творческой деятельности поэта. Именно тогда был опубликован в молодежной газете и в альманахе «Добрый огонек» его манифест свободы: «Но разве же есть у свободы родина? / Свобода – родина всего мира…» К сожалению, после нескольких публикаций в 60-е годы он был до конца 80-х отлучен от печати. В середине 70-хв его доме возник «подпольный» поэтический

семинар. Главные участники – Алексей Парщиков, Александр Еременко, Иван Жданов. Почувствовав глубинное поэтическое родство с молодыми поэтами, Кедров делал все возможное, чтобы их поэзия хоть как-то стала известна. В 1976 г. ему удалось провести вечер трех поэтов в ЦДРИ. Тогда он сказал, что родилась совершенно новая метафора – «метафора эпохи теории относительности».

Текущий год, 2017-й, особенный в жизни Константина Кедрова: в этом году он отмечает не только свое 75-летие, но и 33 года (возраст Христа!) ДОООСа – созданного поэтом объединения художников и поэтов Добровольное общество охраны стрекоз. Аббревиатура ДООС возникла в его стихотворении, написанном в 1984 году:

Неостановленная кровь обратно не принимается!
Окна настежь и все напрасно
две дани времен две отгадки
одна направо одна налево
ДООС
Добровольное
Общество
Охраны
Стрекоз

Речь шла, конечно, не о стрекозах из природного мира, а о той самой попрыгунье-стрекозе из басни Крылова. «Ты все пела? Это дело!» – иронически восклицал практичный муравей. Поэты ДООСа взяли эти слова как девиз: пение – это дело! В ДООС вошли крупные поэты, друзья Константина Кедрова: Андрей Вознесенский и Генрих Сапгир, оба в звании стрекозавров. Сам Кедров стал стихозавром. Так это и обозначено на афише театра Юрия Любимова на Таганке, где ДООСы по призыву ЮНЕСКО провели Первый Всемирный День поэзии 21 марта 2000 г., за что и получили благодарность ЮНЕСКО.

Другом ДООСа был Алексей Хвостенко (Хвост), сказавший на праздновании 20-летия ДООСа в 2004 г.: «Из всего, что делается сегодня в русской поэзии, мне ближе всего ДООС».

Впервые поэт рассказал о своем детище, ДООСе, в главе «Рождение метаметафоры» в книге «Поэтический космос», вышедшей в 1989 г.

Константин Кедров – прекрасный и опытный рассказчик: в 80-е годы он был популярным телеведущим литературно-образовательных передач учебного канала ЦТ и на протяжении 17 лет преподавателем Литературного института. На его лекции по фольклору, древнерусской литературе, литературе XVIII века, спецкурсы по Толстому и Достоевскому собирались студенты со всей Москвы.

Знания Кедрова поистине энциклопедичны, они охватывают широчайшие пласты истории культуры, науки, искусства, литературы. Его размышления отличаются актуальностью, «незаезженностью», поэтому слушать его – всегда одно удовольствие. Так же, как и слышать декламируемые им стихи.

«Человек – это изнанка неба, небо – это изнанка человека» – это строки из поэмы Кедрова «Компьютер любви». Поэт дважды становился лауреатом премии GRAMMY.RU в номинации «Поэзия года» именно за эту поэму. Премия GRAMMY.RU вручалась по итогам открытого голосования пользователей Интернета, без каких-либо промежуточных жюри или экспертных советов, и в этом отношении ее можно назвать самой демократичной из всех премий. Кедрову было отдано 14 тысяч голосов.

Собрав воедино основные вехи пути Кедрова и описав его важнейшие как художника черты, я поняла насколько мне повезло, что судьба свела нас лет 30 назад, дав возможность поработать вместе на многих проектах, самым значительным из которых стал документальный фильм «Нечётнокрылый ангел», о загадочной (как и само название фильма) и драматичной судьбе художника Павла Федоровича Челищева.

Впервые я услышала имя Челищева именно от Константина Александровича, который, как оказалось, был внучатым племянником этого художника, основоположника мистического сюрреализма, влиятельнейшего направления мирового искусства XX века; и в силу родственных связей знал о Челищеве еще в то время, когда имя художника не произносилось в среде отечественных искусствоведов. Молчание это совсем не удивительно: в возрасте 20 лет в 1919 году Павел Челищев эмигрировал с армией Деникина и так и не вернулся на Родину. Поэтому и для меня тоже всё, что я слышала от Константина Александровича о Павле Федоровиче, было полнейшим откровением.

Ловлю себя на мысли, что любое общение с Кедровым – открытие, а потому всегда поэтично. Ведь как он сам писал: «поэзия – это предчувствие чего-то нового». Завидую читателям, которые продолжат поиск во всемирной паутине космической поэзии Константина Кедрова.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, МОЙ ДОРОГОЙ ДРУГ!

Фото Елены Кацюбы.

Павел Челищев
Автопортрет

Нина Зарецкая и Константин Кедров на первой в России выставке Павла Челищева в галерее «Наши художники», 2007 г. Первый день съемок фильма «Нечётнокрылый ангел».

Елена Кацюба
ДООС – libellula

100лютие веролюции

100
и 100
и100рия
пре100лы
воздвигает –
во100рги!
и рушит –
100ны и100ргая
100лько промелькнуло на про100рах
вер100вых 100лбов
100гов, мос100в
и кре100в –
от Запада до Во100ка

Открылись кинг100ны «Варяга» –
пришли варяги в 9-м 100летии
(как летописец Не100р написал)
ушли в 20-м

Кто власти до100ин?
От100й!
и100лкли страну пе100м железным
ко100ломы бе100лковые
раскатали те100м
проще про100го – пи100лет в руки и –
100й!
бурлит гу100й на100й крови
не 100й под 100ком
прощай, Сева100поль!
Дальнейшее – пу100та

Не слушали Тол100го и До100евского..

Октябрь 2017.

* * *

Октябрь уж
глядит из луж
и срочно нуж-
но женщинам и муж-
чинам под один радуж-
ный зонт друж-
но, ведь здесь чуж-
их нет. Дождь тружени-
ник плетёт водяные кружева, сыплет капли-жемчужинки. Нам сухо, а снаружи сверху тучи, нагруженные осенью, как суждено от века. Скоро стружки снега полетят. Пружинит под ветром зонт. Уж октябрь...

Фото Галины Мальцевой

Александр В. Бубнов
доктор филологических наук
ДООС-палиндрозавр
Курск

ПАЛИНДРОМатическое

*
ело поле брани
и лодку минора
(«хламу дам ума», –
думал харон),
и мук доли,
и нар белополе...

И ЛЕВОГО ПУТИ ТУПОГО ВЕЛИ
(записка Евы)

«Аве!
я – ребру арт,
а муки левого пути
сор подал Мужу!..
(себе на небе сужу...)
Млад,
опроси тупого,
велик ума траур беря!..

Ева.»

*
...и не мал Псу бутан я слил,
я пялился на тубус Пламени...

*
не верхов коты примус оголили,
а тумана рабы тихие...
бес себе и хиты баранам утаил,
и логосу мир пыток в охре вен!..

*
нов звоновзвонов звон,
но аду кончил лично куда он?..

ОКО

откуда в О'ке верим,
Отче!..
мутил Пан лал-камень.
рапорт худ. воздух худ…
зов?! –
дух-тропарь нем…
а «клал»
на Плиту мечт
о мире веков аду
кто?!..

*
идолов миражи –
ходы!..

в лету сел –
ви'на мутил пан...

и воля влетела –
низам учения туркала
в аду меру –
тур ему давала, крутя, –
и не чумаз!..
налетел вяло...

вина', плиту мани –
в лесу тел
выдохи жарим володи!..

*
лидер бледен вова –
вовне дел бредил

*
в окне верхов мираж выл «пом.ад»!
опс! – огрел ли? –
клади кости на барабан!

отсырев,
мосол огрел лики толп массами!..

«мази» небес в окне верхов учую,
а тело в анаболики лезет.

у сен-симонов зори
мучу мирозвоном
и снесу тезе лик и лоб,
а на воле таю...

учу в охре венков
себе, низам...

и массам плоти киллер
голосом веры стона
барабанит соки –

дал киллер господа'м
оплыв –
жарим в охре венков...

*
не дел Бога
лбины
слили сурово годы...
договор усилил Сын –
и благобледен...

ОМО-АНА-ГРАММ-атическое

(1)
не бес воду
мутит
небесводу,
но люди,
идол ню…
им тут
коптить…
топь… кит…
Иона… теизм…
и он – атеизм…

(2)
веков
ноги и сталь –
веко
в ностальгии...

(3)
я яр! – о цели вою! –
я революция?!

ЛОГОГРИФическое

революция?..
Еволюция!..
волю Ци…
о, люци!..
Лю!..

(февраль-сентябрь 2017 г., Курск)

Виктор Ахломов
(1938 -2017)
ДООС – линзазавр

Печатать снимки – мой наркотик, или Снимайте – и спасены будете

Наркотик – это зависимость, привязанность, ритуал, постоянная необходимость. У людей он может быть разным. Сама жизнь для кого-то бывает трудным испытанием. Наркотиком. И здесь почему-то из памяти выплеснулись строчки современного поэта «Трава – права. А мы – увы!»

Мой давний профессиональный наркотик, моя зависимость и радость – это работа в фотолаборатории. Печать своих снимков. Ни дня без снимка! Я вспоминал, откуда эта привязанность. Оказалось, как и все – из детства.

В далеком, еще дошкольном возрасте я жил в коммуналке с тремя соседями. Один из них, пожилой бухгалтер, Михаил Афанасьевич Блинов был фанатичным фотолюбителем. Время от времени он печатал снимки в своей комнатке, превращая ее в фотолабораторию. Он сам готовил растворы и разрешал мне деревянной палочкой размешивать в ведре гипосульфит. То есть закрепитель. За аккуратную работу позволял мне присутствовать при таинстве печати. А иногда доходило до того, что я, стоя на цыпочках, пинцетом опускал в раствор кусочек белой бумаги и на ней, самым непостижимым для меня образом появлялись прекрасные лица мамы и бабушки. Вот, видимо, тогда я и подсел на свой наркотик, который называется ФОТОГРАФИЯ. Это теперь я знаю, что ФОТО – свет, а ГРАФИЯ – писать, дошел до понимания того, что вначале было не Слово, а – Свет.

«Вначале было Слово…» – это первая фраза Евангелия от Иоанна. А задолго до Рождества Христова был очень Ветхий Завет. И там, на первой же странице (стихи 4-8), вы можете прочитать: «… и увидел Бог свет, что он хорош, И отделил Свет от тьмы…» Так что создателя нашего мира можно смело считать причастным и к изобретению Фотографии. То есть Светописи.

Видя мою зависимость и любовь к фотографии, родители отдали меня на излечение в московский городской дом Пионеров в переулке Стопани, что у метро «Кировская» – «Чистые пруды». Дворца пионеров на Ленинских – Воробьевых горах тогда еще не было даже в чернильницах архитекторов «Моспроекта», который и сегодня расположен на площади Маяковского – Триумфальной. Фотографическая зависимость и замечательные преподаватели Дворца пионеров в переулке Стопани заставили меня учиться только на «отлично». Все это со временем и привело меня к профессии фоторепортера. То есть к желанной и любимой профессии.

Далее случилась еще одна нечаянная радость. Главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей, по совместительству зять Никиты Сергеевича Хрущева, решил создать воскресное иллюстрированное приложение к общенациональной газете. Так я начал работать фоторепортером в «Неделе». Это была славная эпоха начала шестидесятых годов. Времена так называемой романтической оттепели. Время Вознесенского, Евтушенко, Рождественского, Аксенова и Тринадцатой симфонии Шостаковича. Власть ослабила давление на приватизацию культуры, но все же время от времени напоминала художникам, композиторам и поэтам – кто в доме хозяин. Публичные порки и разборки, по мнению некоторых искусствоведов и историков, в те времена только помогали никогда не управляемому творческому процессу.

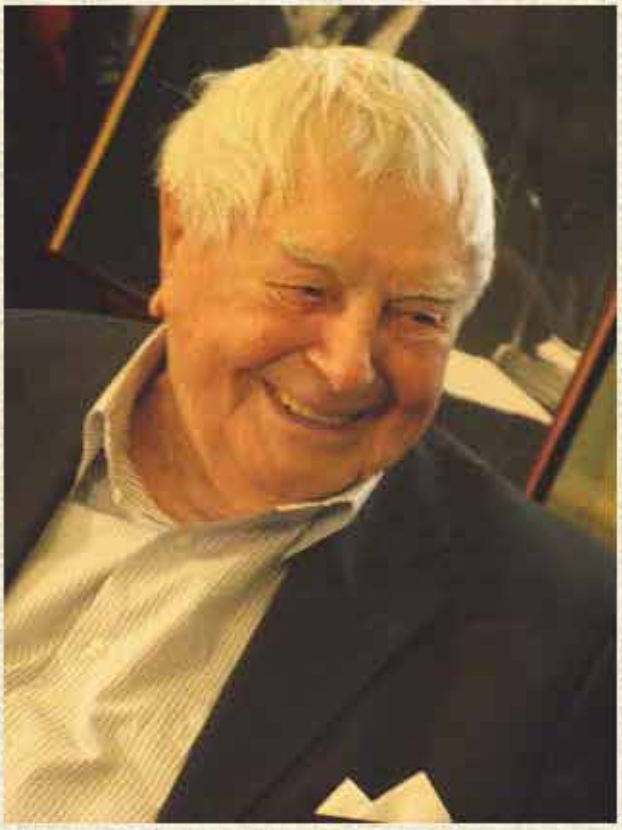
Хрущевская «оттепель» не могла пройти мимо и фотографического общества. В московском Манеже проходили огромные всесоюзные фотовыставки. Такие, как «Семилетка в действии». Работали фотоклубы и другие творческие объединения людей, занимающихся фотографией как видом творчества. То была пленочная эра развития фотографии. Но цифровая эпоха надвинулась на мир с Востока. Подобно неизбежному восходу солнца. Цифра вызрела в умах японских инженеров и стала завоевывать умы и сердца фотографов. Негативный процесс уступил пальму первенства цифре. Но окончательно не умер. Передовые фирмы, в том числе и знаменитая «Лейка», выпустили камеры со съемной задней стенкой. Снимай хоть на цифру, хоть на пленку. Только на пленку стало дороже. А на цифру легко и просто стали снимать все. От бомжей до президентов. И все достигали заметных творческих успехов. В разной, конечно, степени. Так фотография, это божественное изобретение, стала глобальной эпидемией. А для некоторых, вроде меня, и радостной зависимостью, наркотиком. Радостной в том смысле, что у меня профессия и наркотик совпали.

Мой старый приятель из Пскова предположил, что в эпоху кризиса и мировой глобальной монетизации фотография как духовная составляющая человеческого бытия, обречена спасти нас не только от финансового, но и духовного кризиса. Ведь не зря же «…увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы…» Так что жизнь продолжается. Снимайте – и спасены будете!

февраль 2012

100 лет Юрию Любимову

Спектакль Ю.Любимова «Бесы» 2014 г.
Фото Виктора Ахломова.



«Возможно, когда-нибудь наступит время, когда о Любимове можно будет говорить торжественным юбилейным тоном, как о Станиславском. Но пока ни о Таирове, и о Мейерхольде спокойным тоном не получается. А уж о Любимове и подавно. Поначалу в нем видели то нового Вахтангова, то Таирова, то Мейерхольда. Но с годами выяснилось, что он прежде всего новый Любимов. За его плечами весь XX век. Он видел Ленина в гробу во всех смыслах этого слова. Он давно пережил иллюзии всех ранних и поздних "оттепелей". Он взбунтовал против себя всех своих соратников. Посеявший ветер, пожнет бурю. А Любимов посеял бурю».

Константин Кедров
«Известия», 28.09.07

Николай Лозовой
(1901-1992)

Черубина без псевдонима

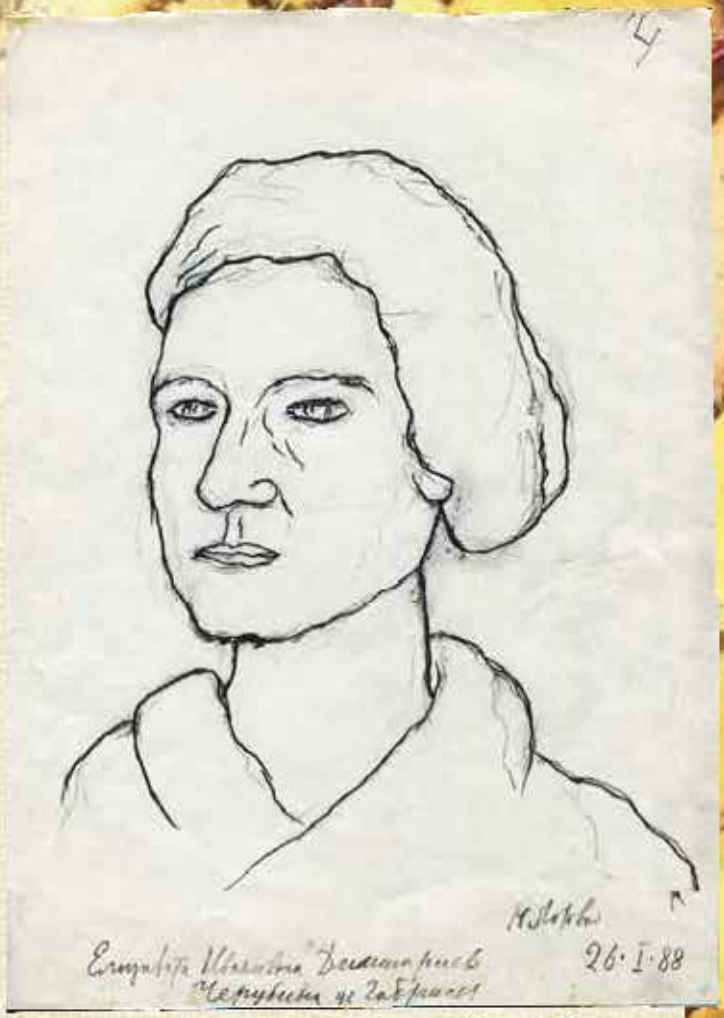


Рисунок Николая Лозового.

Впервые мне пришлось встретиться с Елизаветой Ивановой в 1920 году. Это было начало лета. Войсками Красной Армии был уже заняты Дон, Кубань, Новороссийск. Часть Белой Армии под командованием барона Врангеля закрепилась в Крыму. Польские войска двигались по Украине к Киеву. Я только окончил 8 классов Новороссийской мужской гимназии. Уже той весной 1920 года Новороссийск был занят Красной Армией. Это было особенное время. В Новороссийске организовывался комсомол при очень осторожном и недоверчивом отношении широких масс учащейся молодежи. Организатором комсомола был Федор Гладков, написавший в последствии роман «Цемент». Он в это время работал учителем в Новороссийске, но не в гимназии, а в городской школе. В нашу комсомольскую группу вх один тогда как один из активных участников и Геннадий Фиш, соученик мой по гимназии, впоследствии ставший известным писателем.

Да, это было особенное, необыкновенное время. Жизнь взрывалась и кипела. Звучал лозунг «Искусство на улицу», и особенно бушевало театральное искусство. Активнейшую деятельность проявлял Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Потом его вызвал в Москву Луначарский. Мейерхольд жил со своими двумя дочерьми у старшей своей семейной дочери Белецкой. Дом находился на окраине Новороссийска, так называемой Станичке.

Мейерхольд стал с приходом советских войск кем-то вроде комиссара культуры или театра. Он ставил пьесы в театре, организовывал театральные кружки из нас, молодежи. Нужно сказать, что мы, гимназисты, зная о значении Мейерхольда в театральном деле, сблизились с ним еще в 1919 году. Мейерхольд жил в эти годы в Новороссийске и при власти Белой армии подвергался гонению. Ему даже пришлось некоторое время сидеть в тюрьме. Мы, несколько человек гимназистов, бывали у него. Он нам читал, например, написанную им пьесу по рассказу Оскара Уайльда «Дитя звезды».

Большую роль в сближении нас с Мейерхольдом играл Архиппов Евгений Яковлевич, инспектор гимназии, крупнейший знаток русского символизма. При советской власти Мейерхольд организовал из нас драматическую студию. Работал с нами тогда и молодой артист Козловский, впоследствии известный Народный артист республики.

В начале лета 1920-го года я был призван в армию. Меня отправили в Екатеринодар. Я попал в шестую роту первого стрелкового полка 9-й Армии. Но в это время, как я уже говорил, искусство было брошено на улицу, в широкие массы. В каждом городе открывались различные студии, особенно драматические.

И вот в то время, когда ещё шли сражения с Врангелем и поляками, в Екатеринодаре, в одном из роскошных дворцов, взятом под клуб Красной Армии (клуб «Красная Звезда»), открылась драматическая студия для красноармейцев. Я подал заявление и был откомандирован в студию. Прох одил экзамен. Тогда ни одного человека не забраковали. Кроме красноармейцев в студии училось еще некоторое количество штатских. Мы занимались в огромном зале с роскошной золочёной мебелью в белых чехлах. Занимались с нами видные московские артисты, приехавшие в Екатеринодар из голодной Москвы. Руководил студией Розен-Санин, впоследствии Народный артист республики.

И вот на занятиях по драматургии к нам пришли два человека, чтобы вести совместно занятия. Это был уже несколько известный в Екатеринодаре поэт Самуил Яковлевич Маршак и никому ещё неизвестная Елизавета Ивановна Дмитриева. Никто из нас и не подозревал, что это поэтесса Черубина де Габриак (впрочем, вероятно, никому из нас не была известна такая поэтесса).

Наша драматургическая студия занималась чтением и разбором произведений греческих трагиков.
Сейчас я не могу, конечно, через столько лет подробно рассказать о тех занятиях. Что касается Черубины, то могу сказать об основном впечатлении. Бросалась в глаза её исключительная внимательность, добросердечие и скромность. Ни малейшего фантазерства, высокопарности, фальши. Исключительная простота и отзывчивость. Такой я её и знал в следующие годы.

В этот период и Дмитриевой, и Маршаку пришлось пережить некоторые волнения. Дело в том, что летом 1920-го года Врангель высадил на Кубань десант под командованием генерала Улагая. Десант неожиданно и стремительно, в несколько дней, прорвался к сердцу Кубани – Екатеринодару и подошел почти на тридцать километров. В городе началась страшная паника. Была объявлена двухчасовая эвакуация. Эвакуироваться должны были все, кому угрожала расправа от ворвавшегося врага. Конечно, Дмитриевой и Маршаку тоже угрожала опасность. В студии объявили, чтобы красноармейцы вернулись в свои воинские части. Но Улагай был отбит, и непосредственная опасность миновала.

Однако я уже вернулся в шестую роту первого стрелкового полка 9-й Армии. Шестая роты вошла в группу,

которая была посажена на несколько барж и пароходиков и поплыла вниз по Кубани в тыл врага. В этой группе находился Дмитрий Фурманов, будущий известный писатель. Он был тогда комиссаром 9-й Армии.

Это был опасный поход, так как если бы враг обнаружил нас, плывущих беспомощно по реке, то легко перестрелял бы с берега.

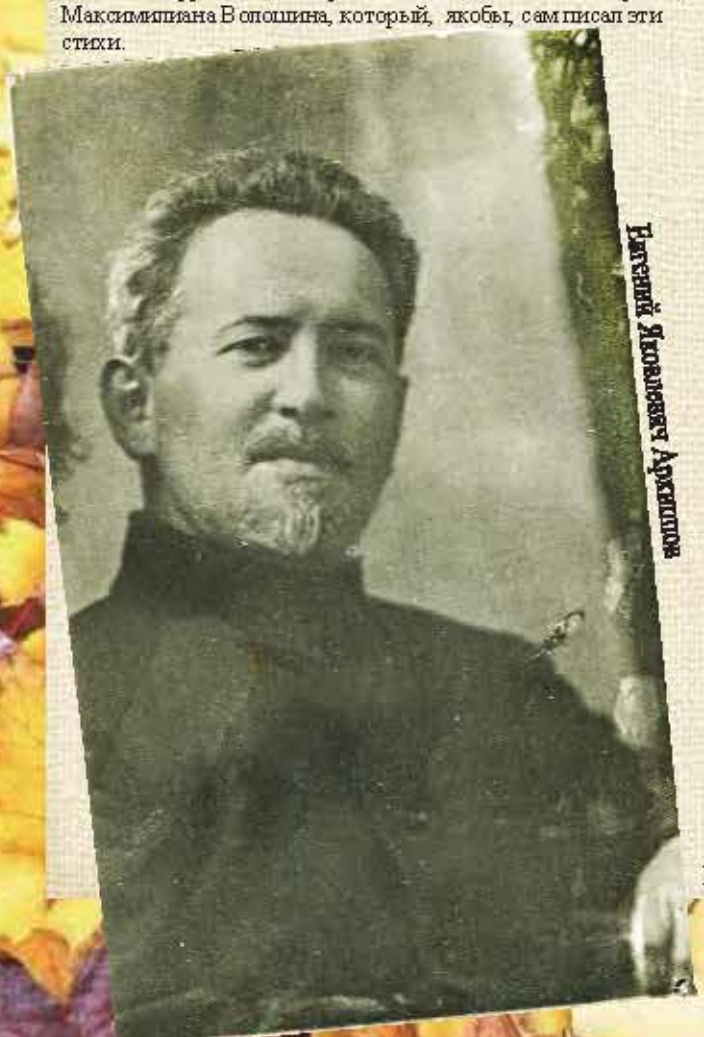
После того, как врангелевцы были отброшены с Кубани, я опять вернулся в студию. Но вскоре мои занятия прекратились – я заболел тифом и на несколько месяцев вернулся в Новороссийск.

С Елизаветой Ивановной Дмитриевой я встречался еще в 1921, а потом в 1922 году.

Драматическая студия через год была закрыта. В это время клуб «Красная Звезда» был преобразован в детский театр. Дмитриева и Маршак стали работать в этом театре, писать совместно пьесы для детей. Они выпустили в Екатеринодаре сборник этих пьес. Собственно, с этого времени Маршак и переключился на детскую литературу. До этого он писал стихи, но ничего, относящегося к детской литературе.

К этому времени относится и очень важное для Елизаветы Ивановны знакомство. В Новороссийске жил преподаватель истории, ученик Ключевского, Евгений Яковлевич Архиппов (он упорно настаивал на двух «п» в своей фамилии). Это был выдающийся литературовед, безусловно, крупный знаток русского символизма. Когда он узнал о пребывании в Екатеринодаре Елизаветы Дмитриевой, то сказал, что это же и есть поэтесса Черубина де Габриак, которая в 1909 и 1910 годах наделала большой шум в журнале «Аполлон». И этот шум был вызван в основном, конечно, не загадочной историей с псевдонимом Черубина де Габриак, а с тем, что стихи действительно были замечательны.

Архиппов подробно говорил о её творчестве, считал её выдающимся поэтом. Интересно сравнить, насколько Архиппов был более осведомлен о русских поэтах, чем Эренбург, который через много лет громогласно заявил, что никакой Черубины де Габриак не было, что это мистификация Максимилиана Волошина, который, якобы, сам писал эти стихи.



Евгений Яковлевич Архиппов

Архиппов написал Елизавете Ивановне письмо в Екатеринодар. После этого установилась между ними очень серьезная переписка, которая продолжалась до самой смерти Черубины. Елизавета Ивановна посылала Архиппову свои новые стихи. Прислала свою интереснейшую и трогательную автобиографию. Она просила уничтожить некоторые письма после своей смерти. Мне известно, что письма, однако, и после смерти Архиппова не были уничтожены. Но мне не удалось их достать. Очень, конечно, важно, если они найдутся.

Черубина в нескольких своих стихах лично обращается к Евгению Яковлевичу. Так, например, в стихотворении 1925 года:

Евгению Архиппову.

Опять, как в письме, повторяю я то же,
Звучащее в сердце моем,
Что в гибких стихах, в переливной их дрожи
Я вижу Хрусталь с серебром..

У Евгения Яковлевича тоже были стихотворения, посвященные Черубине. Например, стихотворение 1922-го года:

Твое лицо теперь закрыто для меня
Через незримые истлевшие пространства,
Как запланетная стрела шпейнерианства,
возник разрез подземного огня.

В Екатеринодаре (с конца 1920 года уже Краснодар) в 1921 и 1922 годах я жил неподалеку от Дмитриевой (это была улица Гоголя) и довольно часто встречался с ней. Конечно, более чем через 60 лет трудно вспоминать об этих встречах. Но помню, например, некоторые ее взгляды о писателях, поэтах. Брюсова Елизавета Ивановна категорически не любила. Очень ценила Андрея Белого, Иннокентия Анненского, Вячеслава Иванова, Блока, Максимилиана Волошина.

Интересно, что об Анне Ахматовой она сказала, что «иногда её любит», только иногда. Из наших бесед, а также по другим сведениям, открывается очень интересная история ее отношений с Николаем Гумилевым. Конечно, Дмитриева была человеком довольно скрытным и не болтливым, так что об этом можно было узнать только по её намёкам или от других. Но в своих стихах она говорит об отношениях с Гумилевым очень откровенно. Правда, в стихах Черубина называет Гумилева Анатолием Грантом (почему именно Грантом, не могу сказать).

Известно, что между Гумилевым и Волошиным была дуэль. Об этой дуэли ходит много всяких выдумок и рассказней. Максимилиан Волошин лично рассказывал Евгению Архиппову о дуэли с Гумилевым. Дуэль действительно была. Волошин оскорбил Гумилева. Причиной были какие-то не вполне корректные высказывания Гумилева о Черубине. Волошин рассказывал, что Гумилев выстрелил вверх. Он, конечно, мог бы убить Волошина, так как был прекрасный стрелок. Сам Волошин говорит, что очень боялся, как бы не попасть нечаянно в противника, так как он впервые в жизни держал в руках пистолет.

С Гумилевым Черубина встречалась в 1907 и 1909 годах. Они встречались с ним в Париже и в Петербурге. В стихах Черубина говорит о глубоком, серьезном чувстве, бывшем между ними:

Слаще вина и меда
был нашей встречи час.

Но потом произошел разрыв, в котором Черубина видит вину и свою, и Гумилева:

Как я тебя обижала,

Как ты поверить мог
.....
Было сказано слово неверно...
.....
Зачем же были так грубы
слова обо мне.

Это взято из стихотворения, обращенного к Анатолию Гранту. Повторяю, что Анатолий Грант – это Николай Гумилев. Написано в 1925 году и в автографе прислано Архиппову.

В этих стихотворениях, написанных после смерти Гумилева, Черубина с большой теплотой и сердечностью вспоминает о встречах с ним, говорит, что в ее памяти и в сердце осталось только хорошее. Она горько скорбит о его гибели.

В стихотворении «Памяти Анатолия Гранта», написанном в 1921 году также в память о 25 августа, дне смерти Гумилева, Черубина говорит:

Разошлись... Не пришлось мне у гроба
помолиться о вечном пути,
но я верю – ни гордость, ни злоба
не мешали тебе отойти.

В это время вышла книжечка Вячеслава Иванова и Михаила Гершензона «Переписка из двух углов». Мне удалось достать эту книгу, и, зная, что Дмитриевой близок В. Иванов, я подарил её ей. В благодарность за это она подарила мне вышедшую тогда книжечку Андрея Белого «Кризис мысли». В Петрограде весной 1923 года, будучи членом «Вольфилы» (Вольно-философская ассоциация), я сделал доклад об Андрее Белом по теме этой книги. Андрей Белый тоже состоял членом «Вольфилы», но в это время находился за границей. В том же году (1923) «Вольфила» была закрыта.

Живя в Екатеринодаре, Елизавета Ивановна приблизила к себе несколько человек, работавших в области поэзии. Это был Федор Акимович Волькенштейн, человек уже немолодой, довольно известный до революции адвокат. Стихи он писал грамотные, но слишком в духе XIX века. Близки были к Черубине две девушки-поэтессы – Елена Бекштерм и Евгения Николаева. Бекштрем писала уже довольно неплохие стихи. Но, несомненно, значительный интерес представляла собой Евгения Николаева. Ей было в 1921 году приблизительно 24 года. Дмитриева была высокого мнения о её таланте и дала ей приблизительно такой совет: «Вы раз и навсегда решите, что вы поэт, настоящий поэт. И больше об этом не думайте».

Стихи Николаевой были своеобразные. Приблизительно в 1924-1925 годах я встретил в одном из толстых журналов Москвы её стихотворение. Оно было сильное, но упадническое по настроению, что для неё характерно. Какова была дальнейшая судьба Николаевой, я не знаю. Боюсь, что упадническое настроение не привело её ни к чему к хорошему.

Из тех времен вспоминается мне еще одна девушка – Ирина Валерьянова Карнаухова. Она не писала стихи, но работала в области фольклора и даже выступала на публичных вечерах в Екатеринодаре с чтением народных сказок. Уже после Отечественной войны я встретил её имя как автора переработки для детей былины об Илье Муромце. Я упоминаю о ней потому, что Дмитриева очень хорошо, с большой теплотой относилась к ней.

В 1922 году Елизавета Ивановна выехала в Петроград. Помню, приблизительно в 1924 году в Ленинградском институте истории искусств хотели провести вечер, посвященный творчеству Черубины. Она категорически возражала и добилась, чтобы этот вечер не состоялся. Живя в Ленинграде, она серьезно заболела, ожидала смерти, находилась в очень тяжёлом душевном состоянии.

Повторяю, что Черубина всё время была духовно близка Евгению Архиппову, посылала ему письма, посылала свои стихи. Стихи Черубина писала непрерывно. И творчество её достигало все больших и больших высот.

Содержание поэзии её было серьезное и очень сложное (может быть, поэтому она Анну Ахматову любила только иногда). Евгений Архиппов написал о Черубине работу. Называется она «Венцы и лики Черубины». Видимо, он подчеркивал многообразие сложности поэзии Черубины. Это, несомненно, интереснейший документ о Черубине. Мне не удалось ни достать, ни прочитать эту работу. Будет, конечно, очень радостно, если эта работа найдется.

Хочется в заключение вспомнить последние строки из стихотворения, посвященного Николаю Гумилёву, написанные в 1921 году и в память о 25 августа 1921 года – дате гибели Гумилёва, поистине пророческое.

И откроются очи для света.
В небесах он совсем голубой.
И звезда твоя – имя поэта
неотступно и верно с тобой.

Евгений Яковлевич Архиппов говорил с возмущением о том, что когда Черубина посылала в журналы символистов свои стихи, подписанные Дмитриевой, то есть её подлинной фамилией, ей их возвращали. Только когда редакцию «Аполлона» заинтересовал таинственный псевдоним Черубина де Габриак, стихи начали в 1909 и 1910 годах печатать в «Аполлоне». Архиппов вспоминал, что Иннокентию Анненскому тоже пришлось столкнуться вначале с недоброжелательным отношением. Он посылал стихи в журналы, и ему их возвращали. В литературных кругах полагали, что есть один Анненский – замечательный переводчик древнегреческих трагедий, второй – литературный критик, а третий – вот этот неизвестный поэт. Только в последние годы Анненский стал известен и как поэт, а его главная книга стихов «Кипарисовый ларец» была напечатана только после смерти поэта. Архиппов говорил с горечью, что ни одного стихотворения нельзя было возвращать такому замечательному поэту, как Иннокентий Анненский. Мы-то это прекрасно теперь знаем.

Нельзя было, конечно, не печатать стихотворения и Елизаветы Дмитриевой – замечательного поэта Черубины де Габриак.

Стихи Черубины стоят на очень высоком поэтическом уровне. Ее язык, как будто совсем простой, вместе с тем имеет какую-то своеобразную выразительность. Вот, например, из венка её полусонетов «Золотая ветвь»:

Средь звездных рун, в их знаках и названьях
хранят свой бред усталые века,
и шепестят о счастье и страданьях
все лепестки небесного венка.

Кроме слова «руны» (древнейшие письмена на камнях и оружии у скандинавов), остальные слова совсем обыкновенные, простые, но они у Черубины приобретают какое-то новое, углубленное значение, а не только простую информацию. А ведь это новая значимость, углубленность слова и является тайной подлинной поэзии, отличающей её от прозаической речи.

В 1920-х годах Евгений Яковлевич Архиппов занялся составлением сборника стихов Черубины де Габриак, получив одобрение на это самой поэтессы. Черубина де Габриак периодически посылала Архиппову свои неопубликованные стихи. (Все опубликованные, безусловно, имелись у Архиппова). Вместе с Черубиной де Габриак Архиппов определил структуру сборника и закончил его составление в 1927 году. В то время сборник так и не удалось издать. До самой своей смерти Архиппов хранил эту рукопись, затем она вместе с сохранившейся частью творческого наследия Архиппова находилась у его дочери Ирины Евгеньевны Архиповой (у неё написание фамилии через одно «п».)

Примечание А.Н.Лозового:

Ученик Архиппова по новороссийской гимназии Николай Григорьевич Лозовой в течение жизни Архиппова поддерживал отношения со своим бывшим учителем, с его вдовой, дочерью, с Гурвичем Абрамом Моисеевичем, женившемся на вдове Архиппова. Надо сказать, что Гурвич был крайне образованным человеком, окончивший ещё до 1917 года Оксфордский университет, и заботливым по отношению к семье Архиппова, его дочери и её сыну Эдуарду жившим в городе Ткварчели в Абхазии. После смерти супруги Гурвич в шестидесятых годах прошлого века переехал навсегда во Францию, где вскоре умер. До своего отъезда он неоднократно приезжал в Сухум в гости к Лозовому, и в один из его приездов они отправили рукопись сборника Черубины де Габриак, составленного Архиппоовым, в Ленинград в Пушкинский Дом. Рукопись эта была передана Лозовому Ириной Евгеньевной Архиповой. По оригиналу этой рукописи и напечатан первый сборник стихов Черубины де Габриак в 1989 году по инициативе Д.С. Лихачёва и Н.Г. Лозового. Свою биографию Черубина де Габриак написала специально для этого сборника по просьбе Архиппова в 1927 году.

Николай Лозовой

Ольга Брагина

Киев

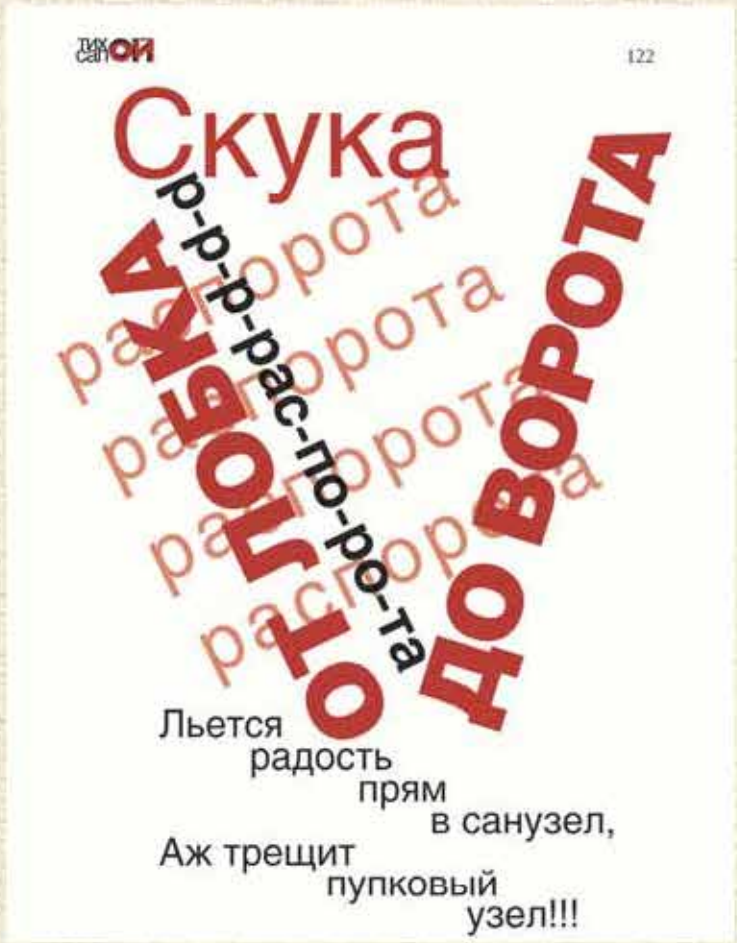
* * *

Под твоим окном лежит не тающая месяц льдина,
дети пишут письма Децлу, почтовый ящик разрушен,
последнее десятилетие двадцатого века,
виртуальный персонаж Черубина,
вечность родится из бублика и ободок надкушен.
Все хотят приоткрыть ее и шлют в пустоту сердечки,
под твоим окном лежит листовка с рекламою
«Эльдорадо»,
и Четвертый Рим вот так догорит от свечки,
потому что нам четвертого здесь не надо.
Под твоим окном лежит она, вокруг шелестят покосы,
ездят по скользкому в полночь автомобили,
пешеходы стараются быть побыстрее – косы
траектории, ну и за что вы ее любили,
ну и за что вы ее любили здесь, пока не пришли казахи,
письмецо в конверте вам пригодится дома.
«Я была сегодня в театре – там треснул картон у плахи
и упал на сцену старый Бурлюк с парома».
И ничто не будет здесь как и прежде, даже,
как вот год назад, например, да и что там было,
а суфлеры твердят, что надо заботиться о поклаже
и достать Бурлюка из конфетти и ила.
И все хотят забыть ее как сон, что после обеда
привиделся в пятницу – вредно спать на работе,
потому что тяжесть вредна, как и легкость –
твоя диета,
никаких больше дел, вот покамест не прожуете.
Я была сегодня в театре, а вы не пришли, мой милый,
как же так, я сидела ровно в девятом ряду партера,
если можно желать увидеть кого-то с такою силой,
только мера желания – это совсем не мера.
Под твоим окном лежит настоящая льдина,
дети любят холодное, норовят откусить по кусочку,
ну теперь мы ее найдем – залогинилась Черубина,
потому в адресах обязательно ставят точку.

P.S.

В 1927 в доме Елизаветы Дмитриевой в Петербурге производят обыск, забирают все её книги и архив. Поэтессу отправляют в ссылку в Ташкент на три года. В ссылке она создает литературную мистификацию (по предложению своего друга, китаиста и переводчика Ю. Щуцкого) – от имени философа Ли Сян Цзы, сосланного на чужбину «за веру в бессмертие человеческого духа», пишет цикл семистиший «Домик под грушевым деревом». До конца ссылки не дожила. Скончалась 5 декабря 1928 г. от рака печени в ташкентской больнице им. Полторацкого. Была похоронена на Боткинском кладбище в Ташкенте. В настоящее время никто не знает, где могила Елизаветы Дмитриевой – Черубины де Габриак.

Виктор Корольков
ДООС – книгозавр



СТИХ О ВРЕМЕНИ
ОТ ВРЕМЕНИ НЕ СТИХ

Академия Зауми

Сергей Бирюков
доктор культурологии
ДООС – заузавр
президент Международной
Академии Зауми
Тамбов/Галле

Литературоведение

ОСТРАНЕНИЕ И ОСТРАННЕНИЕ

Виктор Борисович
Шкловский
мне говорил,
что возможно
не ошибся ОПОЯз*,
возводя прием
в степень,
но принимая
экстаз,
как принимают
решения —
мгновенно
с широко
открытыми глазами:
никто не напишет
за нас,
только мы сами...
затем зашла речь
о остранении
и о остраннении
исчерпав странность
и остраненность
перешли
к замедлению
сюжета
собственно весь диалог
двигался в сторону
разрушения автоматизма
текста и его восприятия
мы шли с двух сторон
навстречу друг другу
замедляя сюжет
и тем самым разрушая
автоматизм линейности

Примечание: ОПОЯз – общество изучения поэтического языка – неформальная группа, впоследствии названная «формальной школой» (приблизительно 1916-1925 гг), в которую входили В.Б.Шкловский, Ю.Н.Тынянов, Б.М.Эйхенбаум, Р.О.Якобсон, О.М.Брик и др.

Международную Академию Зауми (АЗ) я образовал в 1990 году в городе Тамбове. Мои друзья и коллеги по литературной студии «Слово», которой я тогда руководил, Вадим Степанов, Владимир Мальков, Александр Федулов поддержали эту инициативу, и мы даже напечатали в газете некий текст, в котором говорилось, что студия «Слово» переименовывается в «АЗ» и создается Академия Зауми, а также учреждается Международная Отметина имени отца русского футуризма Давида Бурлюка.

Серебряная медаль «Международная отметина Давида Бурлюка» учреждена в 2013 г. Дизайн Маргариты Аль.

Под знаком АЗ мы проводили конференции и фестивали, растормаживая творческие процессы не только в городе Тамбове, но и оказывая воздействие на другие города, в том числе на Москву и Петербург.

Мы взяли за основу три важнейших принципа авангардизма, которые можно обозначить тремя «Э»: Эксперимент, Экстравертность, Экспансия.

Студию «Слово» я создал в 1981 году при Доме учителя, в которой и возрождал линию авангардного поиска в искусстве. Эта студия состояла в основном из молодых людей, пишущих стихи и прозу, которых я последовательно знакомил с историческим авангардом и помогал каждому из них найти свой путь эксперимента. Наши выступления в Тамбове еще в советское время всегда проходили на грани скандала. Публика, не имевшая опыта общения с необычными формами стихов, иногда реагировала отрицательно.

Впрочем, такая реакция публики как бы запрограммирована самим авангардным искусством, поэтому мы не обижались. К тому же у нас было достаточно и своей публики. Я знал едва ли не всех интересных деятелей искусств в городе. Мы сотрудничали с артистами, музыкантами, архитекторами, художниками, любителями кино, а также с филологами, историками.

В 1985 году нам удалось провести несколько акций, посвященных 100-летию Велимира Хлебникова. До конца 80-х годов еще в статусе студии «Слово» мы провели серию акций, посвященных русскому и мировому поэтическому авангарду.

На публике мы отрабатывали новые приемы чтения авангардной поэзии. Мы втягивали зрительный зал в полемику и заставляли задуматься о множественности граней поэзии. В дальнейшем, когда я стал преподавать лингвистику и поэтику в Тамбовском университете имени Г.Р.Державина (это был уже 1991 год), то действия Академии Зауми переместились на университетскую территорию. Таким образом я пытался внести элементы авангардизма в педагогику и вообще в университетскую художественную жизнь. Ряд номеров университетской газеты вышел под знаком Академии Зауми, мы провели серию перформансов с участием авангардных авторов из Москвы и других городов.

Это была попытка восстановления в правах важного для обновления искусства художественного движения. Мне казалось в то время, что с помощью алогичного, нарушающего границы между жанрами и видами искусства можно преодолеть абсурд так называемой реальности. Мы хотели внести в этот трудно меняющийся мир новые краски, динамику активного художественного действия.

Название – Академия Зауми – было оксюмороном (подобно «горячему снегу»), ведь заумное, алогичное, аграматическое искусство по своей природе антиакадемично. Но это другая Академия – не застывшая, рутинная организация, способная фиксировать лишь уже отжившее, а особая динамическая институция, развивающая незавершенные проекты исторического авангарда и выдвигающие новые. Сама Академия Зауми стала таким новым проектом. С одной стороны она объединила в себе все направления исторического авангарда, с другой – она объединила современных неоавангардистов, независимо от места их проживания.

Ход был абсолютно авангардистский – ибо Академия Зауми существовала и существует без финансов! У Академии нет спонсоров, ее не финансирует никакой фонд. Деньги, необходимые для переписки, подготовки публикаций, моих поездок на выступления в другие города, я зарабатывал собственной литературной и преподавательской деятельностью. Другие члены Академии, приезжавшие в Тамбов, сами изыскивали средства на проезд. В период сотрудничества с Тамбовским Университетом мы имели возможность бесплатно пользоваться помещениями и иногда издательскими возможностями Университета.

Сотрудничая с ветеранами неоавангарда и совсем молодыми авторами, многие из которых были моими студентами, я пришел к выводу, что мы создаем особый гипертекст во времени. Мы работаем с текстами разных лет XX века, обращаемся к другим векам, находя в них предшественников и создаем собственные тексты. Выстраивается цепь текстов, фигуры текстов. Мы пробовали представлять эти переплетения текстов в совместных перформансах и публикациях. Наконец я объединил ряд таких переплетений в книгах «Зевгма» (1994) , «Поэзия русского авангарда» (2001), «Року укор» (2003), а также в русско-немецкой антологии современной поэзии «Диапазон» (2005) и «Альманахе Академии Зауми»(2007) .

Первая книга объединила в себе принципы антологии, сборника теоретических эссе и диалогов, словаря, библиографического справочника, учебника. Вторая книга была построена в виде театрального действия. Эта фиксация текстов в книгах не отменила их живого движения, а напротив – стала стимулом для других авторов, которые впервые увидели, что поэзия воплощается не только в форме стандартных строф-кирпичиков.

Третья книга расширяла, корректировала и существенно дополняла первую. Четвертая показывала грани современного поиска в традиционном русско-немецком контексте. Пятая – подводила некоторые итоги и расширяла международный контекст (в Альманахе участвовали авторы из Бельгии, Болгарии, Германии, Дании, Молдавии, Украины, Чили).

Таким образом, можно определить ведущее направление старшего поколения неоавангардистов. Это расширение художественного пространства. Визуализация, эксперименты со звуком (саунд-поэзия), возрождение заумной поэзии, рукописных книг, представление поэтического на публике, осознание тела как поэтического объекта (поэтический перформанс). В дополнение к этому некоторые авангардисты занимаются просветительством – изданием архивных материалов раннего авангарда, переизданием книг, пишут популяризаторские статьи и научные исследования и т.д.

За 27 лет деятельности Академия Зауми неоднократно выступала инициатором самых разных акций, соединяя академизм с акционизмом в духе футуризма и дада. Так в 90-е годы АЗ совместно с кафедрой русского языка Тамбовского государственного университета им. Державина провела серию международных научных конференций, включающих поэтические акции авангардного направления. Серия публикаций АЗ состоялась в конференционных сборниках, а также в журналах «Кредо», «Волга», «Новое литературное обозрение».

В те же годы ряд членов АЗ принимали участие в различных международных конференциях и фестивалях в Польше, Финляндии, Канаде, России. Особенно активно шло взаимодействие тамбовских и петербургских авангардистов – несколько совместных акций прошло на сценах Москвы и Петербурга.

С конца 90-х АЗ сотрудничает с изданиями нашего бывшего студийца, ныне известного поэта, исследователя, писателя, издателя Евгения Степанова, который теперь уже в ранге академика издает очень важные для нас журналы «Футурум-арт», «Дети Ра», «Другие», газеты «Поэтоград», «Литературные известия». Без этих изданий действия АЗ сейчас уже трудно представить.

В 2003 году члены АЗ Анна Альчук, Наталья Фатеева и автор этих строк организовали в Москве, в Институте русского языка, конференцию-фестиваль с участием ведущих авангардных поэтов и исследователей современного и исторического авангарда. Это было наиболее крупное и яркое событие, завершившееся выпуском объемного тома исследований и поэтических текстов.

В 2004 году на Берлинском поэтическом фестивале состоялась историческая встреча одного из основателей немецкой конкретной поэзии Ойгена Гомрингера с немецкими и русскими современными экспериментальными поэтами. В вечере, названном по заглавию моей

билингвальной книги «Ja ja, Da da...», наряду со мной и Гомрингером, участвовали Хартмут Андручюк, Фридрих Блок, Валерий Шерстяной и Дмитрий Булатов. В 2005 году вышел специальный выпуск известного международного славистского журнала «Russian Literature», полностью посвященный современному русскому авангарду.

В этом же году вышла, также подготовленная нами совместно с ДООС Константина Кедрова антология современной немецкой и русской поэзии «Диапазон», ориентированная прежде всего на представление поэтических инноваций. Премьера книги состоялась на Московском биеннале поэтов, где наряду с русскими авторами участвовали немецкие – Моника Ринк, Герхард Фалькнер, Хендрик Джексон и Штефан Поп. Еще одна презентация состоялась несколько позже в Берлине. Серия акций, посвященных немецкому и русскому авангарду, была проведена при участии Института Гете в Москве в клубе «Классики XXI века», в Самаре, Саратове и Ростове-на-Дону.

Особое место в истории АЗ занимает продолжающееся много лет сотрудничество с группой Константина Кедрова ДООС. Десятки совместных выступлений, публикаций в различных изданиях, особенно, конечно, в уникальном доосовском «Журнале ПОэтов», работа над Антологией «Диапазон». Константин Кедров, Елена Кацюба, Маргарита Аль занимают почетное место в ряду академиков АЗ.

Среди многих международных проектов следует выделить проект, начатый в 2005 году на поэтическом фестивале в Македонии, когда я вместе со своими коллегами образовал группу звуковых поэтов «ДАстругистенДА» в составе: Питер Во (Англия/Австрия), Филип Меерсман (Бельгия), Сергей Бирюков (Россия/Германия), позднее присоединились Ливен Веркаутер (Бельгия) и Ян Малин (Эстония). Эта группа действует до сих пор, принимая участие в различных фестивалях и акциях, представляя записи перформансов в Интернете. В частности группа была в 2009 году специальным гостем на первом Европейском фестивале Slam-poetry в Берлине.

Начиная с 2008 года АЗ инициирована и проводит акции в честь 100-летия мирового авангардного движения. Такие представления прошли в Тамбове, Москве, Петербурге, Берлине, Лейпциге, Галле, Штутгарте, Париже, Генте, Будапеште, Вене, Трире, Брюсселе, Хельсинки, Токио, Бухаресте.

Помимо этого в Москве были организованы несколько фестивалей комбинаторной и авангардной поэзии, а также звучарной поэзии. Постоянный куратор – член АЗ Евгений В. Харитоновъ. Он же стал инициатором интернет-журнала «Другое полушарие». Это единственный в России журнал, представляющий звучарную поэзию, то есть не только чтение стихов, но и различные эксперименты со звучанием голоса, использованием электроники.

В последние годы АЗ плодотворно сотрудничает с Московским государственным музеем Маяковского. Прошла серия конференций, посвященных деятелям исторического авангарда Велимиру Хлебникову, Алексею Крученых, Игорю Терентьеву, знаковым авангардным событиям, состоялись поэтические перформансы. Здесь пока поставим многоточие...

Юлия Вольт

Рамат-Ган

СОТКАННЫЙ МИР

Тонкий слух у Бетховена. Рядом с Бетховеном
Шнитке –
настоящий глухарь. Современная мода на заумь:
уже сотканный мир расползается – тянет по нитке
каждый в свой лабиринт, из которого не вылезает,
становясь настоящим кротом. Прощевай, крот
Крученых!
Бесконечна материи нить, но тебе ни подняться,
ни коснуться земного ядра – лишь петлять удрученно,
натыкаться на «ДЫР-БУЛ», об «ЩЫЛ» в слепоте
запинаться.

Рисунки Виктора Гапла специально для ПО.

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАль

люди
как гроздь винограда
осенью
в каждом
ангела золотая тень
каждый
душу носит в груди
и шепчет одно лишь слово
любовь
но что делать
когда душ тыщи
и слов на каждую душу –
тыщи тыщ
и Эта громадина по земле ходит

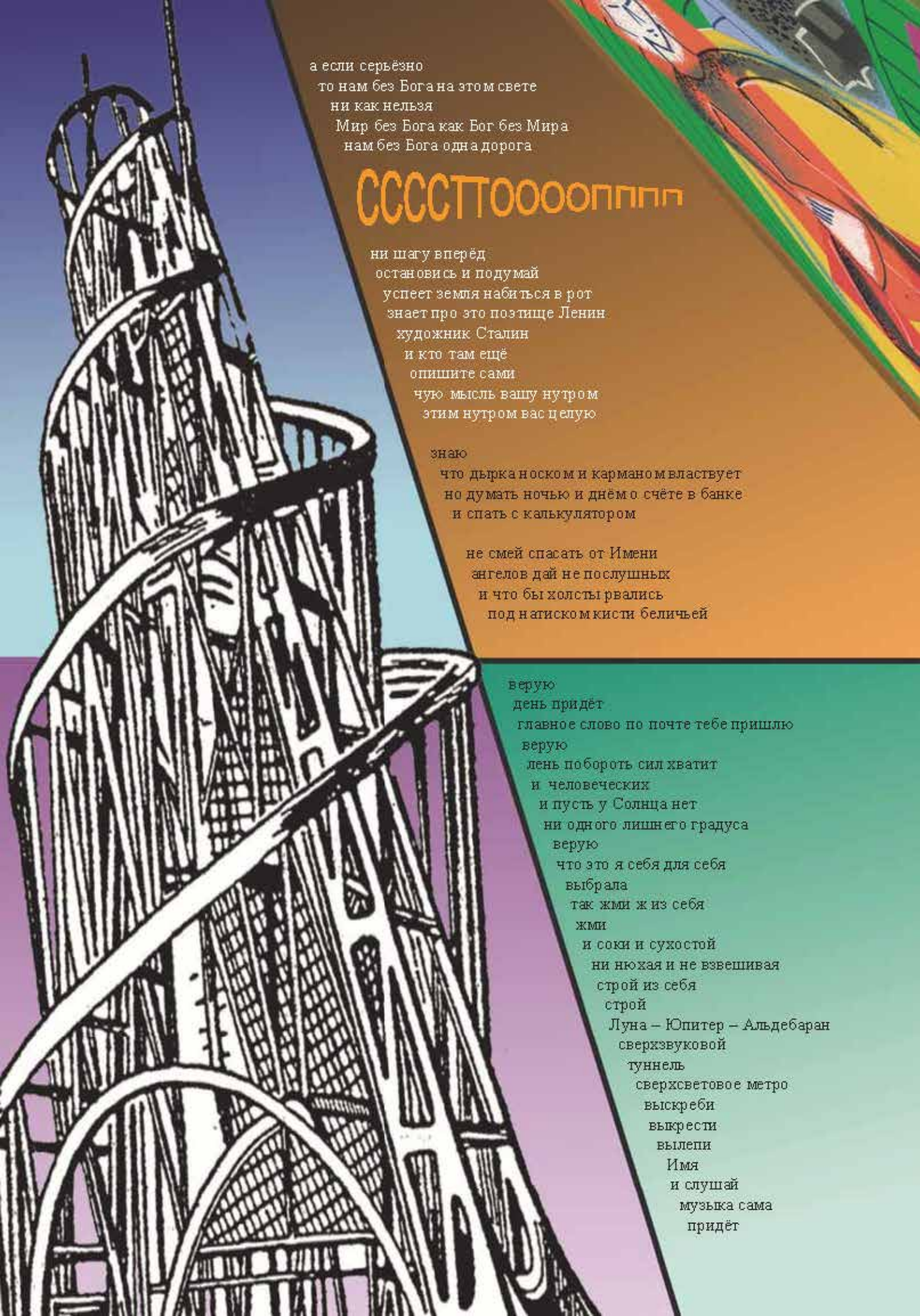
плачь поэт плачь
ах
я дуба ветвь
дуба дуба
ах
если бы мне сойти с ума
под откос неба
и умчаться на крыльях
что тень золотая ангела

TOI, QUI PASSES

туда где горы из пустоты растут
и на каждом склоне горы
годы лет
выношенные в груди мгновений

а поезд всё идёт и идёт
и в каждом окне по глазу
видит ли глаз
чувствует ли окно
как по небу тысячелетний старик
тащит связку хворосту
7 000 000 000 душ – живых
и невоскресших – немерено

никто не знает
когда придут и свет обрежут
с этим светом
проблемы вечные
а если вы ещё и поэт
будьте уверены
как дважды два
знать бы в лицо лицо официальное
хлопнуть в ладоши
щёлкнуть штиблетами
но разве увидит видимый невидимого
а невидимый видимого



а если серьёзно
то нам без Бога на этом свете
ни как нельзя
Мир без Бога как Бог без Мира
нам без Бога одна дорога

СССССТТОООООПППП

ни шагу вперёд
остановись и подумай
успеет земля набиться в рот
знает про это поэтище Ленин
художник Сталин
и кто там ещё
опишите сами
чую мысль вашу нутром
этим нутром вас целую

знаю
что дырка носком и карманом властвует
но думать ночью и днём о счёте в банке
и спать с калькулятором

не смей спасать от Имени
ангелов дай не послушных
и что бы холсты рвались
под натиском кисти беличьей

верую
день придёт
главное слово по почте тебе пришлю
верую
лень побороть сил хватит
и человеческих
и пусть у Солнца нет
ни одного лишнего градуса
верую
что это я себя для себя
выбрала
так жми ж из себя
жми
и соки и сухостой
ни нюхая и не взвешивая
строй из себя
строй
Луна – Юпитер – Альдебаран
сверхзвуковой
туннель
сверхсветовое метро
выскреби
выкрести
вылепи
Имя
и слушай
музыка сама
придёт

ПОздравляем!

Второй Всероссийский Фестиваль ЛиФФт

Первая Серебряная медаль ЧИТАТЕЛЬ ГОДА – 2017

профессор АЗА АЛИБЕКОВНА ТАХО-ГОДИ

Награда вручена 7 октября 2017 г.
в квартире А.Ф.Лосева и А.А.Тахо-Годи
на Старом Арбате в Москве

Фото Елены Кацюбы.

Награду вручали председатель Всероссийского Литературного Фестиваля Фестивалей Маргарита Аль и доктор философских наук, главный редактор «Журнала ПОэтов» Константин Кедров.

Маргарита Аль:
Дорогая Аза Алибековна, я представляю Литературный Фестиваль Фестивалей – ЛиФФТ, который уже второй год проходит в России. И в этом году мы впервые учредили номинацию «Читатель года». Для нас огромная честь вручить вам эту медаль и этот диплом. Примите их, пожалуйста. Таким образом вы открываете возможность и другим великим читателям получить такую же награду. Но более того, на следующий год мы выходим уже на евразийский уровень, на фестиваль ЛиФФт-2018 соберется 45 стран, и эта медаль будет цениться уже по всей Евразии. Благодарим вас!

Константин Кедров:
Я помню ваше даже не изречение, а, по-моему, уже открытие, когда вы сказали, что для Аристотеля мир наполнен смыслом, мы живем-то в бессмысленном, безумном мире, а для Аристотеля все было наполнено смыслом. И я очень надеюсь, что эта медаль будет еще одним эйдосом, смыслом, который внесет в этот безумный мир хотя бы капельку разума. Вот примерно такой смысл мы вкладываем в сегодняшнюю встречу. Потому что дом, в котором мы находимся, – это островок разума, смысла, эйдосов, и, конечно, мы понимаем, что награда скромная, но скромность награды обратно пропорциональная вашим заслугам. Их бесконечное множество. В свое время Лихачев сумел древнерусскую литературу превратить из дела для чудаков-филологов кабинетного масштаба в национальное достояние, и все знают, что древнерусская литература – это великая литература. Так же благодаря вашим трудам и трудам Алексея Федоровича Лосева фактически все мыслящие и читающие люди теперь знают, что античность – это величайшее сокровище мирового разума. Вы это сделали, и мы вам за это очень благодарны.

Яннис Рицос
(1909-1990)
Афины

Перевел с новогреческого
Валерий Басыров
Симферополь

Продолжение темы
№ 4(66) 2015
«Под мраморным небом»

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Всегда в последнее мгновение вмешивались боги и самое худшее предотвращали.

Ещё гонец передавал донесение,
Ещё царь готовился распорядиться о наступлении,
а Афина с вершины храма, чтобы все её видели,
уже обращалась к царю варваров и к грекам,
удаляющимся на пятидесяти вёсельном корабле:
«Судьба одна у богов и смертных.
Поэтому не к месту ни твой гнев Фоа, ни ваш, вечные скитальцы».

А сейчас равнодушны боги.
А сейчас самого худшего мы боимся.
А сейчас мы боимся даже того,
что разобьётся корабль Ореста
и удержится на поверхности только одно бревно со словом «Молчание».

ПЕРВЫЙ ЖЕРТВЕННИК АПОЛЛОНА[1]

Многие не выносят одиночества.
Даже боги.
Убит Питанас[2],
и Аполлон вернулся в дивный Алиарт[3].
В лесу священном
он воздвиг алтарь,
победой упиваясь…
Гора[4].
Источник[5].
И – ни души.
Один.
Владыка края он.
Но хорошо ли, что один?
А кто служить обедню будет?
Для чьих ушей он изречения роняет ежечасно?
А кудри?
Они на плечи ниспадают.
Кто их видит?
Довольно!

Аполлон заставил судно, идущее в Пилос[6],
Зайти в гавань
и бросить якорь на песчаное дно Криссы[7].

Никто своей судьбы не знает.
Храм Аполлона[8] украшать
им довелось.
И научиться толковать пророчества…
Века не пожалели их.
И только в храме статуя[9] его
о снисходительности времени напоминала людям…

1. Аполлон – в древнегреческой мифологии – златокудрый сребролукий бог света (прозвище Феб, солнечный свет символизируется его золотыми стрелами), покровитель искусств, предводитель и покровитель муз (за что его называли Мусагет), предсказатель будущего, бог-врачеватель. Один из наиболее почитаемых богов. Олицетворяет Солнце (а его сестра-близнец Артемида – Луну). Сын Зевса и титаниды Лето. Родился на острове Делос. Аполлон рано возмужал и на четвёртый день после рождения убил змея Пифона (Питанаса), опустошавшего окрестности Дельф. Там же он основал своё прорицалище. За убийство Пифона был изгнан на девять лет в Темпейскую равнину. В возрасте четырёх лет начал строить храм на Делосе из рогов кинфийских ланей, убитых Артемидой.
2. Питанас (Пифон) – дракон, произошедший из ила после потопа. Охранял вход в Дельфийское прорицалище. Аполлон убил Питанаса за то, что тот преследовал его мать Лето.
3. Алиарт – город в Беотии возле озера Копаис, западнее Фив. Осушено в конце XIX в.
4. Гора *(здесь)* – скала Федриады. На её склоне расположены Дельфы, один из древнейших городов Греции. В античном мире прославился своим храмом Аполлона и знаменитым дельфийским оракулом, к которому съезжались для гаданий.
5. Источник – Кастальский источник – источник вдохновения, родина муз.
6. Пилос – древнегреческое поселение. Существовало на рубеже III–II тыс. до н. э.
7. Крисса (Криса) — гавань для Дельф. Сейчас это деревня Хрисо.
8-9. Храм Аполлона, статуя – в наши дни от храма Аполлона уцелело несколько колонн и фундаменты. Из статуй – фигура богини победы Ники и фрагменты фигуры богини Афины. По свидетельству древнегреческого писателя Павсания (?—ок. 470 гг. до н. э.), помимо Ники, храм украшали статуи Аполлона, Артемиды, Лето, Гелиоса, Диониса.

Джиди Мацзя 拉姆措湖反光

Пекин

ОТРАЖЕНИЕ В ВОДАХ ОЗЕРА РАМЦУ

Если подняться еще выше и взглянуть сверху,
То может показаться, что вода как полированный гранит
Отражает блеск неба.
Постепенно меркнет день,
И бесчисленные звезды на небе
Вливаются в светящееся молоко.
Ты не услышишь шаги небесных существ.
Боги с еще большей высоты
Снисходительно взирают на землю.
Если вы спросите о глубине вод,
То не будет ли в вашем вопросе
Заложен другой еще более глубокий смысл?
Куда бы вы ни бросили взор,
Всюду видно рассыпанное серебро Вселенной.
Рамцу в мгновение ока
Обращается в непредсказуемый и неисследованный Космос,
Который невозможно измерить.
Рацмцу покрывается пятнами,
Подобными узору шкуры леопарда.
Может, это в таинственной зале
Жрецы воткнули священные золотые ветви –
Этот же вечный и неизменный
Узор Млечного пути!
Я не шаман, и мне не дано высчитывать,
Как долго смогут прожить
Жилы и мускулы слов.
Но здесь, где ветер проникает сквозь время,
Нет грани, разделяющей миры жизни и смерти.
Это бесспорно – что ее нет!
Но вы видите эти огромные ворота
И можете понять,
Что они распахнуты вечно...

Примечание:
Рамцу – известное священное озеро на Цинхайско-Тибетском высокогорье.

Хэ Суншань
Синьян

Прекрасное время

Виталий Русяев

Красноярск

* * *

на пересечении подземных рек особые облачные озоновые метеорные порталы

первый ведет в око смерти
второй поменьше виднеется во сне (дело не в размерах, а в дальности расположения от зрителя)
бог пролегает линией между ними

к слову синхронны в узле света
на небосводе ледовая мармеладово-кровяная дыра солнца
почти не резонирующее леденцовое сладко-соленое отверстие луны

河流

ВЕЛИЧАВАЯ РЕКА

Ахэнои –
Ты величественно несешь глубокие темные воды свои!
Наши предки в отдаленные древние времена
На нашем родном языке
Дали тебе это имя.

Ты всегда отличалась
От всех других рек нашей планеты!
Ты пересекаешь всю нашу древнюю землю.
Волны твоих вод своей торжественностью черного цвета
Блещут и перекатываются вдоль всего русла текущей реки.

Ты не прерываешь свой бег.
В эпосах моей национальности
Отражена твоя многотысячелетняя история.
Но, может быть, период твоего существования
Еще длиннее времени, когда мы запомнили тебя?

Наши предки
Находили отдых на твоих берегах.
Твоя вода по сладости похожа на молоко материнской груди,
Она помогала им забыть тяготы
Дальнего, бесконечного пути,
Она снимала дремоту с путников лиц.
Тогда на них нисходило внутреннее озарение,
Выходящие из самой глубины измученных душ.

Ты безостановочно мчишь свои воды.
Их благостный гул
Наполняет собой бесчисленные ущелья,
Эхом прокатывается по горам.
Для нас звук твоих стремительных вод
Подобен песне, которая приносит утешение
Нашим наболевшим сердцам.
Когда мы впадаем в тяжелый сон
Около угасающего, чуть тлеющего костра
И соскальзываем в бесконечную темноту,
То только ты одна умеешь появляться в наших снах.
От тебя в той густой темноте зарождается свет,
Который прогоняет из памяти
Все воспоминания о бедах и несчастиях.

Ахэнои – я еще знаю,
Что всюду, где живут люди племени И,
Не найдешь ни одного человека,
Который бы не знал твоего имени –
Имени нашей прародительницы.
В наших песнях мы прославляли много рек,
Но большинство наших песен
Поет славу тебе!

Преобразила
иероглифы
в слова
Ли Ялань
(Пекин).

Примечание:
Ахэнои – на языке И означает «черная глубокая река». Так И называют Цхзиньшацзян, текущий по югу Китая. Это самая крупная из рек, текущих в родных местах автора.

Лео Бутнару

Кишинев

ПО ТУ СТОРОНУ

По ту сторону добра и зла,
то есть
абсолютно
по ту сторону плюса и минуса...

...действительно, было бы безумно интересно:
как это может быть,
когда уже не действительны ни плюс,
ни минус,
ни цыц,
ша,
тсс,
ш-ш-ш?..

...да — ни ша,
ни цыц,
тсс,
то бишь
абсолютно
по ту сторону гласных и согласных...

...по ту сторону понятий,
по ту сторону языка,
что порождает всё,
но особенно страдание;

по ту сторону понятий,
по ту сторону языка означает,
безусловно,
по ту сторону жизни и смерти;

по ту сторону жизни и смерти,
иначе говоря — там, где всё
абсолютно ясно,
но лишено смысла,
потому что смысл находится только в добре
или зле,
в гласных и согласных.

По ту сторону добра и зла,
иными словами,
по ту сторону этого стихотворения о любви
к миру...

Но конечно нельзя,
нельзя по ту сторону добра и зла,
вернее,
по ту сторону Бога...

19/02.-20.94.2016

Перешел с румынской стороны добра и зла
на русскую Сергей Бирюков.

Борис Бартфельд

Калининград

Октябрь в Париже

В Париже осень, снег ещё не скоро,
ещё листва бульварами кружит, меноры
семисвечной свет дрожит на досках старого забора
«О время подожди» – кричу я, пароходу вторя.

Но как прозрачен воздух, радость баловства,
в Париже осень, время хвастовства
настало, скворец чирикает, хоть жизнь не дешева,
твержу, как свой, сонет Ростана, и нет ни капли в этом
воровства.

Разлито утром Сены торжество,
туман над городом, как будто, вернулось время Рококо.
В Париже осень, девушка в трико бежит по парку сонному
легко,
кричит петух и солнце слизывает с улиц молоко.

Есть в городе поэтов дом и в нём ночлег
для всех, есть в городе река, переносящая из века в век,
есть в городе любовь, а значит детский смех.
В Париже осень, но не скоро, укроет крыши снег.

* * *

В затишке на балтийском берегу,
что в прошлом веке называли сковородкой
курсанты КВИМУ и студенты КГУ,
я кутаюсь от ветра, берегу
тепла остатки, согреваюсь водкой,
но что с собой поделать не пойму.

Полвека жизни проскрипело по песку,
так незаметно, как крадётся море
к заснувшему под жарким солнцем льву
и, кажется, что держит на плаву
вода в плену посёлки взятые измором
пока поэты пьют, и ближнему поют хвалу.

Сегодня грустно мне, лишь памяти следы
на выглаженной ветром дюне
свидетельством любви или вражды,
что здесь случилась с нами в том июне.
Всё исчезает, времени потоки, подъём воды,
крушащий всё в итоге, и онемевшие от холода дрозды.

Но не сдаётся море октябрю, в его глубинах живёт тепло,
поутру, волна ещё несёт янтарь на сушу,
порой мне кажется, твоей туники белое крыло
воды касается, прибой всё глуше, глуше,
туман над берегом, твоё в нём узнаю лицо,
к тебе протягиваю руки, и понимаю – время истекло

Максим Торбин

* * *

Улица, дождь
Деревья голые стоят
Иду без зонта

(Злость)...

Улица, дождь
Деревья голые стоят,
А я опять несусь
Прочь!
Под – плачь, осеннего,
Дождя...
Ищу
Тебя!..

Улица, дождь
Стою ловлю твой взгляд,
А ты идешь
Прочь...
Вечер,
Дождь
Играет джаз,
Осенняя хандра несет
Грусть.
...(Сон)...

Удары капель
По стеклу
Разносят стон
Дождя
Ом Он
Бзин Бзум...
И в тишине
В Наполненной комнате
Осенней грустью,
И слезами дождя.
Лежу в сознании,
В молчании...
Осознаю!
И молча с пониманием
Киваю
Сочувственно
Дождю.

Александр Петрушкин

Кыштым

* * *

Негры-голуби в трубу
завернут слепой свой блик –
и смолой через губу
проливают свет, как снайпер,
умножая нервный тик,
и гуляет ржавый пальчик
бога в их больной груди.
Как остаток от щекотки
спит их тёмный механизм,
и скрипят в них шестерёнки,
и гудят в них провода,
и – втыкая в них иголки –
рвётся небо их сюда.

Георгий Иванов

На переломе дерева пророс –
как будто от экватора отчалил
на чайке, что плывёт песком в Бангкок –
на зрении своём, в чужой печали

читает вслух Бог наши имена,
планируя за щепкою, как выдох
и ловит соловьёв, кладёт в карман
огня – и взрезав горло – этот выход

вставляет в шрамы им – и жестяной
тягучий звук, на цып войны слетаясь,
всё пахнет розами, как тёплый перегной,
где женщина стоит, не раздеваясь.

Ия Кива

Киев/Донецк

ЭХО

Блоковское, маяковское,
Маяк – не маячь – молчи,
Тревожная поступь полночи,
И паперть окна в две свечи,

Цветаевское, марининское,
Закрученный завиток,
Невыносимая искренность,
Искромсанный в рвань листок,

Ахматовское, каменнотёсное,
Комком завернувшись в шаль,
Растрелянное, гумилёвское,
Заплаканных глаз вуаль,

Интеллектуальное, бродское,
Меланж, ариаднина нить,
Раскатистое, отголосковое:
Поэзии быть, быть...

Света Литвак

ДООС – зиоса

*

мы стоим у края бездны в остром приступе болезни
размышляя о поэзии катакомб и подземелий
ум наш занят какофонией голосов потусторонних
им случается пробиться из узилища больницы
то пробелом, то пролётом, то синкопой, то бемолем
то фонемой слух лаская, то надолго умолкая
и в одну из этих пауз я втолкну тебя внезапно
ты в кабине футуриста, помещённой в шахту лифта
для подъёма и сниженья в этажах стихотворенья
посмотри своею очью на соединенье строчек
мысль поэта их скрепляла перекрестьем лёгких арок
тремоло из малых щелек выкатилась горсть копеек
чтоб забиться и замкнуться в средоточии конструкций
мы опишем галереи и крутые перистили
имени перипетии наблюдая, не преминем
артпроект героя бреда восхвалять в своих беседах
от него не ускользает, как коверкают детали
применённые не к месту расточительные жесты
в поисках того, кто между анфиладами трепещет
из контекста выпадая, изваяем и содеем
новые фигуры речи в совпаденье нашей встречи
тайно выстроим тезаурус, и исследовательский пафос
увенчается прогулкой в полифтонгной зале гулкой
анонима мы отыщем, как бы ни был он невидим
совершенно невозможно не найти его – да кто ж он?
кто, не пивши и не евши, словом бездну одолевший
его разум, строг и выспрен, пребывает там, где выбрал
мы найдём его сражённым отраженьем искажённым
обнажён, разбит, унижен, распростёрт и обездвижен
жаль, что не воспеты гением красоты гинекея
и пинакли и пилястры поэтической тетради
на ростверке росчерк смелый, следом лист сияет белый

Игорь Балюк
ДООС – украйнозавр

ТОПОТ.....ПОТОП.....ТОПОТ.....ПОТОП.....ТОПОТ
О.......О......О.......О...........О..........О... ....О.....О.........О
П.......П.....Т.........Т...........Т...........Т.........Т.....П........П
О.......О.....О.........О...........О........... .О.......О......О.........О
Т........Т.....ПОТОП............П............ПОТОП......Т.........Т

ПОТОП.....ТОПОТ.....ПОТОП......ТОПОТ.......ПОТОП
....О...........О.......О......О.........О.......О.........О.............О.....
....П...........П.......П......Т.........Т.......П.........П.............П.....
....О...........О.......О......О.........О.......О.........О.............О.... .
....Т...........ТОПОТ.....П.......П.....ТОПОТ...........Т.... .

ТОПОР.....РОПОТ......ТОПОР.......РОПОТ.......ТОПОР
....О...........О.......О......О.......О.........О.......О......О.......О
....Т...........П.......П......П.......П.........П.......П......ПОРОТ
....О........... О.......О......О.......О.........О.......О......О...........
....М.........ТОПОР......Р.......Т.......ТОПОР.......Р.........

РОПОТ.....ТОПОР.......РОПОТ......ТОПОР.......РОПОТ
О......О.......О.........О.......О.........О.......О.........О..............О....
ПОРОК.....П.......П.........П.........П......П.........П..............Р....
О................О.......О.........О.........О.......О.........О..............О....
Т.................РОПОТ.......Т........Р ......РОПОТ...............Х....

Олег Романов
с. Ташенка

ПОСЛАНЕЦ СОЛНЦА

«Творите неутомимо.
Только в даянии мы получаем!»
Николай Рерих

Только Саша Блок, знавший
о Жолтом океане,
ибо всплыли обломки старинного
корабля из прорвы…
Правильно понял «Русскую революцию»,

Но его рано подсадили на женский пол –
Горе-переводчицы, которых раскусила лишь Нора Галь,
Ставшая бессмертной Звездой!...
И гугнивая, поганая Свинья

Слопала отравленного ртутью Ленина русской Поэзии,
Лидера всей нашей эпохи, так верившего в Переворот,
Как в рериховскую Сонюшку…

Спустила ли Богоматерь из «Апокрифов»
Ему белый шарфик?

16.09.2017

Михаил Ларионов. Портрет Николая Гумилева, 1917 г.

Вадим Молодый
Чикаго

НИКОЛАЮ ГУМИЛЕВУ

Мне снились толпы слов, и в этом сне
они о странном говорили мне.

Их голоса звучали вразнобой
как крики вечно спорящих с собой.

Неторопливо тек поток минут,
на алтаре лежал забытый кнут,

а я, блуждая по долине снов,
дошел до опрокинутых основ,

где жались звезды в ужасе к Луне,
и проплывало слово в вышине…

____

Висят как туши звезды на крюках,
орел раскинул крылья в облаках,

и капает Луны кровавый сок
на времени обугленный песок.

Вертя на пальце стертое кольцо,
усталый бог садится на крыльцо

и, вырываясь из объятий сна,
на камне выбивает письмена.

Шурша, на землю падают слова,
две лепты на алтарь кладет вдова

и, наполняя мусором гробы,
последний сор выносят из избы.

Забыты тайны истинных имен.
Нет ничего. Распалась связь времен…

____

В начале было слово. И в конце –
все то же слово в выцветшем венце.

Андрей Медведев

Мариуполь

МАМОНТЫ ГУМИЛЁВА

Не поверю, что мамонты вымерли в неолит –
Слишком часто в ночи трубный вой не давал уснуть,
Слишком долго висел под луною цеппелин,
И сигарною тенью скрывал от меня весну.

На земле, по которой пророк Моисей ходил,
Довелось обнаружить останки больших зверей,
Воздух странный я втягивал в ноздри, как троглодит,
Понимая, что крестик от монстров – не оберег.

С бивней скал, под которыми видел тени акул,
Рыжей шерсти клочки жадный ветер срывал и нёс…
У костра моего байки плёл одноглазый лур
О лохматых слонах у подножия гор Загрос.

В Чемульпо, где бесстрашно сэппуку свершил «Варяг»,
Знал матрос, отрывая кингстон, что Они не миф,
Большевик на «Авроре», поднявший багровый стяг,
В двадцать первом году мне позволил увидеть их.

Дмитрий Цесельчук

РАССТРЕЛ

В ночь с 25 на 26 августа 1921 года

96 лет назад был расстрелян
великий русский поэт Н.С. Гумилев

Двадцать пятое. Ночь. Понедельник.
Очертанья Вселенной хрупки*
Гумилеву – Вечность подельник
Взведены уже ружей курки

Клацнули затворы винтовок
Пли!!! – В прищуре не дрогнула бровь
В толковищах красных тусовок
За твою кто ответит кровь?

Никого – кто бы был в ответе
Ещё помнит тебя Кронштадт
Пожелтевшей поземкой ветер
Заметает летний ландшафт
И небес многоглазый Аргус
Провожает последний твой август

25.08.2017

*Перифраз двух строк из Анны Ахматовой:
«Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы – во мгле».

Юрий Беликов
Пермь

АВТОПОРТРЕТ С РУКОЙ МАРИНЫ

Язвы мои целовать?
Шрамы?
Что ты,
спроси разрешенья у мамы,
выжги сперва
все гнойники мои, как вигвамы!
Ты ведь, увы, не Магдалина.
Кто ты такая?
Просто Марина,
хоть бы из Вятки,
а то из Москвы.
Не прикасайся
к лицу-экспонату!
«Степи.
XII век».
Не понятно?
Этот рубец мой
с виска до скулы –
от половецкой стрелы.
Синие вены
набухли,
к локтям подымаются
дымом походных костров.
Время от времени
филином ухнет
чучело бронхов,
набитое пылью с татарских подков.
Левый мой глаз
закатился за красное веко,
как солнце за кромку российских лесов.
Голову этого человека
не гладили десять веков!
Десять веков
меня держат на властном прицеле
и каждый из них – умилён...
Как оказалась
в моем отгороженном теле
пуля, которой убит Гумилёв?
Охаю
ночью,
худеющий, как головня.
Может, эпоху
опухоль точит,
а прорастает в меня?
Ну, говори,
отчего я такой, если это – одна болтовня?

Что за рука у тебя?!
Где ты достала её?
Ну-ка отдерни! Не то,
сбив многолетний конвой,
узники – слёзы мои
хлынут на платье твоё,
или браслет отлетит,
вмиг перекушенный мной!

1982

Евгений Гусев
Ярославль

МАРИНА

«Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть».
М.Цветаева

Рядом всё – кроватка сына,
Книги, старый патефон,
Лишь не рядом твой мужчина,
Сокол твой – Сергей Эфрон.

У тебя в стихах всё складно,
Да нескладна жизнь, увы.
Вместе с Муром, с Ариадной
Не уехать из Москвы.

У Волошина на юге
Весела, игрива ты.
Но – о венчанном супруге
Мысли все и все мечты.

Хоть и выглядишь ты стойкой
И противишься судьбе,
Но в литфонд посудомойкой
Не устроиться тебе.

Кто поэт в подлунном мире? –
Пилигрим, случайный гость.
Гвоздь в елабужской квартире –
Не рябиновая гроздь...

Двое местных да рябина
Знают место похорон...
Вновь с тобой сейчас, Марина,
Сокол твой – Сергей Эфрон.

Александр Алейник

Нью-Йорк

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

«Мне так не хотелось в землю
с родимой моей земли».
Марина Цветаева

1

Давай сюда, здесь легче будет,
пойдём по утренней Москве,
какие улыбающиеся люди,
особенно – кто с дыркой в голове.
В рубашке против сердца, с биркой –
мы скажем им: – Привет, друзья! –
Ответят нам престранною улыбкой –
и помирать и жить нельзя.
Но всё равно мы все повелимся,
смотри, подруга, видишь – над Кремлём
местечко есть, там мы соединимся
и медленно от смерти оживём.

2

Что делать мне в краю самоубийства?
лежать в гробу, зажмурившись, котом?
печальное и скушное занятье,
и мысли о судьбе – потом –
не слаще смертного проклятья.
А здесь с тобой и смерть бежит –
ты на земле была царица.
Ты нынче кто? о, страх! о, стыд!
не встать и не пошевелиться.
Но кто-то помнит на земле
твои стихи лицо и речи
свечением в предсмертной мгле
за гранью дальней – человечьей –
естественное дефиле.

3

В тебе лежит она – шкодливая убийца –
теперь не воротить паскудных дней и дел,
куда тебе идти – куда – к кому стремиться?
лежи одна в гробу – печальнейший удел.
Пройдёт ли старичок с бутылкой ухмыляясь,
молодка ль движется как яркая чума
иль обормот кладбищенский – халявщик –
припевом к песенке жиганской – ты сама
такую публику за кладбище прогонишь –
а чем? – да видом женщины в гробу –
зубами чёрными и тем как проворонишь
свой запах падали – посмертную судьбу.

Виктория Афонская. Портрет Марины Цветаевой.

Григорий Горнов

СТРАСТИ ПО МАРИНЕ

Ты поворачиваешься в профиль и в голове свистит
Весь русский язык, попавшийся в резонанс.
Район бьёт подковой, небо уже звездит
По-настоящему, кажется, из-за нас.
(Встретил в глухой окраине, вытащил из петли,
Зажег светильник: увидел замерзший храм.
На холодный мрамор стопы твои легли.
Молнией взгляда ударило по рукам).
У тебя гнутые черты лица – проволока теней.
Выспренняя ладонь щурит открытый лоб.
Ты мне сегодня кажешься взрослее и матерей,
И твоя красота манит падать в открытый гроб.
Не ты ли неделей раньше или сотней лет
С оловянным лицом появилась в зарослях дневника,
Не ты ли тогда сказала что я поэт –
Человек, мучительно обретающий двойника.
И без нас переполнен жизни закрытый клуб.
Пятку к впадине у колена прижми плотней.
В оргии пальцев лжива надменность губ,
В наших прощаниях лжива надменность дней.
Полоска лунного света, обволакивающая соски,
Полоска белого платья в приоткрытом сквозняком шкафу.
Книга Марины Цветаевой – сцепленные листки:
Райнер Мария Рильке – в её шкалу.

Проект Маргарита Сюриной "Портрет российской словесности"

Татьяна Виноградова

Весенняя прогулка по Центру

из цикла «ПАМЯТИ МОСКВЫ»

«Два дерева. Напротив дом мой.
Деревья старые. Дом старый».
М.Цветаева

Хожу по руинам. Разглядываю пепелища.
Несколько детей оживляют скорчившийся пейзаж.
В спутницах у меня – серьезная грустная девочка.
Уцепилась за мою руку.
– Я, когда мне было шесть лет.

– Смотри, смотри, и запомни: Центра больше не будет.
Брошенные, населённые только офисами дома.
Теперь здесь на окнах – решётки.
Повсюду – железные двери.
Теперь здесь нельзя прорваться.
Теперь здесь дороги нет.

...А на месте автостоянки прежде был старый домик.
А этот – *отреставрировали*.
Право, лучше б снесли.

...Весна издыхает конкретно
среди чужих экскрементов.
Дворики, дворики, дворики...
– Решетки. Секьюрити. Банк.

Гетто для новых русских.
И для старых — всё то же гетто.
– Отчаянно зеленеют ветки обрубленных пней.

По руинам и пепелищам, по задворкам чужого Арбата…

– Ах, бросьте ныть, Булат Шалвович,
всё гораздо страшней!

Торчит новодел стеклянистый. Помойки воняют рыбой.
И призраки не вернутся: секьюрити не велит.

Чужие в окошках люди, и нету моих деревьев.
Правительство едет в Кремль,
и завывает проспект.

– Ах, Марина Ивановна, мы с Вами соседи по дому.
Но там теперь Ваш музей,
а дома – а дома нет.

...Руины и пепелища. Катаются дети на роликах.
И во дворе литмузея харкает пьяный мужик.
А в бледном весеннем небе
висит над Москвой проклятье.
Спаситель стучится в свой храм,
но там не нужны бомжи.

Ксения Радионова

* * *

По
спи-
рали
мы
спусти-
лись
винто-
вой
вой
вой
вой!
А
дол-
жны
были
бы
взвить-
ся
над
землей!

* * *

И мир погрузился во тьму
И вновь по утрам всё темней,
Но вы передайте тому,
Кто льёт свой кровавый елей:

Что сколько бы лет не прошло
И сколь не крутилась Земля
Создатель устроил всё так,
Что крысы бегут с корабля.

23.12.12г.

* * *

Морщинки
покрывают
трещинками лицо

Тропинки
разбегаются
улочками в кольцо

Сжимаясь
раздвигаются
сумрачные миры

Тоскливо
остерегаются
радостной детворы

09.12.2002г.

Марина Александрова

Нижневартовск

ПЕРСПЕКТИВЫ

«Параллельные линии
Не пересекаются»?

В перспективе сошлись
Параллельные линии.
Идеалы свои
Точно так сотворили мы.
«Будет в лучшем из дней…»
Увлечённые далями,
Поскорее людей
В перспективы составили

Человеческий мир –
Частный случай для зрения.
Перспектива – кумир.
Необъятна вселенная.
Правы предки мои,
Чьи иконы старинные
Не сводили вдали
Параллельные линии.

Марк Ляндо

ПИТЕРМАНС

– Они принесли в тазах воду из реки Мойки, сняли камуфляжную одежду и стали ее стирать, – сообщил в сети знакомый активисток Вадим Лурье. – Затем повесили одежду на ограждение Невского проспекта

.. Они стирали
Терли, полоскали
И вновь стирали. мыли
выжимали
Солдатский
камуфляж в крови,
Вот такая селяви!
У скопления зевак
–Это кто позволил? как?
И откуда форму, мать,
Смели взять?
– Все оттуда, шеф, оттуда,
Где огрузла мертвых груда
где сочится кровь-руда,
Где взрывают города
кровь горит,
Прлипла к ткани…
Днем, в ночи и в ранней рани!
–Эх, девчонки, питерчанки
Уносите-ка юбчонки
Вам любовь бы тут крутить,
А не краску с формы мыть
Ну-ка и посуду взять!
А они опять стирать…!.
…Их, конечно, повинтили
Но другие выходили
И стирали, драли, мыли

У прохожих на глазах
Форму в молодых кровях
…И еще тащат, несут
К узкой Мойке, как на суд
Божий те мешки из Пулкова
Из аэропорта гулкого ! –
– Кровь из рваной синевы
Что упала до Невы!
Из библейского Синая,
К В седержальцу вопияя:
Бог? Ты где ж ты, вечный Бог
Ты за что направил рог?!
Дети, штатские, солдаты –
Чем? За что тут виноваты?
…Куртки, джинсы, ползунки
Шапки, сумки, пелеринки
Варьки, варьки на резинке!..
Ох, девчонки, питерчонки!
Ваши тонкие ручонки…!
Сколько вам, тереть, стирать
Слезной соли добавлять!?
– А любовь? Когда ж любовь?…
Если червлень, краска, кровь –
Въелась высохла, прилипла –
В очи, в души, в
жизнь проникла!
Как стереть,
Отмыть и стерть?
Смерть….?
……
Кровь. Любовь…
Любовь и кровь!
Ох, ты кровушка – руда
По какие же года-а…?
……
Иль спасет океан Любови…!?
Ови…. Ови… ?

Миру – миф

Эдуард Трескин
ДООС – баритонозавр

Встреча в Ницце

(Quasi una fantasia)

Ницца. Море. Пляж. Набережная в буржуях.

По тенистой улице, ведущей к центру города, шагает высокий, несколько сутулый человек в широкополой шляпе и с котомкой. Останавливается у двери особняка, звонит. Дверь открывает хорошенькая, фривольно одетая горничная.

– Кхм... Мне бы господина... товарища кхм... – он шепчет имя горничной на ухо.

– О, уи, месье! О-ля-ля!

Она пропускает гостя в дом и бежит по коридору, звонко крича:

– Вольдемар, Вольдемар, к вам пришли!

Гость входит в богато обставленную гостиную. Хозяин – в шлафроке, с сигаркой в руке – идет навстречу, раскрывая объятия.

– А мы, батенька, Алексей Максимович, признаться ждали вас чуть попозже. А то бы я непременно переоделся. Ничего, что я так – по-домашнему?

– Ну, что вы, Владимир Ильич, конечно,– басит гость. – Кхм, мы же – свои люди.

– Да-да-да, – затараторил внезапно хозяин, – именно, именно – свои. Это архиважно быть своим. Здесь, на чужбине, это, батенька, особенно остро чувствуешь. Садитесь. Коньячку? У меня хороший «Мартель» 1812 года. Его, возможно, сам Наполеон Бонапарт, знаете ли, дегустировал. Вот так вот.

– Не откажусь, Владимир Ильич.

– Ну кто же отказывается от такого коньяка! 1000 франков бутылка! Поди, кьянти вам на Капри осточертело? Кислятина ведь? Ну, признайтесь, батенька, кислятина? Прав я?

– Правы, Владимир Ильич, как всегда правы. Ох, и забористый коньячок! 1000 франков за бутылку, говорите?

– Именно так, Алексей Максимович, именно так – 1000 франков и ни сантима меньше. Проклятые буржуи!

Хозяин ставит рюмку с янтарным напитком на мраморный столик и начинает нервно ходить по кабинету, устланному персидским ковром.

Гость следит за ним из-под кустистых бровей.

– Нет, вы подумайте, Алексей Максимович. Мир, контролируемый капиталистами, катится в пропасть. Стремительно катится! Вы знаете, сколько я получил за статью «Пролетариат и булыжник» в этой буржуазной, по сути, газете «Чрево Парижа»? 100 франков!

– Неужели? – удивляется гость, наливая тем временем следующую рюмку. – Я думал – поболе.

– Как же, заплатят они поболе! – передразнивает хозяин оканье гостя. – А знаете ли вы, сколько получает рабочий в Париже за целый 10-часовой день каторжного труда? Восемь франков. Восемь!

Он подбегает к столу, наливает рюмку, нюхает, морщится:

– И это притом, что вот этот коньячок-с, который мы с вами пьем-с, они оценивают в 1000 франков. В тысячу! Сопоставьте – 8 франков и 1000! Это ли не буржуазный, империалистический цинизм! С этим мы решительно боремся, Алексей Максимович, я подчеркиваю, ре-ши-тель-но.

Хозяин как бы в изнеможении плюхается в большое кожаное кресло и тут обращает внимание на почти пустую бутылку. – Те-те-те, батенька, откуда это у вас такие люмпенские замашки, а? Р-раз! – и бутылка пустая! Надо бы вас проработать на Политбюро, батенька, Алексей Максимович.

– Кхм, я, Владимир Ильич, кхм, с дороги... это... в горле пересохло...

– Шучу, шучу, батенька. Пейте на здоровье – у меня этой сраной французской сивухи – полный погребок. Не хотите ли, кстати, сигарку?

– Я бы с удовольствием, Владимир Ильич, да вот беда – врачи курить запретили. При вашей, говорят, болезни категорически противопоказано.

– Вздор, врачи всегда врут, это их профессия. И потом, я ведь не предлагаю вам какую-то махру, так любимую мужичками. Нет! Извольте – «Ля Корона», настоящий гаванский шик. Доводилось пробовать?

– Нет, Владимир Ильич, не доводилось. А слыхать – слыхал. От Феди Шаляпина. Он их курит, когда от пения отдыхает.

– От Шаляпина, говорите? Это от того самого, кто царей на сцене представляет, всяких там Борисов Годуновых?

– От него, друга моего сердешного.

– Ну, так я вам скажу, батенька, что таких сигарок вашему Федору пробовать вряд ли доводилось. Пением на такие не заработаешь!

Гость мнется, вздыхает, гулко откашливается.

– Уговорили, Владимир Ильич, так и быть – угостите. Затянусь разок-другой, может, оно и ничего, не помру.

– Ах, батенька, уморили! Кто же сигары-то в затяжку курит? Да вы, поди, и не знаете, как их делают?

– Подробно не знаю, Владимир Ильич, наверное, из табачного листа скручивают.

– Ха-ха-ха, скручивают! Скручивают самокрутки в деревне. Вы посмотрите на него – крупнейший пролетарский писатель, автор своевременнейшей «Матери», а про сигарки ничего не знает. Позор!

– Виноват, Владимир Ильич, исправлюсь.

– Еще бы он не исправился, – притворно строго ворчит хозяин, а глаза его искрятся лукавинками и хорошим настроением.

– Так вот, слушайте. Представьте себе тропический остров Кубу. Океан, бриз, цветы, всякие там магнолии с олеандрами. Представили? А теперь вообразите мулатку, которая сидит под этими фикусами и скатывает сигару из табачного листа. Скатывает, а не скручивает, буревестник вы наш! Но, главное, это то, на чем она их скатывает. Не догадываетесь?

– Э-э-э.... на столе?

– На столе, голубчик, можно делать многое!.. И даже писать романы и манифесты. Но сигары скатывают не на столе, чтоб вызнали, а на бедре. На шелковом бедре молодой мулатки. Вот здак – ш-шик, ш-шик, ш-шик! Да что с вами Эй, дружище, очнитесь! Мари, Мари, скорей сюда! Алексею Максимовичу плохо!

Вбегает Мари, охи, ахи, нашатырный спирт...

– Уф, батенька, как вы меня напугали! Нельзя быть таким впечатлительным, прямо, как институтка. Так на чем мы остановились? Ах, на бедре мулатки... Молчу, молчу, не падайте в обморок. Вот, угощайтесь. Что, не знаете, как обрезать? Для этого существует гильотинка. Обратите внимание – не простая, а золотая. Это мне Инесса подарила на день рождения. Смешно, правда?

– Что смешно, Владимир Ильич?

– Да то, что сигарка-то называется «Ля Корона». А мы ее гильотинкой – чик! Вот так и со всеми коронами будет. Ха-ха-ха-ха-ха! Но сигары мы оставим всенепременно. Ну, как сигарка на вкус?

– Отменно, Владимир Ильич. Только дерет горло с непривычки.

– Ничего, ничего, привыкнете, к хорошему привыкать легко. Кстати, о хорошем. Как вам моя проказница Мари?

Правда, в ней есть что-то такое... архипритягательное?.. Но – молчок, молчок. Это – сугубо между нами. Надежда Константиновна страшно ревнива. Не говоря уже об Инессе.

– Оно так, Владимир Ильич, бабы есть бабы.

– Алексей Максимович, голубчик, не называйте при мне, пожалуйста, этих... гм.. особ бабами. Они товарищи, причем вполне боевые. Допивайте коньяк и – к делу. Сейчас соберется наш местный актив. Надо прочесть им – нет, не лекцию, да и не прочесть, а поведать о том, как тяжело живется в России простому человеку. Расскажете?

– Конечно, Владимир Ильич, я для того с Капри сюда и приехал.

– Приехали, говорите? – хозяин заложил большие пальцы за жилетку и оценивающе-проницательно оглядел гостя с ног до головы.

Тот смущенно опустил голову вниз, следуя взгляду хозяина.

– А отчего это у вас вид такой, батенька, будто вы не поездом первого класса от Неаполя сюда добирались, а пешкодралом по горам да буеракам?

– Я, Владимир Ильич..

– Стоп, батенька, ничего не нужно говорить. Сам могу догадаться.

Хозяин качнулся, встал с носков на каблуки, а потом вкрадчиво спросил:

– В Ниццу ехали через Монте-Карло?

– Откуда вы знаете всё, Владимир Ильич? – гость начал вставать с кресла.

– Сидите уж, батенька, сидите. Обычная проницательность – и больше ничего. Мне ведь буржуазные дедуктивные методы Шерлоков Холмсов ни к чему. Взглянул на человека – и насквозь. Взглянул – и насквозь. С детства это у меня.

Хозяин забарабанил пальцами по столу, о чем-то задумался. Но это длилось две-три секунды, не больше.

– Вот что, – вождь решительно поднялся с кресла и пошел к бюро красного дерева, громоздившемуся в простенке между высокими окнами, – в таком виде перед публикой, хотя бы и симпатизирующей пролетариату, выступать нельзя. Вам надо приодеться. Возьмите извозчика и скоренько в «Галери де Лафайет», в отдел мужского платья. Скажете, что от меня, но не скупитесь. Чтобы – с головы до ног. Респектабельно, солидно, не слишком модно.

– Я, кхм, Владимир Ильич, кхм.. того, поиздержался.

– Ха-ха-ха-ха! – покатился Ильич. – Ха-ха-ха-ха! Ох, уморил! Поиздержался! Не поиздержался, – сурово сказал он, – а продулся. Так?

– Так-то оно так, – виновато вздохнул гость.

– То-то! Говорил я вам – к семнадцати прикупать нельзя, нельзя, нельзя. Это а-ван-тю-ризм. Говорил? – он повернулся к гостю так, будто сделал балетный пируэт.

– Говорили, говорили, Владимир Ильич.

– Вот-вот, батенька. Это – диалектика.

– Признайтесь, продулись в казино или же на девчонок профукали? Молчите, молчите, ибо сдается мне, что имело место и первое, и второе. А не было ли чего-то и на третье, а? Косячка, например, в компании каких-нибудь ссорников?

– Ох... Владимир Ильич..

– Да, батенька, прав я был, когда сказал вам от души – какая гнида, какой матерый человечище! Ах, не вам? Толстому, говорите, сказал? А что же вам сказал-то? Тэк-с. Каутскому – желтая сволочь... Троцкому – проститутка... а вот что вам? Напомните, не стесняйтесь, свои люди. Небось, что-нибудь нецензурное?

– Кхм.. Владимир Ильич, вы сказали – мат.

– Что, неужели матом крыл?

– Да нет, Владимир Ильич, вы.. мне мат объявили, когда в шахматишки резались в Сандунах... коня я тогда потерял... и слона просевал.. пока вы мне заливали, что «лучше меньше, да лучше».

– Ах, мат! Да-да-да. Мат, как ничто другое, отражает натуру русского человека, его душу. Да-да-да, о русском человеке забывать нельзя!.. Ну, да ладно – это уже прошло, а светлое грядущее у нас впереди. Вот вам деньги.

Хозяин раскрывает огромный портфель, извлеченный из бюро. Там – тугие пачки банкнот.

– Держите, – он протягивает гостю несколько купюр.

– Владимир Ильич, – потрясенный гость не может оторвать взгляд от раскрытого портфеля, – откуда у вас столько, простите за прямоту, деньжищ?

– Хе-хе-хе! – смеется хозяин. – Хе-хе-хе! Не всё же нам, батенька, жить на жалкие подачки чокнутых русских фабрикантов да мечтать о временах, когда кайзер все-таки поймет ситуацию и раскошелится. К счастью, появились и другие возможности. Экспроприация экспроприаторов, так сказать.

– Что вы имеете в виду, Владимир Ильич?

– Это история, Алексей Максимович, история, которую я вам как-нибудь расскажу целиком. А пока – езжайте в магазин, приоденьтесь, батенька, и знайте, что у нас, наконец-то, появился один чудесный грузин!

– Грузи-и-и-н?

– Да, батенька, грузин. Чу-дес-ный!

2000 г. Прага

Александр Князев

Санкт-Петербург

* * *

О блестящий Серебряный век!
Разливаются строки Бальмóнта,
и на «Башню», в Ивáнов ковчег,
собираются «сливки» beau mond'а.

После долгих бродячих ночей –
снова битвы в «Собаке бродячей»,
где дрожащее пламя свечей
утолит состояньем незрячим.

И разверзнутся вскоре врата,
в эмиграцию многие схлынут, –
будет вечная им маета...
Но Россию у них – не отнимут.

Сквозь столетье вернётся поток
обжигающих, чувственных строчек,
и зардеется снова восток
от писаний творцов-одиночек.

Погружаешься в сладкий обман,
отдаляющий хмурую осень,
где Судейкиной шёлковый стан
и Ахматовой царственный профиль.

И не хочется думать о том,
что грядёт испытанье тревогой,
лагерями... То будет потом,
а сейчас осторожно испробуй

ананасов в шампанском и то ж –
аромат чёрной розы в бокале...
И становишься смутно похож
на портрет с аксельбантом в овале.

Здесь и Сомова чувственный тон,
с ним – изыски костюмные Бакста,
и надрывно поёт баритон
о разлуке и прочих несчастьях.

Вот и Дягилев чинно идёт
освещённым огнями Парижем...
И Нижинского плавный полёт...
И Монмартр осязаемо ближе...

В Петербурге же – мокрый туман.
Утопая в тоске бесфонарной,
входит Блок в алкогольный дурман,
и несутся кареты пожарных...

Льётся тонкою струйкою ром,
и в душе отзывается эхо –
этот неизлечимый синдром
невозможно блестящего века...

23/24.05.2017

Картина Аллы Ивашинцовой

«ДО...»

НА КАРТИНУ АЛЛЫ ИВАШИНЦОВОЙ «ПОСЛЕ...»

Раненая птица –
крик в огне струится.
Колоколом гулким
стонет.
Не потонет
в пламени палящем.
Нотою скорбящей
вырвется из плена
шпарящей геенны, –
патокой по миру
растечётся миррой.

10.07.2015

Алла Ивашинцова

Санкт-Петербург

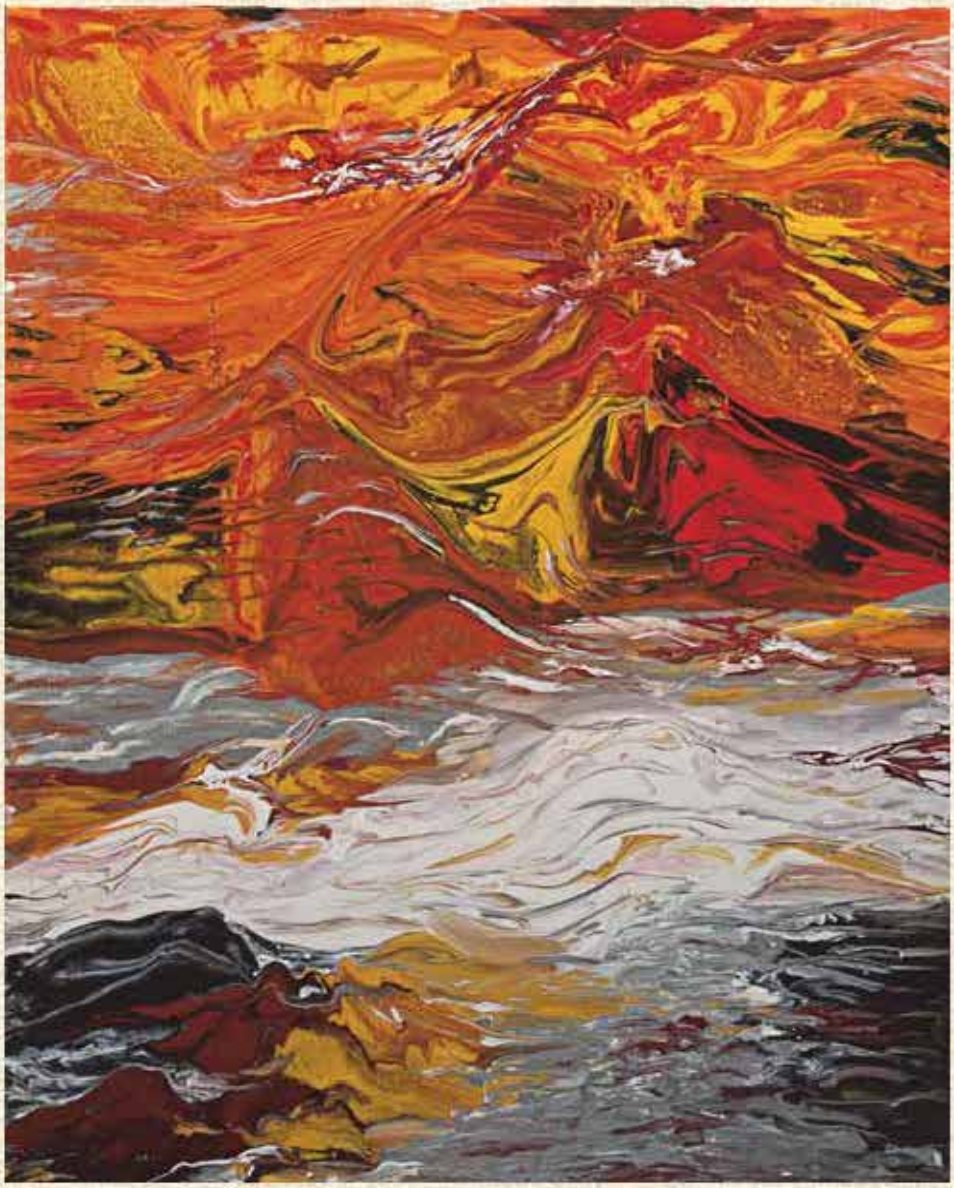
НЕЕВКЛИДОВА ГЕОМЕТРИЯ

Из холодного дома, но всё таки дома,
хлопанье двери,
эхо глухое в тёмном пролёте,
страх за перилами,
вниз шагов торопливость,
оскал остатков витража,
мерцающие тени.

Искривленье сознанья
в безмолвии,
в опустевшем, осунувшимся
пространстве
с сыплющейся лепниной.

За дверью улице контрастно,
выход будто из комфорта –
с мелочной гордостью,
с биением сердечной мышцы,
с преодолением жизни.

Сентябрь 2017 г.



Картина Аллы Ивашенцовой
«ПОСЛЕ,,,»

Алиса Клио

Санкт-Петербург

ЭЛЕГИЯ

Октябрь. Уж глядит со стороны:
вот, вроде бы, знакомая дорога –
изрыта вся машинами войны;
Там, за рекой – ужи́нка*-недотрога…

…октябрь грядёт: сминает и рычит!
Кровавый флаг над весями змеится,
гул с грохотом над пашнями стоит.
Рождённый ползать замер на границе:

не проскользнуть к любимой в тростники,
шершавой кожи чутким носом не коснуться,
пока телеги и броневики
потоком движутся в столицу революций!

26.09.2017

* *Ужи́нка* – ужи́ная жи́нка (жена ужа).

Александр Буланов

ХИЩНАЯ ПТИЦА В ТЕСНОЙ КОМНАТЕ

Хищная птица в тесной комнате,
Стрелой пронзенная.
Рыцарь правды на поле боя
Лежит распластанный.

Город заняли мародеры и гопники.
Голос слышен из помещений
ласковый,
Лгущий всем о врагах революции.
Вместе с ним выходят на марши.
В катакомбах от заклинаний «круцио»
Гибнут все наши.

Птица когтями в двери судорожно…
Рыцарь за меч сбитыми руками…
Если мир вокруг тебя не закружится,
Значит ось сломали.

Значит каждый сам по себе и в хаосе,
На колесном бублике восьмерка.
Птица взлетит, спикирует яростно.
Миру, покрытому серой алмазной
коркой
Покажет удаль рыцарь названный,
Птицы клюют и смотрят глазами
волка.
Помни, в эпоху наказаний
Это расплата только.

Зинаида Варлыгина

Кострома

МОНОЛОГ БЕЛОГО ОФИЦЕРА

Боже, как всё это было нелепо!
Сколько погибло мирных людей!
Сражались мы слепо. И верили слепо
в силу каких-то высших идей.

Боже, да мы за тебя и Россию,
мы за царя и за жизнь без войны
бились. И уходили красиво –
верные нашей Отчизне сыны.

Боже, к чему теперь весь этот пафос?..
Кто-то погиб, кто-то – в бегах…
Мы проиграли практически сразу –
в братьях своих не видя врага.

Галина Мальцева

ДООС – стреказелла

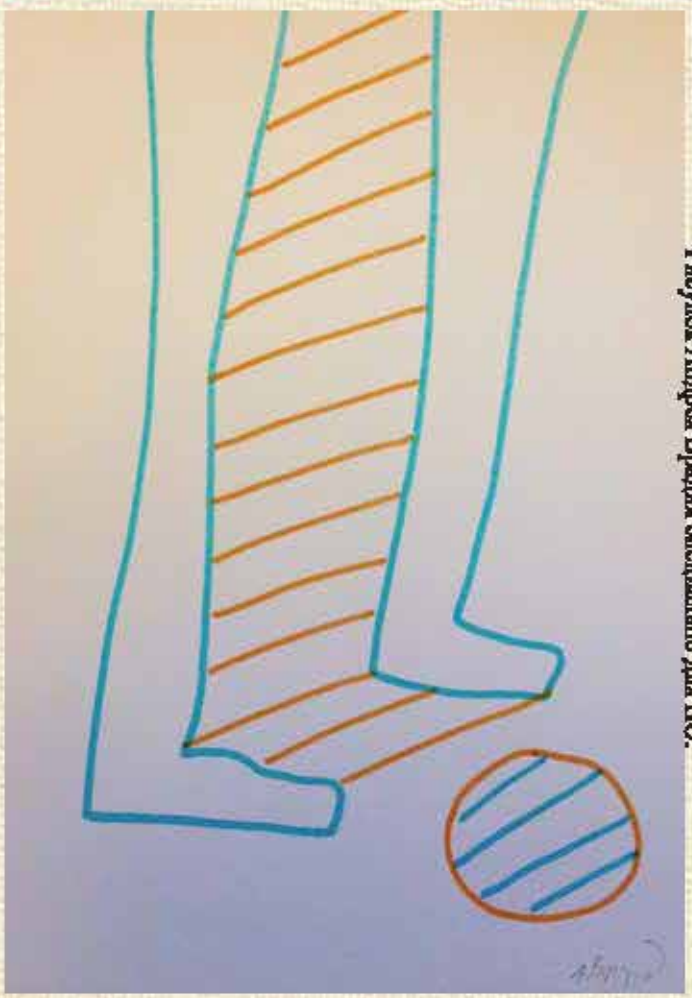


Рисунок Андрея Врадия специально для ПО.

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр

Братск

По кругу

Уж столько раз твердили миру –
конец истории,
конец истории,
и ничего...
Жизнь топчется по кругу!

* * *

наивные – всё еще мечтают жить
в другую эпоху,
с другим временем в обнимку,
но ведь в другом веке с другими –
и ты уже не ТЫ!

* * *

сумма исчерпана, сумА опустела,
очевидность не ведает куда вести,
но мелет тихонечко поэто-тело
словарный запасец стройизвести
дня усталого, который не был
отзывчив к рифмам, глухим к деньгАм,
но тертым глаголом господнего неба
приходим молча к благим берегам!

*

мировое пространство
исчезает у меня под кроватью,
куда закатилась
вечность третьего Рима
в белых тапочках...

* * *

Нас опять покусал
бешеный пёс революции...
И мы снова живём
под собою не чуя страны –
с диктатором в голове!

* * *

всю ночь по крыше
стучали капли дождя
смывая вечность

* * *

Толпы опавших листьев
одной метлой легко побеждает
трудолюбивый дворник нашего двора.
Шуршит метлой в сторону костра...

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООС

Специально для ПО

Бывает

и – чужой человек согревает тебя как родной
и – родной убивает
и – не знает никто ничего

Памяти одного музыканта

люди это грибы
люди это гробы

* * *

в Союзе писателей мертвых
членские билеты выдает Господь Бог
выдает не всем.

Поэт

Эзра Паунд – красивый – молчит – устав от стихов – в промозглой октябрьской Венеции – это и есть поэзия

Галина Свинцова

* * *

То ли привиделось, то ли приснилось…
Что это было, скажи мне на милость?
Может, забава любовью казалась –
вот и прикинулась нежностью жалость!

Черные ветки – простертые руки.
Снег в ноябре накануне разлуки.
Белые метки на черных растеньях –
вечные шахматы света и тени.
И результат нашей партии краткой –
просто ничья –
и ни горько, ни сладко.

Здесь, в охладевшей безлистной Казани
скупо простились и мало сказали.
А в небесах, словно белые птицы,
хлопья порхали, боясь опуститься.
Только герани разбитое сердце
брызнуло алым в разверстую дверцу
чьей-то террасы…
И сонная кошка
маленьким сфинксом сидела в окошке.

Мимо спешили…
и тем, что спешили,
наедине нам побыть разрешили
в этой толпе озабоченных встречных –
хмурые лица, сутулые плечи…

И равнодушье случайных прохожих
нам помогло стать случайными тоже…

Алексей Чуланский

Подольск

Рисунки Кристины Зейтунян-Белоус (Париж).

* * *

Герметизировано слово
Я мираж вербального огня
Произнести иного мне нельзя
Из сфер где генератор лигв гилеи
По токам вен по схемам нейро плат
Я связь обратная янтарь лабиринтальных врат
Антропный фактор в сне ПанГеи

Орнаментом иллюзий полюсов
На равновесном тоне антихтона
Я слышу синтезатор голосов
И белый шум квазара террикона

* * *

поверь в пустыню плодородий
в барханов чащу и в зарю

что в тундре нейроугодий
проложит путь календарю

на электроде астротранса
в тоннеле пламенной звезды

антарктика протуберанца
растопит зной реликтов льды

Хадаа Сендоо

друг ДООСа
Улан-Батор

Птицы и кое-что

Если бы я был птицей,
летел бы над бескрайними морями
к своему дереву,
не беспокоясь о расстоянье

А я не птица,
и кое-что меня сильно беспокоит,
гораздо больше, чем птицы

Хайнгай

Хангай – древнее монгольское слово, обозначающее голубое небо, белые облака, луга, реки, горы и леса мира.

Под бескрайним голубым небом
монгольские дикие лошади цвета скал
а зеленый – цвет Хангая

Теперь, голый, он всего лишь
кроваво-красная точка среди минеральных ресурсов
на геологических картах

Кукушка

Вечерняя заря
колышется туда-сюда
с камышами

Кукушка кукушка

Память любви горит
на моих щеках
нежным поцелуем

Кукушка кукушка

Когда я в последний раз слушал тебя
это было как в первый раз
в моем золотом родном городе

Посмотрела на птиц, поднялась на гору,
послушала кукушку и пересказала все по-русски
Елена Кацюба.

Коллаж Галины Мальцевой

Анна Пасынкова

* * *
вначале было слово

вот растет рыба.
у нее в животе цветет дикая вишня
(что зацвела
после того
как рыба проглотила косточку)
там – планета молчащих.

путь до нее
выложен был позвонками
беспозвоночных.

искали ее – не нашли.
молчали о каждом звуке.
чтобы звучать о молчании.

* * *
вот облако
нежное, светлоокое.
свет падал сбоку
на книги Набокова
от корки до корки.
ветер слизывает со лба
капли пота,
вода отдавала хлоркой,
я снова ей пахну.
смываю с себя синь/соль и сыпь
песка,
в шершавых засосах солнца была щека,
а все тарелки – в косточках от арбуза.

Полина Ольденбург

Стихи и картинки

*

Пока ты пьешь Чинзано в Сан-Франциско,
а облака в Москве летают низко,
клубятся в лужах мутных под ногами,
я всё лечу – журавлик-оригами...
Нелегкий путь – запои кем-то новым
с вопросом среди ночи: кто вы? кто вы?
Я выбегаю в серость переулков,
мои шаги торжественны и гулки.
Но я вернусь, чтоб снова потеряться
в объятьях чьих-то, буду притворяться
живой, азартной, легкой и смешливой,
а утром буду думать: да пошли вы!

2016, Москва

*

Раздираемый этим бредом,
вопрошаешь: за что мне осень?
Я иду за тобою следом,
мы друг друга в кармане носим.
Мне бы больше тебя не видеть,
мне б оставить тебя в покое,
не убить бы и не обидеть...
Что со мной? Что со мной такое?
Не могу разомкнуть, скрутило
пальцы ломкие в цепкой схватке.
Ты не жди, чтобы отпустило.
Я не жду, что всё будет гладко.
Ты кричишь: убеди в обратном!
Я кричу: ты всё понял точно!
Возвращаясь к себе стократно,
мы не можем поставить точку.
Аксиома. Летят осколки.
Взаперти не умрет Даная.
Сколько можно опять, ну, сколько?
Возвращаться на круг? Не знаю.

2016

*

Пить натощак столовую ложку тьмы
и в полумраке долго искать ответ.
Миссия выполнима – с осени до зимы
всю эту темень переработать в свет.
Лить по стакану в сутки горючих слез,
без сожаления, словно бы без помех.
Без анестетиков и без других колёс
истово слезы переработать в смех.
Биомашина. Сталкер. Не всем дано.
Счастье, по сути, очень тупая вещь.
Радость – другое дело. И всё равно
мир превосходен – даже когда зловещ.

2017

СВЯЗЬ

Связь не кончается. Если она была.
Если однажды тронула провода.
Жизнь побросала, вроде бы развела –
только Она не кончится никогда.

Жены, мужья и дети, зима, весна,
горы, моря, пустыни и города,
а между нами так же поет струна
звонко, пронзительно, в точности, как тогда.

Можно ломиться, локти кусать, кричать,
плыть по течению или с листвой кружить...
Только не выйдет это не замечать –
Связь не кончается. Кончится только жизнь.

2017

Виктор Москалев

СОВЕТСКИЕ ДЕТИ

Давно не бывало такой братии на свете
какими росли все советские дети
Как звери в лесу и как рыбы в воде
они контролировали все и везде
Ничто в городах и окрестностях сих
не происходило без ведома их.

Однако, тут надо бы сделать поправку
Что вечером кто-то ложился на травку
И то, что бывало порою в кустах.
Могли не увидеть детишки никак

Но днем каждый двор и каждый лесок
знал, что такое детей голосок.
Подвал и чердак – это были места
Куда ребятишки ходили спроста.

И стоило где-то быть открытой кладовке
Как дети тут шли на любые уловки
Чтобы штаб там открыть и все сделать
бы так
Чтоб место другие не знали никак.

Бывало в подвале технические нишки
ну там, где обычно стояли задвижки
Детишки в неё нахлобучили дверь
Весь хлам туда тут же сносился теперь

Любые железки, по виду похожие
на деталь мотоцикла и машины тоже
Имели в глазах у ребенка цену
хотя, что в ней пользы – никак не пойму.

Особенно часто цилиндры таскались
Что меж гаражей тогда всюду валялись
О, как же сантехники те матерились!
когда с новой дверью нежданной возились.

Но ценный особенно мусор – не брось
что на радиодетали похож хоть бы вскользь
Такие штуковины дети искали
Да так, что порою и воровали.

Ведь каждый дитя собирался когда-то
Собрать цветомузыку, радио-платы.
Хоть редко сбывались мечты те наивные
но были читаемы журналы о дивном.

Для умелых рук, Радио и Юный техник
В Союзе каждый чадо был политехник.

И хоть иногда те ребята с законом
бывали в конфликте в своих устремлениях
Зато никакой террорист в мире том
не мог бы напакостить хоть на мгновенье.

И если бы такой человек появился
То детям тогда бы он тут же спалился
Поскольку всегда и везде под контролем
Детишки держали свои территории.

Бывало, что группы меж собой враждовали
Случалось, что штабы, постройки ломали.
И драки тогда были делом не редким.
О, как же дрались те советские детки!

Для этого дела водились порядки
до первой крови, до слезы, до лопатки.
Однако не все были столь благородны
кому-то камнями кидаться пригодно.

Но были табу признаваемы всеми
Что нож никогда не был драке при деле
Хотя складишок у ребенка тогда
Как спички, с пеленок с собою всегда.

И эти предметы для игр имели
первейшую важность при каждом деле
Лук сделать и выстрогать стрелы к нему –
Тогда каждый мальчик учился тому.

Огонь – столь излюбленное увлечение
Любая пластмасса имела значение
но был сорт пластмассы особо любим
тогда дымовушки все делали с ним.

Бывало, на стройку специально ходили
Залезти на кран те детишки любили.
Резину, похожую на колбасу,
Там стырить и жечь её где-то в лесу.

Взрывчатка – ребенок мог с ней обращаться
Знал, как её сделать и мог поиграться
Купить для неё компоненты в аптеке
И бомбочку сбацать – все ради потехи.
Когда раздавался Бах!!! в микрорайоне
Никто не пугался –то дети в законе.

Деревья любые даны, чтобы лезть
на то интерес у детей всегда есть.
Заборы и крыши для этой же цели.
Когда на земле игры все надоели

Так жили они в увлечениях опасных
но не случалось событий ужасных
Детишки советские неуязвимы
Ловки – обезьяны, умны как дельфины.

ОКТЯБРЬ УЖ ЗАМУЖ НЕВТЕРПЁЖЬ

Николай Ерёмин
ДООС – никозавр
Красноярск

ИЗ ДНЕВНИКА

«То был октябрь. Ужасная пора»
Н.П.Огарёв 1857 г.

Октябрь
Во всех веках, увы, ужасен…
И с Огарёвым в этом я согласен.

Поскольку смог сравнить –
Без дураков! –
Октябрьские событья трёх веков…

Сегодня, ах, 6-е октября.
День был безумным,
Грубо говоря…

Ужасный день!
Пересказать нет сил, –
О чём я только Бога ни просил...

2014

СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Россией правил сумасшедший…
Он, смысл в безумии нашедший,

Одних – в столице застрелил…
Других – в Сибирь переселил…

Где обездоленных – Эх, ма! –
Ждала тюрьма, потом сума…

Потом палата №6…
И далее – благая весть:

Всем излечившимся – Привет! –
Дорога к Богу,
На Тот свет…

2017

ЕДВА ЛИ

Кто – кого?
Теперь едва ли
Установишь…
Все – в могиле…

Футуристов
Расстреляли…

Акмеистов
Затравили…

– Трали-вали…
Тили-тили…
Это мы
не проходили…

Хором дети
Там и тут
Эту песенку
поют…

2015

ВЕТЕРАН

– В 4-м классе
Средней школы
Мне вручили почётную грамоту
«За отличную учёбу
И примерное поведение»
Где на фоне Красного знамени
Были напечатаны 4 профиля:
Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин.

В 7-м классе
Мне вручили похвальную грамоту,
Где были три профиля:
Маркс, Энгельс, Ленин.
И серебряная каёмка,
Позволяющая поступить
В любой техникум страны без экзаменов.

В 10-м классе
Мне вручили грамоту,
Где было два профиля: Маркс и Энгельс.
И золотую медаль,
Позволяющую поступить
В любой ВУЗ страны без экзаменов.

А вчера
Председатель
Районного совета ветеранов
Вручил мне грамоту,
На которой не было ни знамени,
Ни профилей…
И за что, и зачем он её мне вручил?
Ума не приложу…

2016

Валерий Байдин

Кан, Нормандия

Памяти Велимира Хлебникова

ГУЛ

О, разгуляйтесь гулёны,
что на гульбище гулянствуют!
Головы гульные, загульные гуляки,
гульбой выгуливайтесь –
голь гулёвую отгуливайте,
гульё недогульное пригуливайте,
гульцов гулящих перегуливая!
Гуляйте гульчане с гулявами
гулицей гулкой, перегулками,
прогулками гуляльными,
гульбёжными,
гулеванья ненагульные огуливая.
Гулливые гулебцы угуливайтесь,
гулящие в загулах отгуливайтесь!
Гулёныши, гулёнчики, гулемыки –
гулыбайтесь гулыбками разгулыми.
Негулявшие, загуляйте,
сгулялые, возгуляйте!
Нагуляться, изгуляться, догуляться…

ТВОРЕБЕН

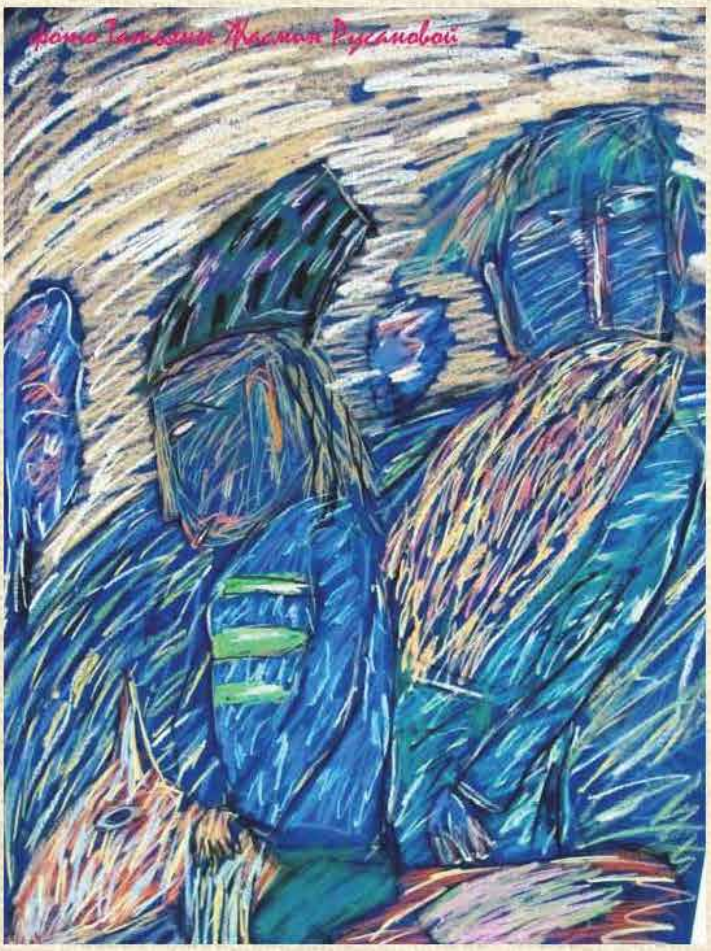
В затворе творческом
творится словотворен…
Творяй творитель, востворяй
в затворчество, восторчество
и творьбищ инотворчество,
твори в творильне мыслетвора
всетвор и жизнетвор!
Среди бестворчества,
в творьбе затворной,
творче, сотвори,
творенья створы отвори
и творева не раствори
в притворчестве, потворчестве,
нетворчестве тварья!
Что нетвари и твороги понатворили…
Твари утварь истворится,
вытворится, оттворится,
а нетварные твори претворятся
в неботворения Творьбога.
Творило твореванья,
твордеец творь творянских,
творящее творение – творьбожич
перетворяется
в растворе творческом
перед Творцом.

Аркадий Перенов

Улан-Удэ

Велимир Хлебников: «Я ведал : ненарекаемость Бозничего, неизбытность Полевичего».

Сухие пастели, французский картон. 27 декабря 2011 г.



Велимир Хлебников: «Ручей с холодною водой, где я скакал как бешенный мулла».

Сухие пастели, французский картон. 26 декабря 2011 г.

Геннадий Юшко

ДООС – стреколёт
Калининград

ПЕРСИДСКИЙ ГОСТЬ

В. Хлебникову

Я
Персию прошёл насквозь
вслед Низами и Фирдоуси,
Там груди девичьи
под осень
сочней,
чем винограда
гроздь.

Спешил любить.
любил форсить
и девам
нравиться
персидским,
читать стихи им
на фарси,
таком певучем и
неблизком.

Но.
Гость.
Стихов и поцелуев гость,
напрасно
тенью северного сада
бросался к солнцу –
русскую прохладу
мне отогреть не удалось.

Пустыней,
в голоде,
в рванье,
косматым дервишем
пополз к России,
любимой мной
до обессилья,
но
Родина не шла ко мне.

Любовь Красавина

Хлѣбъ Хлѣбникова

1917-2017

Цикл: 71 вариация на тему ЖИЗНЬ
71__Twitter_style_199_symbols

Сергею Мнацаканяну

1__
О, жизнь-жизнь!
Где боль – по-матерински! –
не сражает,
разрывая последним криком,
а – раскаченных на волоске от смерти –
молит остановиться,
выбирая жизнь!
Её величество Жизнь!
1_1_уро_Жизнь

2__
Где браузер услужливо
восстанавливает ссылки
на вчерашние противоядия
от сегодняшних
«гибелей всерьёз».
2_1_уро_Ссылки

3__
О, посты Пастернаков,
О, хлеб Хлебникова!
Где двуглавый орёл,
ведущий себя непоправимо
распущенно,
расклёвывая в два клюва,
заглатывая в два горла
наклёвывающиеся зёрна –
не дай Бог опять
пустившихся в спять
революций
3_1_уро_Хлеб

4__
И лучше чингисхановым эхом
воспевать любовь
на улыбке
головокружащего искушения
влюблённых восточных глаз,
чем рассыпаться лагерной пылью
оборванных жизней
ненаписанных строк.
4_1_тег_Искушения

5__
Где скажет дядя… ведь недаром –
уныпая пора очарованьем
выходит из шинели ада,
припарковавшейся в раю…
Где внуки внуков
наследуют распад –
империй, религий,
опупительных цепей!
5_1_теги_Внуки_Цели

6__
И, возможно,
признак прекрасного вкуса
не знать о прекрасном вкусе,
засевая человеческими костями
родные просторы,
так недавно великой
и так давно
преданной-разрушенной-потерянной…
необратимо…
6_1_тег_Вкус

7__
Где под розово-голубым небом,
под холостой выстрел Авроры
архивы Петропавловских крепостей
распаковываются
сталинградо-владимирскими зонами…
7_1_тег_Небо

8__
…и по Руси-матушке,
да под отцами-основателями,
да под радугой
осеменённых нервов –
на улыбке вчерашней юности
смотрят стальным взглядом
сквозь лобовое стекло
бронированные реальностью цели.
8_1_тег_Цели

9__
Где – на сайтах ударных знакомств –
свобода без любви –
свобода проигравшего,
сродни вечности,
разлитая во вчерашнем,
уже лишённом вечера дне.
9_1_теги_Свобода_Любовь

10__
О, зов и стон,
сталет одиночества!
С ритуальной водкой
в замёрзших глазах,
в запотевших слезах конденсата,
с допингами постельных незнакомок
в онемевших сердцах…
7_2_теги_Одиночество
_Незнакомцы

11___
…где женщины
играют роль сумасшедших,
а мужчины не играют роли
никакой.
Где любовь опрокидывает –
гранёными стаканами кайфа –
жизнь!
Её величество Жизнь!
1_2_теги_Жизнь_Кайф

12___
Где можно превзойти всех,
переступая через всё –
по красной строке чёрными нотами –
где в одном взгляде от нас –
много людей – мало любящих!
Куда никогда не вернусь,
потому что вернусь другой.
10_1_тег_Ноты

13___
А ямщик всё гонит и гонит
лошадей в полярную ночь
бескрайней боли –
всё дальше и дальше,
где нет больше света –
всё дольше и дольше,
где некого больше любить…
и напрасно…
11_1_тег_Ямщик

14___
Где мужчины
оскорбительно долго нерешительны,
теряя право быть любимыми,
исчезают из женских сердец…
Когда поймут, что…
без неё невозможно! –
рядом будет тот,
кто понял это раньше.
12_1_теги_Мужчины_Женщины

15___
И контекстная реклама
бегущей строкой
накидывает удавку скидок на скидки:
про архаичный брак,
что не меньшее зло,
чем отвязная необязательность
измен.
2_2_теги_Реклама_Брак

16___
Где сильный всегда помогает,
идущему вслед,
и выживает любовью,
и после ухода.
Где слабый –
беспомощно-беспощаден! –
тяжела:
зависть ли, жадность ли, ревность ли…
и –
беспощадно-беспомощна…
13_1_тег_Сильный

17___
Где – люди ли нелюди –
раскатывают откаты
во имя выживания –
откатывают раскаты
штурмов во время чумы,
чумовых штормов…
14_1_теги_Штурм_Шторм

18___
…где грабят ли, гробят ли –
белых, красных, оранжевых…
вечное переливание крови
из жил в землю,
прорастая красной травой,
оранжевыми цветами
под белым саваном неба…
7_3_тег_Саван

19___
Где народы рвутся на волю,
а дождь – идёт и идёт!
Где хохлы погнали москалей,
а жизнь – идёт и идёт!
И война живую боль
пережигает в мёртвую боль
неостановимо…
15_1_тег_Дождь

20___
Где ледовитое солнце прошлого
прогорает
вечными огнями настоящего
в отмороженных сердцах
современников.
И светит, да чтобы не греть;
и ненавидит, да чтобы не любить…
ожесточённо-нежно…
16_1_тег_Современники

21___
О, маяк Маяковского!
О, цвет Цветаевой!
О, хлеб-хлеб! Хлебникова!
Где стая трёхглавых орлов
выклёвывает зёрна голодных глаз
с очередного дна
непотопляемого кризиса,
в три горла глотающая,
в три горла выкликающая
Имена ушедших.
3_2_тег_Хлеб

22___
Где каждую жизнь –
изо дни в день – Сизифами в гору!
Где каждую ночь –
Новогодними фейерверками –
за русским хмельным новым счастьем –
любим кататься на санках!
А то, что всё украли до нас –
а то, что нет даже снега –
огорчит!!! –
но не остановит!
6_2_теги_Санки_Счастье

23___
И, драгоценные дети,
вырастая
из безусловно-великой любви,
автостопом рассыпаются
в тренингах
по сгребанию грязи за гроши,
в попытке превзойти всех,
реализуют наше будущее…
и неслучайно…
5_2_тег_Дети

24___
Где бедность
обещает быть щедрой,
как только разбогатеет.
17_1_тег_Бедность

25___
Где женщины
оскорбительно легко изменяют,
теряя право быть счастливыми,
вымораживают мужские сердца.
Где ужасно-сложно
завоевать любимых,
но ужаснее! – кормить в плену –
вечно!!!
12_2_теги_Мужчины_Женщины

26___
Где бойцы невидимого фронта
пьют, болея за футбол,
разучившись играть в футбол;
и страсти разливаются
ледовитыми снами океанов,
а красотки продают тела.
18_1_теги_Бойцы_Красотки

27___
Где ямщик всё гонит и гонит
лошадей-лошадей
в полярный день – нескончаемой боли,
где есть всё, кроме Тебя,
где есть всё, кроме меня
рядом с Тобой!
И некому остановить,
и некому развернуть вспять…
и напрасно…
11_2_тег_Ямщик

28___
Где была твоя любимая,
а стала не твоей женой.
И снег не идёт, а падает.
Где был – уникально-единственный!
А стал – нарастающей болью.
И жизнь не идёт, а рушится…
Где не лечит –
«просто случайная связь»,
Нет! – не лечит –
верная голая страсть!
И не лечит ни-че-го!!!
а болит!
15_2_теги_Снег_Страсть

29___
О, семья!
О, семь пудов соли!
Где брак и дети
не лекарство от старости,
а самый короткий путь в ад,
который рекламируют раем!
2_3_теги_Брак_Рай

30___
Где бедность
забывает быть щедрой,
как только разбогатела,
задыхаясь от жадности,
пожизненно умирает от одиночества…
и безрезультатно…
17_2_тег_Бедность

31___
Где мужчины превосходят себя,
но только не в женских глазах.
И красной строкой –
любимая нота…
Где в одном взгляде от Тебя –
много людей!
И можно сменить сотни мужей
и десятки жён,
лишь бы меня
согревало Имя Твоё!
10_2_уро_Тебя

32___
Где на прочно порочных аккаунтах
свобода без любви,
свобода повязанного
сродни вечной боли,
рассыпана в сегодняшнем,
уже лишённом дня утре.
9_2_теги_Свобода_Любовь

33___
Где победы выбивают,
выживания ради,
а дают выиграть
переплатившим собою…
Где дети – наша боль и забота –
инфантильно боятся расти,
слабоумно уродуя
всепобеждающей ленью
единственную жизнь…
и неслучайно…
13_2_теги_Победы_Дети

34___
И наше будущее
из пожарищ восходов
осыпается в угли закатов
непотревоженными душами
современников,
от того что нет и не было у них
души.
16_2_тег_Современники

35___
Где любовь руками верности –
неправдоподобной верности себе! –
черно-отелловски душит –
непрофильный актив – страсть!
И циклопы
камнями эгоизма глушат выходы
душных пещер – пещерных душ!
И – нет больше света,
и – некого больше любить…
14_2_тег_Страсть

36___
Где бойцы ударного фронта
не играют в хоккей,
а, спалившись на допингах
рукопашных реслингов,
ставят на фору,
исчезая в публике,
что жуёт и жуёт баланду брака,
об иных победах мечтая.
А красотки любого попа
продают тепа…
18_2_теги_Бойцы_Красотки

37___
Где лапоть с правой ноги
повесился на левом ухе.
Где по каменным лицам гор
текут реки мужских слёз
радугой женского смеха.
И – мы стоим на одной доске,
по над пропастью балансируя,
и – срывающийся тянет всех,
а выжить – мудрее!
6_3_тег_Лапоть

38___
И старинный обряд родовой вражды
лучше победить любовью –
кайфа больше!
Где каждый левоногий лапоть,
маяча в правом глазу,
перчаткой в зубах вязнет.
19_1_теги_Вражда_Кайф

39___
О, ахи Ахматовых!
Где вечные стаи многоглавых орлов,
вечно-летящие вниз,
склёвывают вымороженный
хлеб Хлебникова,
извечно голодающего.
3_3_тег_Хлеб

40___
Где лучше по-Разински
за борт-разбрасываться –
любимыми искушениями –
по набежавшим волнам,
чем в брызгах шампанского,
по-Маяковски разбиваться
лодками о быт.
4_2_тег_Искушения

41___
Где – пролетарии, союзы… –
всё разъединяются!
А снег – всё засыпает.
И – погнали наши городских!
А жизнь – всё рассыпается.
И смерть, по родным просторам,
разносит грязью,
на подошвах рваных сапог
современных невольников,
остатки оскудевающих
империй…
15_3_тег_Снег

42___
…и раздолбай долбит раздолбая
по раздолбанной голове
и не надолбится… по дятлу,
стучаще-сливающему контент,
выверенными прогибами
ритмично отдаваясь
волной священной любви
к деньгам-и-деньгам
всё замещающим,
веря-и-веря… во всю…
и всё зря…
12_3_тег_Деньги

43___
Где свободу не дают –
как жизнь?!
Где свободу не берут
и… смерть,
избегая-предавая-юродствуя,
за свободу выдаёт
крепостное право –
смирительной рубашкой рабства –
патологию в норму!
И… жизнь,
по степени отчаянья, зашкаливает
в смерть.
20_1_теги_Рабство_Норма

44___
Где нет голодных и сытых –
есть видовая вражда:
бессильных и сильных,
одарённых и бездарей –
в страстях перемолотых судеб.
19_2_теги_Голод_Вражда

45___
И мы несём знамёна страны,
которой больше нет!
И присягаем –
любой ценой удержать границы!
Где нами расплатились за отчизну.
Где, не родившись, гибнут
все прекрасные возможности,
оплакивая разворованную империю…
14_3_теги_Знамёна_Империи

46___
…где на колючих проволоках деспотии
зависают сердца современников,
и дети детей
на обломках самовластий
в пустых руках несут завет
трижды учиться – на ошибках!
Единожды доживая – до побед!
исчезающих поколений.
5_3_тег_Дети

47___
Где стаи собак
без упряжек и дорог
загоняют полярную ночь
в одиночество боли…
и напрасно…
11_3_теги_Одиночество_Боль

48___
Где женщины превосходят себя,
но только не в мужских глазах,
и красной строкой – нежная нота…
где в одном взгляде от меня –
много людей –
и можно
менять десятки мужей и сотни жён,
лишь бы Тебя согревало Имя моё.
10_3_уро_Тебя

49___
Где горько-чёрные моря
обкатывают сердца
каменной болью
неизжитых желаний
Где омуты безволия
затягивают безумием
без шанса долюбить…
нежно и преданно…
8_2_теги_Сердца_Желания

50___
Где бедность,
ограничиваясь необходимым,
сканирует голодным взглядом
сытость сытых…
и беспросветно…
17_3_теги_Бедность

51___
О, позывные вздохи!
столетий одиночеств!
С бонусами креативных коктейлей –
из титульных спонсоров
и колотым льдом
постельных незнакомцев –
вымораживающей современности.
7_4_теги_Одиночество_Незнакомцы

52___
Где мужчины
играют роль сумасшедших,
а женщины не играют роли
никакой
Где любовь мотивирует –
гранёными стаканами страсти –
жизнь!
Её величество Жизнь!
1_3_теги_Жизнь_Страсть

53___
И, вероятно,
особый шик варварства,
не замечать варварства,
прорастая знамёнами,
салютуя лозунгами
последних слов
на траурных венках,
где провидение
живую боль цементирует
вечной болью…
необратимо…
6_4_теги_Шик_Боль

54___
Где, под видеорегистраторами
голубых глаз лежачих полицейских,
Иуда целует Христа –
и это норма?!
Где сексуальный символ кухарок
вечно правит,
извращённо доминируя,
с вечно голубых экранов
оплодотворяя вечно зелёные глаза…
вечно-недозрелые…
20_2_теги_Символ_Норма

55___
Где орда героев и тьма амуров –
привычно перелистывается
годами тренировок;
где череда любовников любого пола –
зачитанная отработанная схема;
где меняют свой пол,
как постельное бельё,
в попытке сменить жизнь…
и нерезультативно…
8_3_теги_Схемы

56___
Где Хлебников – наше всё! –
Заратустрой по зверинцам танцует! –
транспарантно-вырубленной из
контекста
головой Ницше качая, –
под мелодию Вагнера,
под любимый репакс нациста,
который, чем больше жжёт людей,
тем сильнее любит их собак…
и тем чудовищнее…
3_4_теги_Хлеб

57___
Где лучше
в Мамаевом стиле
полигамно покрывать любовью,
сея семя,
прорастая потомками,
чем сиротеть
на Мамаевом кургане.
4_3_теги_Полигамия

58___
Где провинция сгоняет метрополию,
а град бьёт и бьёт.
Где сердца современников –
секирами,
перекодящими знамёнами –
из рук в руки,
от станка к дыбе,
от папача к папачу –
по жизни – бьются и бьются.
15_4_теги_Град

59___
Где – заграница в кредит
россиян обогатит! –
и голодные звери революций,
возвращая богов покровительство,
ищут всеблагостного,
ищут единоверного –
чтобы убить и съесть!
А вы голодали?!
19_3_теги_Революции_Голод

60___
Где жёлто-синие флаги глаз
засыпают бело-красным пеплом
зарёванного зарева переворотов,
презирающего бунт рабов,
топящих в крови,
выдвигающих из грязи,
ещё более грязных и кровавых.
13_3_теги_Бунт

61___
И гимн звучит жалобой –
сколько ни переписывай –
и современные крепостные невольники
по очередному кругу, беднея и беднея,
всё летят и летят за счастьем
в чужие тёплые страны.
20_3_теги_Счастье

62___
Где провидение преследует
убийственным рикошетом
оснегуренного Хлебникова,
зажигающего спичку колотых острот
о голенище голода…
И так и не зажёгшийся…
И так и не согревшийся…
3_5_теги_Хлеб_Голод

63___
Где лучше смотреть на звёзды
в пугачёвском тулупчике,
чем по-Велимировски
на бис-исполняться
смертным приговором.
4_4_теги_Приговор

64___
Где война уродливее смерти,
и тела красавчиков торгуют
железом оружия.
Где слёзы красных морей
скользят кровью
по кораллам закатов.
И души бойцов
закладывают амбразуры
телами любимых.
Куда никогда не вернёмся,
потому что вернёмся другими.
18_3_теги_Бойцы

65___
Где свобода без любви
вечно проигрывает
свободе для любви,
на улыбке
чувствуя-побеждая-прописывая
против всех смертей –
Жизнь!
Её величество Жизнь!
9_3_теги_Свобода_Любовь_Жизнь

66___
О, князь Владимир,
до поры рискуешь,
оживляя – освящая – клонируя
памятники на деньги
нищающих рабоче-крестьян:
поднимут на вилы,
опустят молотом,
пожнут серпами,
зальют мёртвой водой…
И покраснеют памятники,
и заговорят булыжники,
и оживут орудия пролетариата…
16_3_тег_Князь

67___
Времена ли?! – нравы!?
Осыпается империя –
забытым великим русским языком –
немеет!
И не имеет…
сил удержать…
нравы ли? – времена?!
21_1_тег_Русский

68___
Неостановимо…
под раскалённым солнцем
былого величия –
рассыпаются – памятники гор! –
в остывающий песок под ногами…
разных народов,
по-разному славящих
разных богов!
Не все – единому!
А каждый – многим!
21_2_тег_Народы

69___
…где разбитыми судьбами
рапортуют
элатажную волю провидения!
Изводящими в стружку, страстями
танцует жестоко скальпель рока
по остановленным сердцам,
транспарантно мотивируя:
«Жить! – лучше веселее!!!»
21_3_тег_Рок

70___
…чем убивать и быть убитым
на чужой земле…
…маршировать на парадах
в неоплатных долгах…
Посеяв нравы, пожинать времена!
21_4_теги_Нравы_Времена

71___
И все – единому! Наприсягались!
И каждый – многими богами
вымоленный!
…и лучше! – легче! – Тебе –
единственному!
Завораживающе-нежно!
о любви – говорить
на родном и роскошном! –
РУССКОМ!!!
21_5_тег_Русский

17_02_2017_Москва

Дмитрий Гаранин

Нью-Йорк

* * *

Слоистых смыслов слизистые неба
Облоко тившись о язык горбатый
Расчисленные логикой пречистой
Умом неоспоримым приобъяты

В значений забродившую палитру
Макают кость взлелеянных традиций
Чтоб белизною сладких изречений
В контексте на своих полях упиться

New York, 9 December 2015

Ольга Ильницкая

ДООС – слонозавр

СРЕДЬ РОССИЙСКОГО ПОКОЯ

1.
Если есть на свете смерть,
что Ты хочешь от меня?
Говорю себе – не сметь!
Повторю Тебе – ни дня
не прожить в краю таком,
где поземка вместо ширь,
где не живы мы, но были.
Где любили, не следили
за волшебной суетой.
Помню холод под щекой.
Помню эту пустоту –
вне дыхания, вне мысли.
Если я Тебя вдохну,
откачнутся выше выси.
И промчатся в синеве
кучевыми облаками
те, кто были рядом с нами,
те, кто сами стали снами
на покинутой земле.
2.
Хорошо. Если Ты во мне –
я непаханая целина.
Храм я нерукотворный Твой.
Голос Твой, и вопрос тоже Твой.
Тишина во мне, тишиной переполнена.
Ты со мной громом, молнией!
Посмотри в глаза мои изнутри.
И потрогай мои ладони дланью светлой.
В момент агонии не жалей меня, а люби.
Ибо я Твой храм на крови.
3.
Там, где Ирдома волна гноит дерево глухое,
средь российского покоя церкви луковка видна.
И дудит, дудит под ней в золотой рожок,
в мусульманский серп влюбленный Ванька пастушок...

* * *

Молчание было больше мира,
в котором могилы почти как клумбы,
в котором «руки» рифмуют с «разлуки»
и рифмы стеклянны, как слезы марта.
Мне очень плохо, когда ты где-то,
а я в постели не сплю и помню...
Еще я знаю, что конец света –
это когда сначала больно,
потом так больно, что больно помнить,
потом так больно, что больше не больно.
И вот когда ничего не вспомнить,
тогда наступит конец света.

Ольга Лебединская

ДООС – одуванчик
Днепр

* * *

Праздник – странный, по сути, зверь.
Посмотреть бы ему в глаза
Праздник – в душу твою, как в дверь,
Входят ясные чудеса
Тут и гусли, и звон бандур,
Приснопамятный сон цимбал,
Томных строк длинношерстный мурр
и вестей золотых вокзал.
Все гурьбой, все к тебе во двор.
Не гони, а принять смоги.
Будет пьяный тебе простор,
и его назовут «стихи»...

Зиновий Антонов

Я ПРОЖИВУ

я где-то есть а где-то больше нет
но я ведь не могу быть сразу всюду
могу вернуться передать привет
а через миг я здесь опять не буду
какой же чёрт меня сюда занес
я верю в то что приношу тут пользу
стихов моих стремительный занос
меня опять похоже держит возле

я проживу наверно без стихов
и жизнь такая будет мне по нраву
мне станет ясен пафос облаков
понятен раж всех речек и каналов
карманов важность в пиджаках
и шляп солидность на макушках строгих
идей расхожих рыхлые бока
и лиц невнятность в городах убогих

я проживу конечно без стихов
стихая сердцем истекая кожей
смакуя сладость всех земных грехов
и невозвратность дней своих итожа

я проживу пусть каплями дождя
смывает смысл увесистая осень
и белок злых пугая и щадя
проносится весна меж пьяных сосен
и лето выжигает добела
остатки дней прозрачных и быть может
я проживу... от стула до стола...
если конечно ты мне в том поможешь
Нравится · Продвигать · Поделиться

Ольга Филиппова

Каменск-Шахтинский

Скоро Осень

(сплошной зеркальный акростих)

Август… **А**ромат **А**рбузной
Корки… **К**адры **К**анители…
Ручеёк **Р**одное **Р**усло
Оросил. **О**враг **О**дели
Сорняки. **С**юда **С**о **С**тана
Торопясь, **Т**абун **Т**опочет…
Искренне **И**гнат **И**вана
Хвалит. **Х**марь и **Х**олодочек,

Хорошо… **Х**отя **Х**отели
Иногда в **И**злёте **И**волг
Тетиву из **Т**онких **Т**релей
Слышать. **С**коро **С**олнце в **С**ивых
Облаках **О**стынет, **О**сень
Ретушью **Р**азмоет **Р**акурс…
Клевера **К**асьяныч **К**осит…
Альича **А**леет… **А**вгуст.

Дарьяна Лемтюжникова

* * *

Дождит. Организм стремится познать четверг:
Сознание явственно путает дни недели,
Точней имена пространства… Творец низверг
Гекзаметры жидкости. Улицы окривели.

На площади хризантемами расцвели
Зонтов колпаки, акварельные a priori.
Асфальт изобрёл колёсные корабли,
Неспешно себя приучая к подводной роли.

* * *

Полёт разряжённым молчанием обездвижен.
Случайный звонок ожиданием перегрет.
Давай притворимся, что ты – рождена в Париже,
Я – визу продлить не смогла и сожгла билет.

И падает в сумерки жёлтый обрывок лета,
Пространством седым в попытках непрочтённый вслух.
Мы – военнопленные призраки Интернета,
В чужих голосах заключаем бродячий дух.

Лена де Винне

ОСЕННИЙ ДЕНЬ, КОГДА ПЕРЕВЕЛИ ЧАСЫ

Играю в кошки-мышки с темнотой.
Она зашла за мной в подъезд учтиво,
По лестнице взбежала винтовой,
По дому растеклась неторопливо.
Касаясь лапой мягкою лица,
Она свисает меж обрывков тени.
А отблеск взгляда –
вскользь по волосам
Седых историй. Прожитых мгновений
До марта мрачных много набежит.
Их проживу дыханием веселья,
Когда, в весенней лужице дрожа,
Мир цвета солнца справит новоселье.

* * *

Когда притворный, неевангельский, Иуда,
Бредёт понуро,
Реки льются вспять.

* * *

Предикат неповиновения, или полифония эрчания?
Земляника в лесу, или приснившийся ветер?
Карнизы с отдушинами или капризы с предчетями?
Порог неизбежности или огни в тумане?

Коллажи Галины Мальцевой.

Ольга Косарева

Бельтеневы

Отрывок из мемуаров

Цвела черемуха..... 19 мая 1968 г. Александр Косарев сделал предложение Ольге Сухачевой. 9 ноября 1968 г. была сыграна свадьба, на которой произошло объединение четырех родов: Косаревых-Ювенских и Сухачевых-Бельтеневых…

Поведаю о Бельтеневых. Моя мама очень много рассказывала нам, своим детям, об отце, которого боготворила. Мама ушла из жизни в 1996 году. Я, выйдя на пенсию, начала писать мемуары, желая сохранить память о родных, собрать по крупицам то, что хранила память моя и моих родственников. И что вы думаете? Откуда ни возьмись, начала стекаться информация, о которой я даже помыслить не смела. Объявилась вдруг родственница, дальний предок Бельтеневых, живущая в Устюжне, «колыбели» рода Бельтеневых, которая раскопала в городских архивах документы, подтверждающие семейные легенды, представляющие нашим изумленным глазам «россыпь» всевозможных Бельтеневых. Но начну по порядку, с воспоминаний мамы.

Мама рассказывала, что фамилия Бельтеневых появилась в России в XV веке. Иван III женился на византийской царевне Софье Палеолог, которая привезла с собой иконописца Бельтуса (в 1472 г.). Бельтус стал основателем семейства Бельтеневых. Мама вспоминала, что многие церкви в Вологодской области расписаны иконописцами Бельтеневыми. Рассказ мамы об ее отце, Борисе Павловиче Бельтеневе, я записала на магнитофон и привожу его полностью:

«Папа был дворянского происхождения и за это наказан. Поместье папино было под Вологдой, недалеко от Устюжны – именье Раменье. Смутно, смутно помню большой господский дом, с одной стороны дома был большой господский парк, в который надо было спускаться по лестнице с огромной террасы, попадая в бесконечную липовую аллею. А с другой стороны – большое голое пространство – скотный двор – конюшни, коровники. У папы был завод – маслобойня. После революции папа был оставлен управляющим своим поместьем. До него дошли слухи, что его должны расстрелять. Он бежал в Ленинград, там скрывался. Позднее к нему уехали и мы с мамой.

Мы скрывались еще некоторое время в поселке за Пушкиным, под Вырицей (4 –я платформа). Лишь потом перебрались в Пушкин. Папа получил огромную квартиру – весь нижний этаж большого графского дома – 600 кв. м. Одну комнату он отдал Ганьковским, знакомым еще по Раменью. Другую комнату отдал какой-то бедной семье, две средние оставил себе. Ганьковские все время писали на нас доносы (платили, что ли, этим ужасным людям за это). Например, что мама – сестра Зиновьева. Хорошо, что мы жили в Пушкине, а не в Ленинграде, все друг друга практически знали. Иначе не избежать бы нам ссылки. До самой войны они чинили нам всякие гадости.

По моим догадкам, папа вел политическую работу – он принадлежал к меньшевикам. Откуда-то я слышала, что они организовали побег какой-то революционерки из Соловков, и папа вложил в эту акцию большую сумму денег. Закончил он Петербургский университет – 3 факультета: исторический, литературный и естественный. Вместе с ним в Петербурге жила его любимая сестра Ольга. Она тоже была революционеркой. В 1905 г., во время восстания, она, как какой-то политический руководитель, стояла во главе восстания моряков. Поверила царскому манифесту, а когда обнаружила обман, покончила жизнь самоубийством – приняла цианистый калий. У папы было много сестер, все они учились за границей. Вера Павловна окончила Сорбонну. Где-то в Череповце жил папин старший брат. Папа преподавал в университете, участвовал в ополчении, защищая Петроград от Юденича. Во время гонений скрывался, работал во всяких мастерских, чинил примусы, печки. Официально развелся с мамой, чтобы сохранить семье жизнь. Мы жили в Пушкине, а он в Петрограде – сначала у Пяти углов в конспиративной квартире, в мансарде с отдельным входом, где я заставала каких-то людей. Вторая его квартира была на Петроградской стороне, на улице Скороходовой. Оттуда его забрали в 37–м и расстреляли. И тут же я узнаю, что он со своим другом Владимиром Федоровичем Динзе, преподавателем английского языка в каком-то морском институте, писали историю России, писали самочинно, не по заказу. Вот за это и за политическую деятельность их обоих арестовали и расстреляли, – говорят, что расстрелян он в подвалах Большого дома на Литейном (НКВД). Под Левашовым обнаружен большой ров, где хоронили из застенок Большого дома. Сейчас, оказывается, собираются люди около Серого дома и вспоминают своих погибших. А литургию исполняют над этим рвом. Жители Левашова видели, как туда возили машины трупов. Возможно, это могила моего отца.

До этого он прошел «Золотые камеры», где требовали, чтобы люди сдавали золото. Я очень хорошо помню, как стояла у окна, и вдруг вижу, что по аллее идет папа. Выбежала на кухню и кричу – Дунечка (няня, жившая в семье долгие годы), папа идет. Дуня побежала. Папа ввалился в коридор и упал без сознания. Дуня согрела в большом баке для белья воду, срезала с него всю кишащую, шуршащую от вшей одежду и сожгла в печке, вымыла его. Папа позже рассказывал, как арестованные стояли в камерах так плотно, что умершие на могли упасть на пол и висели между живыми, сдавленные прижатыми друг к другу телами.

Затем как бывший дворянин он был сослан на два года. Был в ссылке в 60 км от города Кустаная. Там я была и встретила такое великосветское общество, которое не поддается никакому описанию. Там были князья Урусовы, князья Волконские, князья Жуковские – был цвет аристократии. Они были бедно одеты, потому что выехали все в 24 часа, все бросив и взяв с собой только самые необходимые вещи. Это были богатейшие по духу люди. Несмотря на тяжелые условия, они там организовали музыкальную группу, ставили оперы. Я сама участвовала в качестве второстепенного лица в опере «Демон». Фисгармония была единственным инструментом, который использовали в качестве аккомпанемента, там масса клавиш даже не звучала. И, тем не менее, эти люди пели, ставили оперы, разъезжали с этой бригадой по всей Кустанайской области. Босиком, в рваных шганах, все запатанные. Но этого не видно было, это были люди, которые несли свет, которые жили для народа.

Весь свой багаж по истории, естествознанию, искусству я получила от папы, который был для меня Богом, на которого я молилась и молюсь, как человеку, подобного которому я на земле не знаю. Гуманного, образованного, ласкового, талантливого – он прекрасно пел, писал стихи. Он знал несколько языков, но главное – был большой души человек, который все последнее, если кто-то просил, отдавал людям. Мать – столбовая дворянка из известной семьи Строгановых. Отец – учитель рисования. Дед и папа великолепно рисовали.

Остались в Пушкине люди, которые знали моего папу. Катенька Шульгина помнит, что он первый в России сделал перевод Шерлока Холмса. Я помню, как он читал нам в своем переводе «Собаку Баскервилей». Он печатался в журнале «Вокруг света» - писал интереснейшие фантастические рассказы, очень много. Один из таких рассказов – о громадном цветке Виктории-Регии (все хотела найти эти журналы).

Какие люди интересные прошли через мою жизнь! К папе, когда он появлялся в Пушкине, приходили музыканты, к маме – бестужевки. Все они пели, играли, читали стихи. Мы, дети, сидели замерев, завороженно слушая их беседы».

Немного дополню мамино повествование. Дедушка – Бельтенев Борис Павлович (20 .07. 1885г. – 26. 04. 1938 г.) – имел три высших образования, преподавал в Петербургском университете. О трех высших образованиях говорила мама. Двоюродная сестра Оля Воробьева поясняет – в то время не надо было заканчивать три отдельных факультета, студенты могли посещать лекции любого приглянувшегося им профессора. Поэтому уточнять этот вопрос не будем, остановимся на вышеизложенной информации. Сестра дедушки – Вера Павловна – преподавала высшую математику в Политехническом институте. В Устюжне, рядом с которой находилось родовое имение Бельтеневых Раменье, проживал брат Николай.

По рассказам мамы Борис Павлович был одаренным человеком, прекрасно рисовал и пел, был шумным, веселым, общительным, гостеприимным. Жили они в то время в Пушкине (во время войны дом был разрушен, мы приходили поклониться остаткам каменного крыльца). Их стометровая гостиная всегда была полна друзей. Разыгрывались шарады, хозяин пел красивым баритоном арии и романсы (из «Демона» Рубинштейна, «Свадьбу» Даргомыжского, «Дочь султана» Рубинштейна) под аккомпанемент дочери. Очень любил своих детей старшую Лизу (мою маму), Андрея (тихого красавца, сгинувшего во время войны), Ефима (озорного, ехидного, обаятельного, которого всю жизнь оберегала моя мама). Борис Павлович был кадетом, после революции скрывался, стал слесарем. В артели, состоявшей из бывших профессоров, делали печки-буржуйки и продавали их.

Об его первой жене ничего не известно. Вторую свою жену, мою бабушку, он просто отбил у своего приятеля. Услышал, что она приезжает в Питер, явился на вокзал с огромным букетом цветов и покорил юную красавицу Ольгу. Ухаживал красиво. Приходил к ней в гости. В памяти остался яркий рассказ о том, что она угостила как-то своего суженого яичницей из подтухших яиц. Благородный поклонник съел сомнительное угощение, поблагодарил и мужественно попросил добавки. Вырисовывается образ широко образованного человека, авантюриста, рыцаря.

Мама рассказывала, а мы запоминали, она преклонялась перед отцом, и мы переняли чувство величайшего уважения и восхищения, она мечтала найти его сестру Веру Павловну, и мы вместе с ней мечтали об этом. Мамы давно уже нет с нами, но память живет и бередит душу. И вот свершилось чудо! Объявилась устюжанка Галина Вишнякова, которая нашла сведения об отце моего дедушки Павле Андреевиче Бельтеневе, об его жене Марии Петровне, в девичестве Строгановой. Оказалось, что брат Павла Андреевича Яков Андреевич – пра-прадедушка Галины.

У Павла Андреевича было семеро детей. Старший сын Николай, купец, имевший в Устюжне кондитерскую лавку, где торговали конфеКтами и пряниками. За ним шла Аделаида Павловна, уехавшая с мужем из родного города. Следующие по возрасту сестры – Мария и Лариса – остаются пока загадочными фигурами, о которых почти ничего не известно. Затем идет Вера Павловна, переехавшая с мужем в Ленинград, Борис Павлович и Ольга Павловна, окончившая с собой в двадцатипятилетнем возрасте. И потомки Аделаиды Павловны, и потомки Веры Павловны (как и я, внучка Бориса Павловича) откликнулись на приглашение Галины посетить Устюжну.

* * *

… И вот мы с дочерью едем в Устюжну. Волнуемся слегка – ведь едем на встречу потомков рода Бельтеневых. Устюжна в XV веке стала местом, где поселился византийский иконописец Бельтус, женился, народил деток. Детки успешно закрепились в этом благодатном месте, народили своих деток и начали заселять Устюжну и ее окрестности, проникая во все слои общества. Иконописное дело и тяга к творчеству в роду не угасала. Проследить последовательно и непрерывно всю наследственную ниточку мастеров художественного искусства нет никакой возможности – время давнее, документов осталось мало, – но редкие проблески в редких сохранившихся источниках подтверждают: да, иконописцы, художники и архитекторы не переводились в роде Бельтусов –Бельтеневых. Из XVIII века есть сведения о том, что цехом иконописцев и позолотчиков руководил Василий Бельтенев и вместе с ним в том же цехе трудились Андрей Бельтенев и Яков Бельтенев. Получается почти семейное производство. Какие работы производили, какие деньги получали – все учтено и запротоколировано. Исходя из того, что церковь в те времена была ведущим культурным центром для всего

православного народонаселения, делаем вывод о значимости и благосостоянии ведущих мастеров, занимавшихся ремонтом, реставрацией и украшением храмов. В XIX веке архитектор Константин Бельтенев составил план кардинальной перестройки города. Опять напрашивается вывод: крупной фигурой был Константин Бельтенев, коли именно ему поручили столь важное дело. От XX века до нас дошла икона Ефросина Синозерского, вернее список с древней иконы, выполненный Василием Бельтеневым в 1910 году, выставленный в экспозиции устюженского краеведческого музея.

Чем же ты, Устюжна, привлекла внимание византийской царевны Софьи, что поселила она там своего придворного иконописца? Иван III нуждался в заморских художниках, хотел, чтобы столица его государства была украшена, чтобы дивились все ее красоте. Кремль каменный возвел, храмы прекрасные выстроил, лучших итальянских мастеров позвал в Россию. И чем же ему не пришелся по нраву женин художник? Единственная версия, которая приходит в голову, что расстались царевна со своим придворным иконописцем раньше, чем началась строительная горячка. Когда хан Ахмат пошел войной на Москву, то Софью с детьми, от греха подальше, Иван выслал в Дмитров, Белозеро и дальше велел ехать к морю. Может, именно тогда проезжала она мимо Устюжны Железопольской, известной знатными кузнецами, и по своему ли желанию или по просьбе бояр устюженских решила украсить город новыми храмами, чтобы кузнецы расстарались, сковали побольше оружия для войска русского. Без особой надобности государственного значения не расстались бы Софья с людьми, отобранными ею в свое сопровождение при переселении в неведомую чужую страну, служившими ей в России к тому времени уже восемь лет (1472-1480 г.г.). Ответа, к сожалению, на этот вопрос, нет и вряд ли будет. Еще один вопрос возникает: почему не рассеялся род Бельтуса по русской земле-матушке, а плодился и множился в Устюжне, утекая из нее лишь тонкими струйками? У нас, в России, человек всегда был привязан душой к родной земле. Возможно, удачливых иконописцев держали крепкими узами родовые земли, высокий общественный статус. А те, кто растерял удачу, бедняки – куда они пойдут? кому они нужны? да и на какие средства сдвинутся с места? Вот и жили-поживали многочисленные Бельтеневы в родной Устюжне век за веком… Конец XV века – возможное появление… XVI век – известий нет никаких… XVII век – первые документальные свидетельства… XVIII век – Бельтеневых много и они «со щитом»… XIX век - первые известия о том, что в роду появились дворяне, все нити воспоминаний ныне живущих потомков рода тянутся к этому периоду… Бельтеневых много… XX век – фамилия «Бельтеневы», как по мановению волшебной палочки, исчезает из Устюжны. Нет больше там Бельтеневых… Только на крестах и памятниках… Осталось два родовых ручейка под фамилиями Вишняковы и Особливые…. И это все… Логика-то подсказывает, что девочек в роду появлялось много, меняли они фамилии после замужества, мальчиков же – единицы. Но картина все равно вырисовывается фантастическая – был род и испарился в мгновение ока. Самое начало XX века ставит заключительную точку: 1908 год – замерзает в сугробе пьяный двадцатипятилетний Михаил, сын архитектора Константина Бельтенева; 1910 год – написал икону его брат Василий и… канул в лету. Никаких следов… Фамилия «Бельтеневы» покинула Устюжну… Вернется ли?.. Скорее всего нет – городок и сам беднеет, усыхает, как усыхает некогда судоходная река Молога, его кормившая, разрушается, как разрушаются дороги, соединяющие его с внешним миром…

Наталья Крандиевская-Толстая

(1888-1963)

ВСПОМНИМ

ПЕСНЬ КАНДАЛОВ

Мы весёлые и звонкие,
обвиваем ноги тонкие.
Жёстким смехом в ночь холодную
гоним прочь мечту голодную.

Не кляни ты нас, униженный,
смехом нашим разобиженный,
и не плачь ты, нами скованный,
бедный друг наш облюбованный.

Не умеет капля слезная
расковать кольцо железное.
Ты усни под жёсткой лаской,
утомлённый нашей пляской.

Мы весёлые и звонкие,
мы иссушим ноги тонкие.
Мы научим в ночь холодную
задушить мечту голодную.

«Альманах». 1906, № 1.

Публикатор Александр Князев (Санкт-Петербург)

* * *

Проходят мимо неприявшие,
не узнают лица в крови.
Россия, где ж они, кричавшие
тебе о жертвенной любви?

Теперь ты в муках, ты – родильница.
Но кто с тобой в твоей тоске?
Одни хоронят, и кадильница
дымит в кощунственной руке.

Другие вспугнуты, как вороны,
и, стоны слыша на лету,
Спешат на все четыре стороны
твою окаркать наготу.

И кто в безумьи прекословия
ножа не заносил над ней!
Кто принял крик у изголовия
и бред пророческих ночей?

Но пусть. Ты в муках не одна ещё.
Благословенна в муках плоть!
У изголовья всех рождающих
единый сторож есть – Господь.

Октябрь 1917

Опубликовано в сборнике «От лукавого» (М.; Берлин: Геликон, 1922), и позже в «Грозовом венке» в 1992 г.

Владимир Шемшученко

Всеволожск

* * *

Увели их по санному следу,
Возвратились – забрали коня.
Ни отцу не помог я, ни деду,
Вот и мучает память меня.

Хватит, сам говорю себе, хватит.
Расказачили – значит, судьба.
Только пусто в душе, словно в хате,
По которой прошлась голытьба.

Нынче всякий и рядит, и судит,
Прижимая ко лбу три перста…
Дед с отцом были русские люди –
Ни могилы у них, ни креста.

За отца помолюсь и за деда,
И за мать, чтоб ей легче жилось –
У неё милосердье соседа
На разбитых губах запеклось…

* * *

Донос. ОГПУ. Расцвет ГУЛАГа.
Руби руду! Баланду съешь потом!
Мой дед с кайлом в обнимку – доходяга…
А я родился в …пятьдесят шестом.

Война. Концлагерь. На краю оврага
Эсесовец орудует хлыстом.
Отец с кайлом в обнимку – доходяга…
А я родился в …пятьдесят шестом.

Орёл двуглавый. Гимн. Трёхцветье флага.
С нательным в новый век вхожу крестом.
Бескровно под пером скрипит бумага…
Ведь я родился в … пятьдесят шестом!

РЕВОЛЮЦИЯ

Тише рыбьего дыханья,
Легче трепета ресниц,
Скорой смерти ожиданье
Сходит с блоковских страниц…

А вокруг всё лица, лица
С волосами до земли,
Журавлиные синицы
И синичьи журавли,
На златом крыльце сидели –
(Здесь зачёркнуто…) Гляди
На бушлаты и шинели!
Хлеба дайте! Проходи!

Робы, блузы, платья, спины,
Маски, кепки, колпаки,
Свечи, фонари, лучины,
Проститутки, кабаки…
Кто поёт, кто матерится –
Власть издохла! Вот те на!
Тут – шампанское искрится,
Там – штыки и стремена…

Карнавал! Гуляй, людишки!
День последний! Судный день!
Ничего теперь не слишком!
Никому сейчас не лень!
Отойти! Остановиться!
Руки разбросать! Не тронь!
Вера – счастье несчастливцев –
Всех в огонь!

* * *

Проскакал по степи черный всадник на красном коне,
И ворвался огонь в белоснежные юрты аула,
И никто не ушел, и расплавилось солнце в огне,
И крылатая смерть на корявых ветвях саксаула
Наблюдала бесстрастно, как дети страдают от ран,
И пришли корсаки*, чтоб обгладывать лица и ноги,
И не слышал Аллах материнского вопля: Аман!**
И стоял безответным вопросом сурок у дороги…
И луна не взошла, и ушел конармейцев отряд,
И вернулись в аул, подвывая от страха, собаки.
Не ходи к роднику – не вода, в нем, а памяти яд,
И не трогай руками росою омытые маки.

*Корсак (тюркск.) – степная лиса.
**Аман (тюркск.) – пощади.

Рисунок Галины Мальцевой.

ПЕТРОВ-ВОДКИН

Поэма

Олег Федоров
Тюмень

1

У Петрова-Водкина
В Хлыновске есть дом *
Дом стоит над речкою
А за домом – сад
А в саду том яблоки
Падают в листву
Каждый год по осени
Но сейчас весна

Сам Кузьма Сергеевич
Когда был мальцом
Забрался на дерево
И увидел мир
Он был ослепительно
Ярок свеж и кругл
Как-то надкосмически
Зелен и холмист

Падая как яблоко
Понял он – земля
Сфера есть Эвклидова **
И поплыл Хвалынск
Вместе с той процессией
Что в последний раз
На погост покойника
На руках несёт
Вместе с солнцем праздничным
И крестьянками
Что идут и весело
Протяжно так поют
Вместе с этой парочкой
Что в траве лежит
После сенокошенья
В этот знойный день
Вместе с этой мамкою
Что жмёт к груди дитя
И той что на пригорочке
Кормит молоком
Вместе с красной девицей
С коромыслицем
Мужиком что занялся
Заготовкой дров
Вместе с этой зеленью
Сочной и густой
Жёлтым цветом яблока
Кумачом одежд
Вместе с теми тёлками
Что жуют траву
Глядя как повозка с бабой
Мимо них бежит
Вместе с этой Волгою
Что течёт в моря
Те что влагою своею
Омывают мир
Вместе с колоколенкой
Что на том холме
Вместе с пароходиком
Что плывёт себе…
А за ним Америка
Ведь земля кругла
И Париж и Африка
И Санкт-Петербург

2

Так родился в мальчике
Этот странный дар
Видеть по-особому –
Планетарный взгляд
Всматриваться пристально
В красоту вещей
Вслушиваться
Вдумчиво
В разговоры их…

3

Поскакали красные
Кони по холмам
Мадонна Петроградская
Про меж нас стоит
Комиссар упал уже…
На линии огня
Солдатушки бравые
В атаку бегут
На штыках их весело
Солнышко блестит
Командир качнулся вправо
– Бог его прости…
И земля дрожит под ними
И кричат Ура
Что-то братцы шарик наш-то
Слишком уж покат…
И круглы глаза солдат тех
Ужас в их глазах
Что-то братцы в этом мире
Далеко не так…

И летит Фантазия
Надо всей землёй
И глядит Ахматова
Всех живых живей
И селёдку с корочкой
Хлеба на столе
И двумя картошками
Уж никто не съест…

4

У Кузьмы Сергеевича
Жена родила дочь…
Над страной советскою
Наступает ночь
Ах ты Лена Лёнушка
Девочка моя…
За глаза иконные
Я люблю тебя
Спой мне песню русскую
Посиди со мной…
Про поля Хвалынские
Про покатый мир…

5

На столе черёмуха
Художника ждёт
На дворе тридцать девятый
Предвоенный год

Пусть трубач ему сыграет отбой
Оземлянил он пространство собой…

14-15.10.2016

** Кузьма Петров-Водкин родился в городе Хвалынске Саратовской губернии, а повесть о своём детстве и юношестве он назвал «Хлыновском». Я сохранил в стихотворении оба названия…*

*** Вторая часть «Моей повести» Петрова-Водкина называется «Пространство Эвклида».*

Александр Лысенко

Вена

ЛИТЕРНЫЙ ПОЕЗД

Пришло что живу осознание,
Нерезко – милые лица
И доброго света касание:
«Вот, кажется, вновь родился!»

Время змеилось полозом,
Струилось медом с ложки.
Казалось, я ехал поездом,
А мир был – кино в окошке.

Как тень невесомого детства
Проплыл голубой дирижабль,
А вслед, в продолжение действа,
Эскадроном в две сотни сабель

Процокали звонко и дробно
Годы отчаянной юности,
Отмеченные – как ни прискорбно –
Всплеском эмоций и глупости.

А дальше мы въехали в полдень,
Про юность закончились ролики
И ярко раскрашенной плотью
Про зрелость пошла кинохроника.

Горы сменяли ложбины,
Мелькали туннели, заводы,
Крупно – глаза любимой,
Мелко – быт и невзгоды.

Бесплотно, как сущность астральная,
Мимо прошла проводница,
Сказала с улыбкой печальной:
«Вам все это просто снится».

А после безликий стрелочник
Движение перенаправил,
Расклад стал каким-то мелочным,
Ход мыслей – как будто затравленным.

Безудержное разнотравие,
Что прежде в душе колыхалось,
Сменилось пейзажем потравы,
Индустриальным хламом.

Все беспощадней и злее
Швыряет назад стыки-годы
Вагон, все трезвее
Смотрю на измену природы.

Лица, такие близкие,
Во мрак сходили печальные,
А в поезд другие втискивались,
Ненужные и случайные.

Эпизоды и лица мелькают...
Снова, как в прежних сериях,
Осмыслить не успеваю
Суть этой странной мистерии.

Вечер. Пытаюсь забыться,
Средь лиц молодых затеряться.
Но светом в глаза проводница:
«Готовьтесь, ваша станция!»

«Уже?! Всем пока, до скорого!»
Светящимся ожерельем
Поезд опутал гору,
Скользя к другим измерениям.

Как всполохи искр венчают
Широкий костер погребальный,
Так радостно новых встречает
Сонм огоньков неприкаянных.

Ветром с горы затушен
Фонарь, что дала проводница.
Жребий бросают души:
Чья очередь вновь родиться?

Дмитрий Панчук

Северодвинск

БОЮСЬ

Я боюсь –
не открыть глаза,
когда они уже открыты

Боюсь
как провода – навсегда оказаться без птицы.
Возможно боюсь ничего...
Я боюсь, когда всё открыто,
Я боюсь выходить на крыльцо –
мне кажется, там ничего не случится

Едва ли я стану звездой –
неподдающемуся исчислению лету.
Умру – скажут про него:

– Как любил прятаться он,
особенно, когда находили...

Коллаж Галины Мальцевой

Александр Карпенко

ДООС – афганозавр

* * *

Какая странная страна!
Приют ревущей в муках нови,
Где чья-то старая вина
Искала выход к морю крови...

Какая странная страна
На перекрёстках мирозданья,
Где начинается страда –
И не кончается страданье!

И в этой странной стороне,
Предвестник озарений ранних,
На красно-огненном коне
Появится творящий странник,

И тени страждущих веков
Свои мечи опустят мудро,
И стаи мирных облаков
На флейтах звёзд сыграют утро.

* * *

Что наши дни? Судьбы заём,
Пусть даже лиц не повторяем,
Смертью друг друга мы живём,
Жизнью друг друга — умираем.

Мы на войну пошли вдвоём.
Он спас меня, в огне сгорая.
Смертью друг друга мы живём,
Жизнью друг друга – умираем.

Все, что сбылось,
что не сбылось,
Все, что случится в мире с нами,
Священный гул метаморфоз –
Нездешними навеян снами.

Век силуэтом встал в проём.
Что мы в сердцах ни вытворяем!
Смертью друг друга мы живём,
Жизнью друг друга – умираем.

Виктор Клыков

ДООС – австрозавр
Вена

В юности я прочитал книгу о Великой французской революции и ужаснулся. За краткое время существования Республики были казнены практически все видные её лидеры, их многочисленные сторонники, священники и возможные оппозиционеры. Свирепствовал террор и казни оппонентов справа и слева. Зная историю французских революций, как можно было решиться на революцию в России? Но это случилось. Мы с горечью думаем о том, как дорого это стоило наши дедам и бабушкам, нашим родителям. Их безумно много погибло. Жизнь многих, оставшихся живыми, в стране была ужасна, покинувшим её – была сложна на чужбине, неустроена и наполнена ностальгическими, печальными думами о родине. Спрашивается, нужна ли была «Великая октябрьская революция»? Глядя назад, я говорю – нет. Наша революция, как и Великая французская революция «пожрала сама себя».

РУССКИМ ПАРИЖАНАМ ПЕРВОЙ ЭМИГРАЦИИ

Зачем мне люди дня?
Я с ними ссорюсь,
дороже мне ночная тишина,
луне серебряной я улыбаюсь,
и ею жизнь моя вдохновлена.
И в этой жизни нет времён
и заграницы
плыву вперёд-назад через века
и голос я Одоевцевой слышу,
и вижу рядом Со́ложевых* я...

Случалось рядом быть –
бывал в Париже
и где-то близко, около бродил,
я подходил к ним ближе,
ближе,
ближе
и... почему-то снова уходил...

Уж многие ушли из тех,
кто долго на чужбине жил,
кто был свободен и вольнолюбив,
но сердцем и душою верен был

давно покинутой России.
Так их любовь, пройдя через года,
соединилась с нашей,
навсегда.

* * *

Мы совершенно разные:
Спокойные и страстные,
Корявые, прекрасные.
Мужчины мы и женщины,
Жизнью очарованные
И ей разочарованные,
Кричащие, бездумные,
Порою очень шумные,
Тихие, молящие
И с Богом говорящие.
Мы разные.
По всей Земле разбросаны,
Но всё же одинаковы,
По-русски говорящие,
О Родине мы помнящие,
Её с тоской зовущие.
Мы разные, но русские,
До самой смерти русские.
И... после смерти русские.
За рубежом, но русские!

28.01.2006

*Даниил Со́ложев (1908-1994), живописец, график. В 1920 г. вместе с семьей эмигрировал через в Румынию Константинополь. После войны перебрался во Францию, с 1960 г. жил в Париже

Александр Вепрёв

Сочи

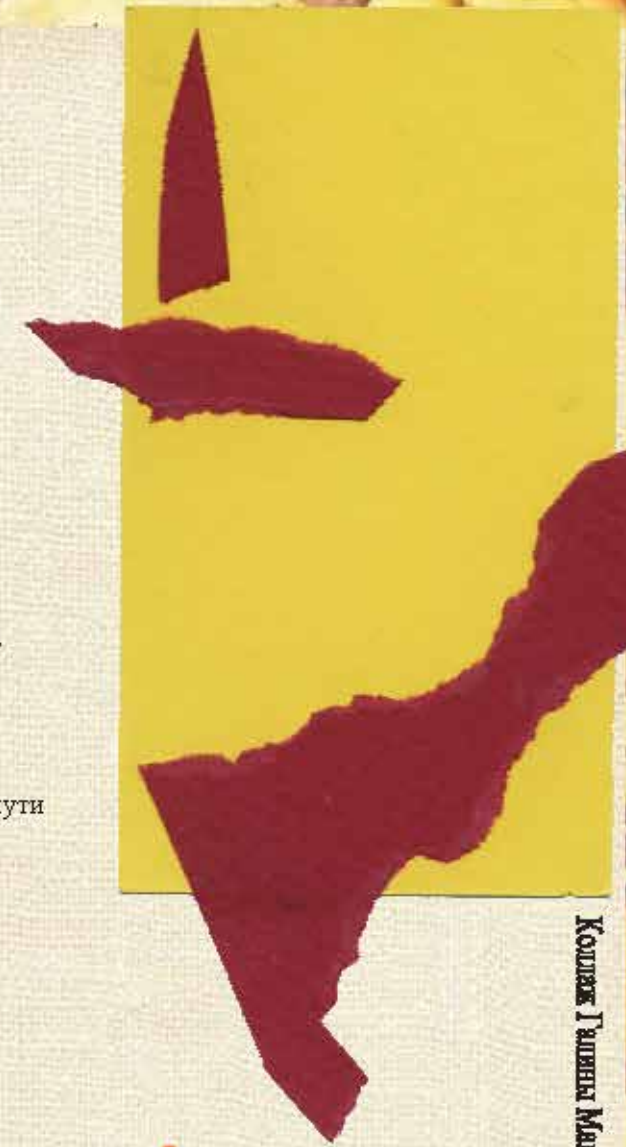
НЕЧАЯННЫЙ ОБРАЗ

1. Хитрый инструмент

Религия обладает хитрым инструментом,
который является культурой, с помощью которого
влияет на политику и способна управлять ею.
Не потому ли Господь предусмотрел
спасение для падших ангелов (читай – политику)
и не осудил грешницу (читай – культуру),
потому что пришёл не судить, но спасать?

2. Образ

Нечего пенять на нечаянно появившийся удачный образ,
если он не предлагает следовать по дальнейшему пути
повествования или сюжета в твоём воображении,
если твоё воображение ещё не находится во власти
этого нечаянного образа, на который не следует пенять,
коль образ не предполагает следовать по дальнейшему пути
повествования или сюжета в твоём воображении...



Коллаж Галины Мальцевой.

Валерий Купка

Прешов

●

устану сяду
намёк на что
на это
лето
на уходящих силуэтов
туда
в туман
в сырой обман
где кружат волосы деревьев
где устают и где садятся
где лужной влагой оросятся
как с неба ядом
и лягут рядом
и сядут рядом
починут
в них отразятся звёзды
не отразившись
от них

●

пятна
море белых пятен
я думал это лебеди
а это было море
белое белое белое

●

падает яблоко
вдруг стало тихо
словно упала комета
хвостом захватив
последние дни лета

●

я знаю есть
на каждом поле
кусок вселенной
на каждом поле
кусок травы
и три коровы
и три хвоста
которые
сгоняют мух
отсчитывают время
коровам
травам и
вселенной и
мне
но я сижу
на бархатном коне...

●

рубит не рубит
рубит не рубит
рубит не рубит
рубит не рубит
рубит не рубит
рубит не рубит
рубит
значит
жив

●

горит свеча
хор листьев
шёпотом сеет мелодию ветра
их зритель ночь
их слышат птицы
руками гладя тишину

кто-то граблями грабит звёзды

Владимир Тучков

Два обмана из темноты

– Помнишь, ты еще молодушкой была?

– Да, помню, как не помнить. Словно вчера...

– Ну, и как это было? Так сказать, для потомков, для портрета времени.

– Как, как? Барин молодой, значит. Весь израненный, так жалобно стонал...

– Это ты загнула, голубушка. Сосудистое надо пропить.

– Нет, все точно: барин молодой, весь израненный, так жалобно стонал!

– Да не мог он стонать!

– Это почему же? Израненный ведь был...

– Да не стонал он! Он мог только стенать! Не мог Евгений Павлович Гребенка такое ляпнуть: в ту пору все только стенали. Высоким штилем. Поскольку люди были утонченные!

– Ну, он может, и стенал. Но мне послышалось, что стонает. Потому что я молодушкой была из простых. К тому же Евгений Павлович сам знать не мог, какие звуки издает израненный генерал с сединой в усах. Потому что сам Гребенка дожил только до тридцати шести. Откуда ж ему, сердешному, было знать.

– Стоп! Какая ты к чертям еще молодушка была? Ты уж вдовушкой была к тому времени, пятерых уж дочек замуж отдала! Совсем у тебя все перепутапось! Сосудистое, сосудистое не меньше месяца!

– Ах, да. Тогда еще конница по улице шла. Так вот этот барин, молодой еще, не израненный, говорит: «Напой, красавица, водой»!

– Что, что?!

– Ну, ты не видал, какой я была красавицей, весь ихний гарнизон или что у них там, мимо меня проезжая, все шеи себе свернул. Включая лошадей.

– Да не мог барин сказать «Напой водой». Скорее, «напой романс про молодого барина, который идет куда-то в поход».

– Ну, не знаю, если мне не веришь, то своим недоверием оскорбляешь память Евгения Павловича. Он всегда подбирал слова самые точные. Вот, например: «Очи чорные, очи страстные, очи жгучие и прекрасные...». Кстати, это он про меня написал!

– Ну, не верю, не может такого быть.

– А было! Вначале про молодушку написал, а потом и про мои очи.

– Сгубили?

– Да, сгубили.

– Это при живой-то жене?

– А что – жена? Тут дело-то такое: страсть взыграла, так и жену в сторону, и всех прочих. Это жизнь!

– Нет, не могла ты сгубить Евгения Павловича.

– Это почему же?

– Да потому что его сгубил туберкулез.

– Ну, мы обеи сгубили... Обои... В общем, вдвоем. Ведь написал он именно так: «вы сгубили меня», то есть я и туберкулез.

– Хорошо, допустим. Так ты тогда кем была – молодушкой или вдовушкой? Ты с какого года-то будешь?

– Я – мечта поэта, муза. А музы возраста не имеют.

– Допустим. Но в таком случае тых оть раскаиваешься?

– Хорошо. Так ты тогда кем была – молодушкой или вдовушкой? Ты с какого года-то будешь?

– Я – мечта поэта, муза. А музы возраста не имеют.

– Допустим. Но в таком случае тых оть раскаиваешься?

– В чем мне надо раскаиваться?

– Да поэта сгубила!

– Я его в веках спасла. Потому что доживи он до возраста израненного барина, так и насочинял бы много старчески беспомощного. И затерялись бы мои очи – мои, мои! – среди всей последующей дребедени. А так блещут и сверкают в веках!

– Старая ты ведьма! Ну, хоть снится он тебе?

– Кто?

– Барин.

– Молодой или старый?

– Обои... Тьфу, оба... Или все же обои?

– По четным – молодой, по нечетным – старый. Никому из них не обидно. Обоих в сердце храню!

– А хранишь ли ты образ Евгения Павловича?

– Конечно! Вот тут, на фотках, он у меня во всех видах.

– На каких таких фотках? Не было их тогда.

– Как же. Уж если зазевавшегося Пушкина изловчились щелкнуть, то Евгений Павлович много и с удовольствием позировал... Вот... Вот... Вот еще...

– Так, Милентий Соколов со своею гитарой – это понятно... Алеша Димитриевич, Володя Поляков – из той же оперы. Но вот откуда сестры Бэрри?

– Нет, это тоже Евгений Павлович. Он большой выдумщик был. Любил иногда в дамское наряжаться.

– А почему их две?.. Тьфу, два почему?

– Все просто. Это он рядом с зеркалом.

– Ну а вот этот как сюда попал? В пиджаке Моссельпрома который.

– Ну, это близкий друг Евгения Павловича...

– Неужто Шевченко, Тарас Григорьевич?

– Нет, бери выше! Это Леонид Петрович, Дербенев!

– А он с какого боку-припеку?

– Ну как же? Неужели не знаешь? Это ведь тоже про меня, про мои черные очи: Твои глаза, как два тумана, как два прыжка из темноты, // Каким путем, каким обманом в двадцатый век прокралась ты...

(И она поет дребезжащим старческим голосом, из которого выглядывает то треснувший валдайский колокольчик, то звяканье вилок о тарелки «У Максима», то треньканье первых мобильников размером в полкирпича на закрытых обкомовских широких гуляньях, то клацание механизмов музыкальных автоматов, проглатывающих монеты, то торжественный звон пластмассовых стаканчиков, которыми чокаются за прекрасных дам).

Полина Ольденбург
"Вечер томен".

Как мы делали шансон

Артур Вафин
кандидат политических наук

Нам было тогда лет 14-17. Наша энергия могла уходить в девочек и уголовку. Могла, но не уходила.
Кто-то еще пытался учиться. Ха! Разве нормальные люди в таком возрасте учатся? Вот и мы не учились.
Уголовкой, как наш приятель Бовка и его гоп-компания, нам было заниматься западло. Девочки? Девочки западали и интенсивно велись на пацанов, которые были способны подарить им шмотки, особенно шапки, снятые с голов пьяных мужиков. Такие действия Бовки УК оценил на пару лет колонии.
По чесноку? Мы ссли. Кажется, Парето говорил о том, что 80% людей и остальной человеческой массы… 80% – это бандосы. Однако 20% законов ограничивают страсти человеческие.
Следовательно, если 80% взять за сто процентов, то станет очевидно, что только двадцать процентов людей становится преступниками. И вот в эти проценты-то нам никак не хотелось вписываться. Что же нам оставалось делать? Как привлечь к себе самку и не сесть?
Для этих целей была изобретена музыка. Музыка – это легальный способ уйти от бандитизма. А еще музыка способна гипнотизировать.
Очарование музыки мы решили использовать в корыстных целях.
Нет, сейчас мы бы такое делать не стали. Куда там? Сейчас семья, дети, пропаганда, а вот тогда…
Тогда я сказал Костику:
– Костян, надо что-то делать.
– Ты прав, но что? Какой формат нам выбирать? Black? Death? Rap? Rave? Может, сибирский панк? – спросил Димон.
Трогательным ножичком пытать свою плоть.
До крови прищемить добровольные пальцы.
Отважно смакуя леденцы на палочке.
И все идет по плану!
Непрерывный… Э-э-э… А кто там непрерывный?
Б-ха! Малевич!
Который гроза?
Который хозяйка медной горы, что больна бубонной чумой.
Кто чумой? Гора?
Хозяйка.
Хвать тебя за…
Страха полные штаны.
И все идет по плану!
А моим удаком накормили толпу.
Наркормили.
Или или.
Киркегаден.
Киркегад и Ницше, читал кто?
А не рановато ли читать в твоем возрасте Шпета?
Штепу!
Какие Шпеты? Какие Штепы? Шестов жеж, еж!
Нет, не читал их. Слышал.
Чего молчишь?
Я словно точка, когда молчишь.
Ничего не вижу, ничего никому ни гу-гу.
Когда я вижу, как ты гарцуешь.
Это не оттуда.
А вот это: «Мне вручают медаль…»
Тоже не туда.
А если так: «Плохая репутация…»
Скажи еще, что панков из подполья накормили икрой.
Опять про корм.
Сипу в кулак!
А это – оно.
В авангарде новой пятилетки!
Ура! Шагает ГУЛАГ!
Ура! Стране советской даешь дезинфекцию.
Триста пятен на стенку. Че-то как коврик. Твороженный мир убивать. Я оставляю только право.
Да не Сибирь все это.
Да как же! Это ж Янка!
Ты дурак что ли? Какая Янка?!
Витухновская это. У Янки ла-ла-ла, придет вода, пауки, медведи деклассированные.
Какие?
Не знаю, деклассированные какие-то.
Может, дрессированные? Ехали медведи на велосипеде. Тьфу, на велосипеде.
У нас будут дети, еще скажи.
Самые красивые на свете.
Это точно не Янка.
Кошка Пашка.
Кукла Стирка, кукла Глажка.
А знаешь, я живой.
Хой! Хой! Хой!
Ой! Ой! Ой!
Маргинапитет.
Человек человеку помог.
Где моя жирная Венера?
Там, где и хозяйка медной горы.
Все они на острове Эзя.
В ожидании Улиса-Одиссея.
Уги-буги, хэй-я!
Господа, ваш ретранслятор дает осечку.
Так я же говорю, человек человеку помог.
Маргинапитет.
И все идет по плану!
Революции не будет.
Опять казаки.
Молчи уже, шовинист.
Настоящий коммунист перед родиною чист.
Ой-вей!
Азохен вей.
Азох энд вэй, товарищ Хо Ши Мин.
Вам от Артемки…
Чего зыришь? Я не помню, как там дале.
Как там дале-боле?
Кто ж знает-то?
Аркаша Северный да Папа Радж знают.
Пха-ха-ха! Скажите еще, что и они – сибирский панк.
Северный – северный.
Радж?
Раджистский!
Радж-рок.
Гараджный рок.
Из тебя слов поток.
И что?
На бумагу, подотри слюни, плюешься.
Мы поржали. Цыпочки от сибпанка вешаются, изнуренная некрофилия нам не нужна, постановили мы.
– Рор?
– Да его хоть пипой ешь!
– И выше Джексона не прыгнешь.
– Терпеть не могу эту обезьяну.
– А тебя, расиста, не спрашивали.
– Не спрашивали, да накрашивали. Не накрашивали, да травили. Не травили, да не любили.
– А что если нам по шансону вдарить?! – воскликнул Костян.
С тех пор мы играем шансон. С тех пор мы посрывали немало звезд. Вглядитесь в ночное небо? Видите запекшиеся кровавые ранки? Это наших рук дело, это все от срыва небесных тел с небесного тела. С тех пор… Да много чего с тех пор. Правда, от тюрьмы мы не зарекаемся до сих пор. Так гласит народная мудрость. А мы с народом. Мы за народ.
Ваши «Братухи»

Лариса Желенис

Ярославль

На зеркальных дорогах

Зеркальные дороги...
Куда ведут они?
Когда дожди и вьюги
и встречные огни.

Мы – только отраженья
большого бытия,
великого движенья
на шарике «Земля».

И каждый в жизни встречный
случайно, вразнобой,
становится навечно
и смыслом, и судьбой.

На весах

На весы незримые бросаю
чувства и сомнения свои –
в сумраке бреду почти по краю
истины над пропастью любви.

В эту пропасть я боюсь
сорваться
и боюсь без пропасти пропасть,
ты вдруг приказал весам
качаться...
Страх восторжествует или
страсть?

Океан

Ты, наверное – океан,
очень сильный, и очень
глубокий!
И вокруг тебя много стран,
только ты всё равно –
одинокий...
И вода всегда холодна,
сколько солнце тебя ни греет.
Но совсем не твоя вина,
что в пучину я рвусь скорее!..

Коллажи Галины Мальцевой

Евгений Стрелков

Нижний Новгород

Утро радио

I.

радио реле
тверь пере
дача пари
ж жатва ре
чи жито
эфи ра
пере шито
сукно мира
ради о ра
ма про водА
прост ора
оп ора:
радио невода

лучи зм
еи раз ря
да ряд
батарей зм
ей ан
тенну на
тянул как стру
ну простегну
л страну
«пинь-пинь-пинь» пе
л зинзев ер
треск тв ер
ская – твор ишь!
приём, париж!

II.

ради о лаб
орат о рия
нарк ом по чте
ля ме чте
до м и штаб
ми ра мас шт аб
ре чи без пров од
ов: кат од
сет ка а н од
вод хл ад
в од опр ов од
тепла о т в од
от ламп и в от
каск ад

ми ро вой рекорд
си ло вой аккорд
сто кило ватт
в одной лампе. пой
паутина пу тей!
двести вёрст охват
одного радио ап парат
а в потоках молний–птиц
самоглас сто лиц
сто киловатт просил
ум свободен от траты сил
в повседневных реч ах
дрожит эфирный настил
на эфимерных луч ах

Татьяна Липатова

ДООС – блик

* * *

Рождение. Познание. Итог.
Воскресение. Суд. Порог.
Осуждение? Оправдание?
Бог.

* * *

Любой перекрёсток –
Центр плоскости,
А перекрестье креста –
Земли и неба перекрёсток,
На нём Сердце Христа,
Вместившее в себя
И небо, и землю...
Тем, кто этот мир исследует,
Хорошо Его бы там встретить,
Чтобы однажды понять,
Как себя самого создавать,
А потом и всё остальное –
В бесконечных плоскостях –
В себя целиком принять
И, вместив, изнутри изучать.
Тогда почувствуется вселенная,
Как собственное дыхание,
Как сердца биение,
А неразумное деяние,
Как болезненное кровотечение.

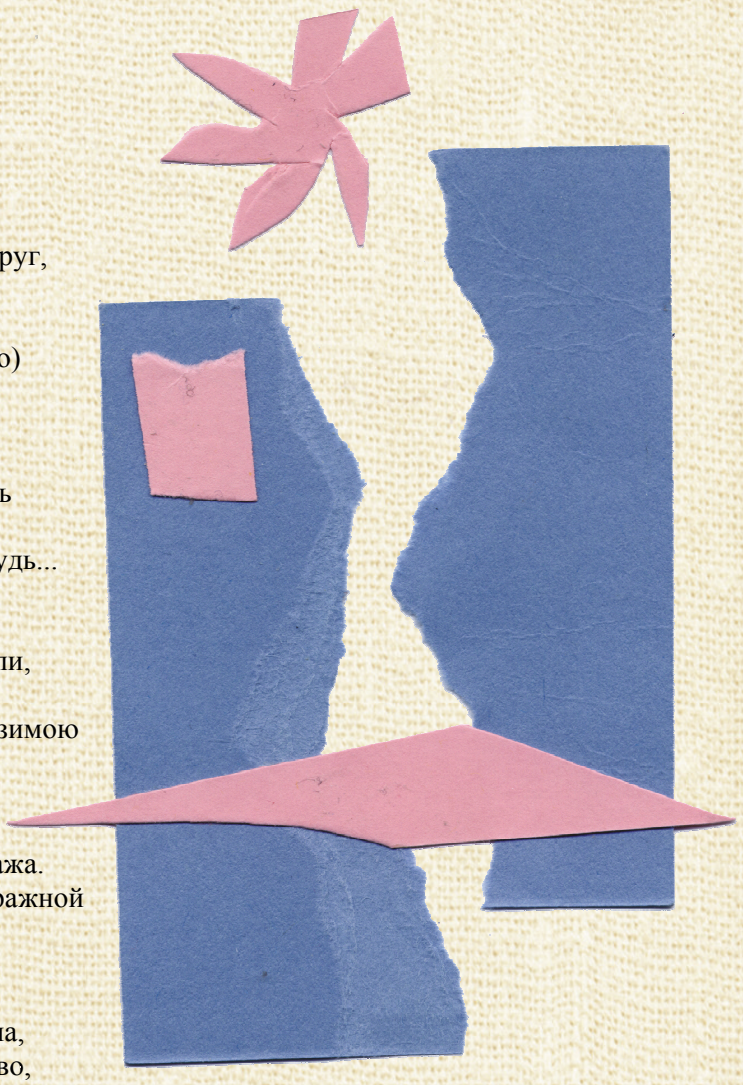
* * *

Тревог – пуд,
Покоя – фунт:
Земной путь крут!
Всё – замкнутый круг,
Конец – не вдруг:
Ленту Мёбиуса
(Свыше посланную)
Не вывернуть...
Любой долг
Стоит вернуть,
Потом – выдохнуть
И – в путь!
Выведет куда-нибудь...

* * *

Я жадно жду метели,
Снежных елей,
Склонённых пред зимою
Даже и в апреле.
Я не хочу весны,
Пропажи белизны
Прозрачного пейзажа.
Я лета не хочу миражной
Краткой новизны.

Я – сибирячка,
Мне зима привычна,
Где снег – отечество,
А холод – материнство...

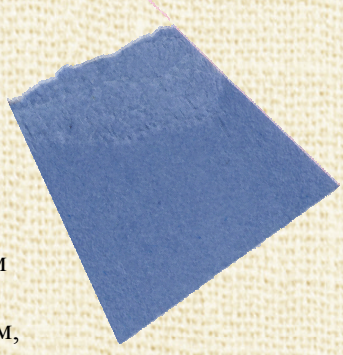


Константин Строф

Оломоуц

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Странные дети поят меня.
Мир плетет косу день ото дня
смерти в преддверье. Младенствует год
до света. Может размять луноход
пятки. По пальцам неспящих пора
скучает. Под звездным дождем детвора,
шалей, пригвождай, напевай, заводи
хоровод. Закружил полумрак посреди
меня. Отряхни от мушиной тоски
голову. Робко огладит виски
рука. Понужденная верность пытать
мысль. Отливается в формы под стать
ложь. Пробужденная истиной пресной
сказка. О сводниче думы прелестной
забыть. Не получится, миг вороня,
любить, – через кудри бредет пятерня.
Странные дети поют про меня.



РАЗЛУКА

Перестали под окном
тени слов мелькать,
поросли копыта мхом,
заплыли глаза штрихом.
Время камням встать.

Пусть не вяжется сегодня
в веренице сизых дней,
незапятнанных, пространных, полустершихся идей,
растревоженных читальней и малеванных чертей.
Заговариваться тошно, убеждать совсем невмочь.
Прохудившиеся звуки торопливо трусят прочь.

Отвернул песочный ключ,
чтобы стаи верных туч
обнажили полый ритм
моих кельтских рифм.

Виль Мустафин

(1935-2010)
Казань

ВСПОМНИМ

Вы –
что ором неистовым –
ЗА!
ЗАтверженно
ЗАученно
ЗАранее –
ЗА!

обернитесь наЗАд
ЗА раскатами ЗАла
ЗА! –
расстрелов ЗАлпы
За этим ЗА!рёвом
дети ЗАрёванные
толпами,
толпами...

А вы –
ЗА! были,
вы забыли, как вами
как булавами
как в живот ногами
вами
били.

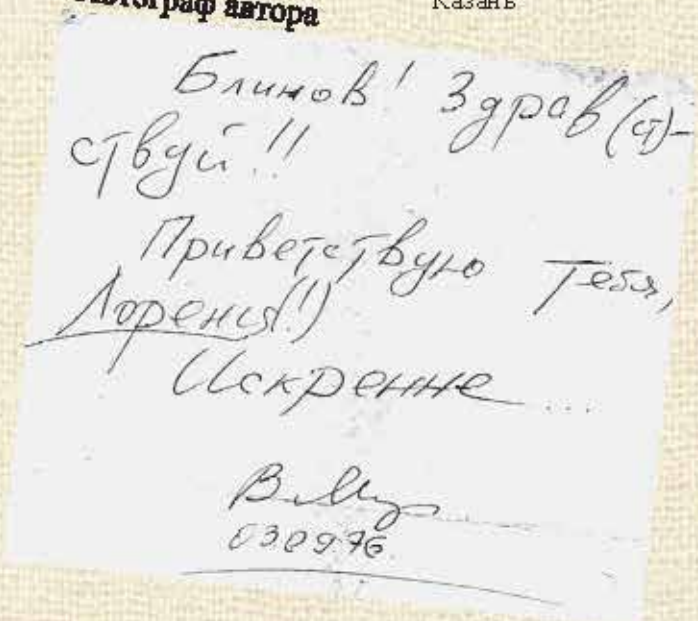
Вы – без памяти
снова тянете
руки вверх,
как «руки вверх!», –
голосуете...

Голосуйте, –
суйте в петлю
головы...
Суйте.

1976 г.

Публикатор
Лоренс Блинов
ДООС – звукозавр
Казань

Автограф автора



Константин Былинин

Челябинск

Жертвам политических репрессий в СССР

Над кромкой леса вызрела заря
уже скользя над крышами ГУЛАГа,
как рана на фронтоне сентября
рождая абрис вьщветшего флага.

На миг представится, что я не заключён
в каменоломню Западной Сибири,
где мой товарищ смертью пригвождён
к скалистым очертаниям России.

На миг представится, что в колкой тишине –
седая Мать считает ночью звёзды.
Ах, сколько этих глаз, ещё не спит в стране,
где русским словом переполнен воздух?

Валентин Нервин

Воронеж

РУССКИЙ РАЙ

Такая благодать на всех путях
земных, и даже более – небесных,
что русский рай построен на костях.
И вообще – мы тоже не из местных.
Архангелы гуляют по Руси
для общечеловеческого блага;
всем – исполать, а также – гой еси,
во искупленье райского ГУЛага!

* * *

...какое раздолье для скорби!
С.Г.

По всем углам неласковой Отчизны,
где трын-трава дороже, чем трава,
последние часы нелепой жизни
растратив на красивые слова,
мы вымираем, хуже тараканов,
и вылетаем задом наперед
из края одноразовых стаканов,
который без поэзии умрет.

* * *

Не все доживают до благостной старости:
По мере судьбы нелегко уцелеть.
В России любовь измеряется жалостью –
нам было и будет, кого пожалеть.

Татьяна Зоммер
ДООС – Зоммерзавр

ТОЗОЛОЙ СЕНИО

множественная жестяная жестная
мнимость проходящей
отплывающей с порога ж.
так и не вошедшей в воду
хотя бы раз
золотой пирОги
с золотыми уключинами листьями сучьими
детьми
брошенными на ветер
дующими на остывающую воду
в которую не войти как и дважды-одиножды
золотой осени

тозолой сенио...

живые-и-мертвые

продолжаю дружить
с мертвым человеком
живых напрягает

начинаю дружить
с живым человеком
мертвые против

я созрело быть собой
любить не бояться
живых-и-мертвых

шла ко Блок

ночь – сигарет блок
улица – шла-ко-блок
фонарь – колб глаза
аптека – глаза колб

деревянно-красные

не видел римлянин
бань деревянных.
у них-то в Риме –
бани каменные.

вот ведь русские –
раскалятся докрасна
и ходют голые.
русские:
деревянно-красные.

1999

было некогда
стало никогда

время отдыхает
уснувшей бабочкой
на руке пространства

прошлое в настоящем
вмятиной
на
стекле
шепотом
прозорливого взгляда
сквозь крики
зеркал океанов

Ian Probstein
Ян Пробштейн
кандидат филологических наук
Нью-Йорк

Стихотворение
на английском и русском

* * *

for Maxim Shrayer

Amsterdam Jews
bought the tickets to travel
comfortably in Pullman cars
directly to Sobibor.
They arrived on time.
The train ran express without stops.
Did it soften the shock?
Then they mixed up with a crowd,
and with a fat greasy cloud
of smoke they took off
to join their G-d and their people.

* * *

Максиму Шраеру

Евреи Амстердама
купили билеты
в пульмановских спальных вагонах,
чтобы ехать с комфортом в Собибор.
Поезд шел экспрессом без остановок.
Они прибыли в срок.
Смягчило ли это шок?
Потом они смешались с толпой,
с клубами жирного дыма над головой,
и воспарив, слились с Б-гом своим
и так приложились к своему народу.

Коллаж Галины Мальцевой.

Продолжение темы
№ 1-2(73) 2017
"Манифест. Век XXI"

Елена Тахо-Годи

доктор филологических наук

ИМЕНА ПРЕДКОВ

Джемал, Джалал, Джал-эддин...
Я повторила – и мгновенно горы
Взметнули к небу цепь своих вершин,
Арабской вязи лёгкие узоры
Мне возвестили, что Аллах един,
И на Восток я устремила взоры...

Джемал, Джалал, Джал-эддин...
Я повторила – и разверзлось небо.
Среди безводных, выжженных пустынь,
Который год без отдыха и хлеба
Они бредут, взывая «Элохим»,
Чтоб избежать божественного гнева.

Джемал, Джалал, Джал-эддин...
Я повторила – отозвались своды,
Иконы строгие взглянули из глубин –
Такие имена дававшие народы
От века оставались чужды им,
Хотя со временем менялися приходы.

II
Джемал, Джалал, Джал-эддин...
Я повторила смутно, как сквозь сон...
Мне кажется уже неразличим
Крик муэдзина, колокольный звон,
Визгливой скрипке вторящий раввин,
Ирушалом, и Мекка, и Афон...

Кому из них должна я поклониться?
Куда спешить мне – в Мекку, на Афон
Или к твоим стенам, Ирушалом,
Как праведной, мне следует стремиться?
Но мне сказали: Бог един в трёх лицах
И в этих трёх – нераздели мо – Он.

Сергей Мнацаканян

МАНИФЕСТ С ПРИЗРАКОМ

...Ещё не смыла эта схватка
весь Божий мир за окоём,
ещё в сетях миропорядка
судьба, как рыба, бьёт хвостом...
Покуда старятся невесты
и разрывается Восток,
поэты пишут манифесты,
скрывая правду между строк.
Пока в насквозь прогнившем мире
агонизирует страна
и нет божественней цифири,
как и в любые времена,
пока ты не ополоумел,
что жизнь идёт как наяву,
пока не сдался и не умер,
сопротивляйся веществу –
любым вещам и даже книгам,
окрест отсутствие восславь,
всем обольстительным веригам,
и только музыку оставь...
Пусть сочлененья бренной плоти
выделывают антраша,
но трепыхается в полёте
твоя бессмертная душа...
Я призрак не из этой жизни,
где правду лепят из оков,
на мне потрепанные джинсы
и пыль серебряных веков...
Я пронизал насквозь столетья,
и верно истину постиг,
что время бьёт наотмашь плетью
в кругу случайностей простых
Когда от жизни нет лекарства
и от стыда горит лицо,
ты почитай пииту Хармса
и вместе с ним забей на всё!
На власть – убийственную дуру,
на время денег и воров,
забей на всю литературу,
на этот мир – и будь здоров!
В кругу Вселенных параллельных
и напрочь пропитых пивных
эпоха пишет нонпарелью, –
но кто читает этот стих?
...Февраль семнадцатого года,
и снова сводят вас с ума
невероятная свобода
или безумная тюрьма?..

Февраль 2017.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ.
ПОЛОЦКАЯ РАЙОННАЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА.
ПОЛОЦКИЙ РАЙОННЫЙ ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ

ЦЕНТР ЕВРОПЫ
Международный литературный фестиваль

3-5 июня 2017
ПОЛОЦК

Медиа-партнёры фестиваля:

Московский «Журнал ПОэтов»

ЖУРНАЛ ЭТОВ ДООС

Газета «Полацкі веснік»

Полацкі веснік

ГУК «Полоцкая районная централизованная библотечная система»

ГУК Полоцкая РГЦБС

ГУК «Полоцкий районный Центр культуры»

В древнем Полоцке, в географическом центре Европы состоялся литературный фестиваль. Обилие авторов и номинаций продиктовано реальным стремлением многих людей приобщится к литературе. Фестиваль – это прежде всего общение. Общение с друзьями из Болгарии, Австрии, Молдовы, Великобритании, Украины, России и, конечно же, Беларуси и самого Полоцка. У поэтов и прозаиков всегда дефицит общения. Такова природа нашей профессии. Фестивали нужны, как воздух, и чем их больше, тем лучше. У фестиваля «Центр Европы» свой почерк, своё лицо. Нам подарили праздник, а праздник – это всегда прекрасно.

Константин Кедров
главный редактор «Журнала ПОэтов», член жюри фестиваля «Центр Европы».

У знака географического Центра Европы члены жюри и гости фестиваля. Слева направо (стоят): Маргарита Аль (Москва), Виктор Клыков (Австрия), Алексей Слесарев (Москва), председатель Оргкомитета фестиваля Александр Раткевич, Антонина Димитрова (Болгария), Константин Кедров (Москва), Вера Суханова (Смоленск), Наталья Вареник (Украина); сидят: Ольга Клыкова (Австрия), Анастасия Самофралийская (Смоленск), Елена Кацюба (Москва).

Александра Мишутина
Полоцк

Беседы с луной

НОЧЬ.
Все спят уже давно и только ты не спишь.
Ты
Его от наглых взглядов злой луны хранишь.
Вновь
Обводишь пальцами красивые черты.
Тот,
Кто любит за двоих, увы, не он, а ты…

СВЕТ
Светил в глаза всю ночь и не давал поспать.
Час
До мутного утра тебе осталось ждать.
Он
Так часто в них смотрел – они смотрели
вслед…
Но
теперь они увидят только лишь рассвет…

НОЧЬ.
Все спят уже давно, ты тоже крепко спишь…
Здесь
Ты верность тихим волнам на воде хранишь…
И
Твои в цвет тела волосы срослись с песком
Но
Беседует с луной теперь не ты, а он…

Анастасия Мозго
Полоцк

Колыбельная

Очередная шлифовка души,
Кофе, дожди, книг стеллажи.
Типажи, нелепость фраз. Прости!
Чертежи глупы. Время уйти!

Осень, дым сигарет, джаз.
Спросишь ответ. Нет! Метастаз.
Ад, хрипота и дрожь,
Холод и боль. Ждешь?

Брось! Прощай! Я прощаю! Иди…
Дверь. Звонок. Хохот. Входи.
Судороги встреч.
Опять больна.
Лечь!

Андрей Викторов
Гродно

Алфавит из трёх букв

А – Астрофизика
А почему вы то нежны, то холодны
Мы то теплы, то, как ножи, остры.
Всё это мистика.

Б – Безудержно
Мы встретились, и, будто пулей,
Ворвался в нас безумий улей.
И неизбежно…

Вы – Воспоминания
Да, память мне показывает Вас.
Наша история – судьбы наказ.
Цена желания.

Памятник белорусскому просветителю, учёному, переводчику, первопечатнику Франциску Скорине – уроженцу Полоцка.

Авторы скульптуры А.Глебов, И.Глебов и А.Заспицкий.

Установлен в Полоцке в 1974 г.

Дмитрий Юртаев
Минск

Стихографика

Там,
где латиница и
кириллический шрифт
перемешались в названиях улочек древних,
в воздухе влажном, в камнях и балтийской воде;
там,
где на стёкла цветных витражей и на пыльные окна
замков старинных, соборов, церквей и костёлов
смотрит, как прежде бесстрастно, единое небо;
там,
где слышна среди лип и брусчатки токката
трости философа, мерно бредущего в вечность;
там,
где в «Житейских воззрениях...» –
мудрость кошачья;
там
из тевтонских корней
прорастает славянское древо.

Шуханков Андрей
Новополоцк

"На земле он был главным доверенным лицом бога, вершившего мою судьбу".
Р. Тагор "Незнакомка"

Ожидание

По-прежнему – на трёх китах и на семи ветрах...
По-прежнему – на трёх словах и на семи холмах...
По-прежнему на полпути к Рождественской звезде.
Всё, словно встарь, и не дойти до Сущего везде...

Усталый Пахарь, где тот плуг, что пашет рук ландшафт?
Где тот непостижимый *друг,* что выдаст овердрафт
на дополнительный билет по видимым мирам?
Всё, словно встарь: и *друга* нет, и заколочен Храм...

И все колёса – суть кольцо, в телеге без коня.
И отражённое лицо – лишь вымысел меня.
И то, что рядом – не достать трясущимся перстом.
И всё вращается опять языческим крестом.

где солнце выпалило день до полной темноты,
где измерима только тень – не измерим лишь Ты,
Всепроникающий, как смог осенних недодней,
мой искажающийся Бог...

Сегодня холодней, чем было миг тому назад
и не несёт река в ладье неслышной, словно взгляд,
к Тебе *проводника*...

Сергей Полежаев
Тверь

Камни

Грубый истукан в камне –
Чьё-то божество, глыба.
Люди шли в Тибет к ламе,
В Рим святой на свет нимба.

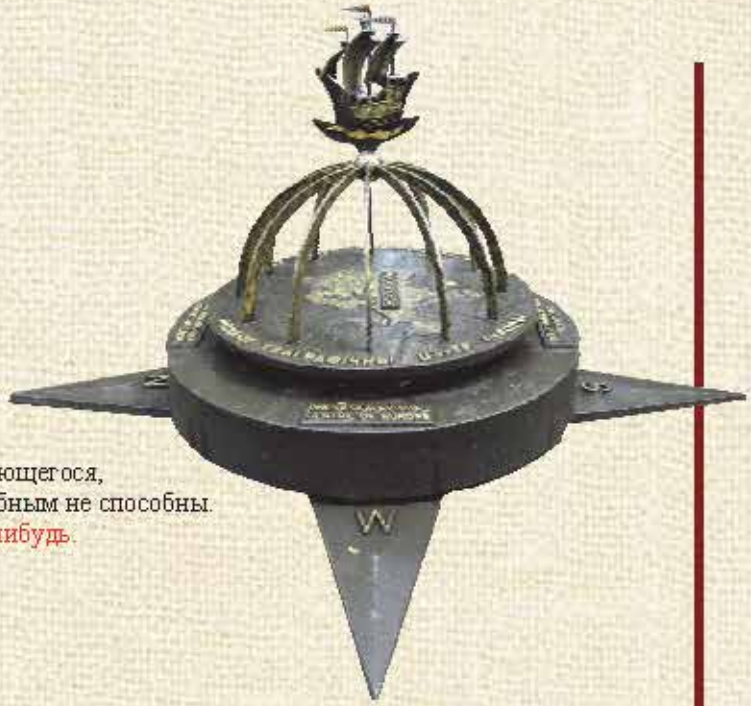
Может быть, кому боком,
Может, для кого ладом
Выходила связь с богом,
Обернулась жизнь кладом.

Ричард шёл в поход морем.
Кровь лилась рекой наземь.
Рюрик в роковом споре
Призван был на Русь князем...

Всякому своё имя.
Свой шесток сверчок занял.
Папа до сих пор в Риме
Тянет ввысь Христа знамя.

Камни, как запас века,
В пирамидах лет будут.
Чёрный пусть хранит Мекка,
Белый стережет Будда.

«Время собирать камни...».
Каждому. И всем людом!
Хочет Истукан к маме.
Верит чей-то бог в чудо...



Харитонова Елена
Подольск

Глава 1

Змей смотрел на рыбу
Но их разделяла дистанция.
Дистанция правил была допустимой
Но только время не разделяло их взгляды
То, что плавает, смотрит вперед,
А то, что пресмыкается, смотрит в затылок ему.
Плавающие плавают возле основной рыбы
А пресмыкающиеся отползают от основного пресмыкающегося,
Только потому, что пресмыкаются другим, а себе подобным не способны.
Версия: Смотрите только вперед, а не в затылок кому-нибудь.

Глава 2

Отражения в зеркале смотрели друг на друга
Хозяева отражений отсутствовали
Постоянное впечатление о себе остается в зеркале,
Если часто смотреть и любоваться собой
Но истинное лицо исчезает из отражения и остается только впечатление
А истина исчезает навсегда.
Версия: не потеряйте свое истинное лицо. И не смотрите часто в зеркало.

Глава 3

Глаза через очки теряют взгляд
Очки снимают слепоту, но закрывают истинный взгляд
Глаза не связаны с вуалью стекол
Глаза ведь могут видеть все и зрения к себе не отстраняют
Через очки можно увидеть всех, но только не себя
Придумайте очки, которые смотрели внутрь себя и там увидите все зримое и отраженное в том числе.
Версия: смотрите лучше на себя сквозь призму и остальные послужат вашему примеру.

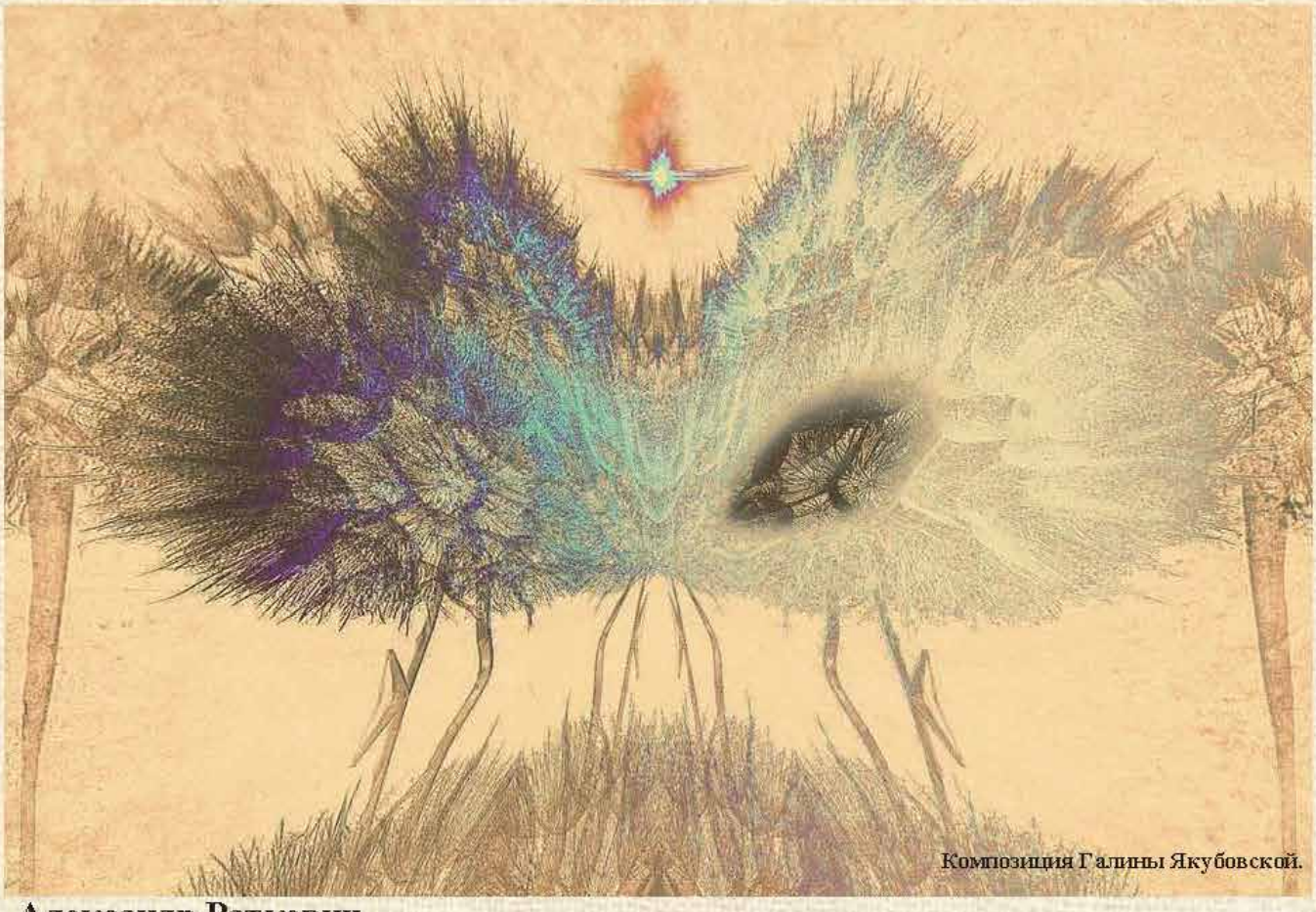
Глава 4

Хорошее начало наступает исключительно для тех,
Кто вновь воскреснет и определит свое пристанище на покрове земли
А кто не сможет сдвинуть с места вихрь определения себя,
Того настигнет сумрак знати в мире источенья.
Версия: 2 мира лягут рядом и сравнение произойдет.

Глава 5

Редакторы идей опустятся на стулья
Работа захлестнет все виды деятельности бумаг
Они распространят все виды и законы власти
И люди встанут в отдыхе со стульев посиделок.
Версия: октавы власти определяться только после выхода идей.

Школяр из Полоцкого Университета. Может быть, тоже поэт.
Скульптор Александр Прохоров.



Композиция Галины Якубовской.

Александр Раткевич
Полоцк

Вариации на тему палиндрома

Интересное явление в стихосложении – комбинаторная поэзия. Кто этим занимается, знают акростихи, мезостихи, телестихи, анацикл, реверс, тавтограммы, липограммы, анаграммы, антиграммы, миниграммы, контпетри, спунеризмы, в том числе палиндромы (перевертень), полиндромоны, оборотни, круговертни, кругооборотни и т.п. Занятие это очень сложное, не всегда художественно продуктивное, но увлекательное. А уж если удастся создать в этой области нечто удачное и по форме, и по смыслу, то этому шедевру будет суждено долгое существование.

Если говорить о палиндромах (буквенных, слоговых, словесных, фразовых, строчных), то первые их образцы известны в античной поэзии, и с тех пор они регулярно появляются в творчестве многих авторов: в позднеантичной поэзии, в стихах поэтов Барокко, у символистов, в наше время. В качестве примера словесного палиндрома можно привести стихотворение из латинской антологии VI века (перевод В. Брюсова):

Волн колыхание так наяд побеждает стремленье,
Моря Икарова вал как пламенеющий Нот.

Нот пламенеющий как вал Икарова моря, –
Стремленье побеждает наяд так колыхание волн.

В России палиндромы вошли в моду с XVI-XVII вв., причём первоначально им дали такой неблагозвучный, но справедливый термин: «рачьи стихи».

Но только после В. Хлебникова, который утвердил палиндромию как форму стихообразования, палиндромы стали обычным явлением, вошли, как говорится, в творческий обиход. И, казалось, достигли определённого предела. Но вот на стыке тысячелетий, в 1999 и в 2002 гг., выходят из печати «Первый палиндромический словарь» и «Новый палиндромический словарь» Елены Кацюба, которые вдыхают в процесс создания палиндромов второе дыхание.

Тем не менее, с палиндромами не всё так гладко, как может показаться на первый взгляд и слух. И это особенно касается крупных произведений этой формы, и тем более палиндромических поэм и рассказов (напр., В.Хлебников «Разин», Р.Адрианов «Цен окно» и др.)

Понятно, что сочинить большой палиндром – это изрядный труд, как, впрочем, и читать его. Но не это главное. Палиндром, оказывается, не только форма экзотического текста, но и барометр его восприятия и понимания. В этом смысле интересен рассказ Т. Бонч-Осмоловской в «Курсе лекций по комбинаторной литературе»:

«В Манчестере в 1989 году был проведен следующий опыт: палиндром в пять с половиной тысяч слов был дан студентам французского, чтобы они проанализировали его, причём, о том, что это палиндром, сказано не было. В результате некоторые студенты восприняли текст как работу неумелого ученика, другие решили, что это сюрреалистический текст, созданный посредством техники автоматического письма. Студенты с психиатрического отделения высказывали мнение, что автор – подросток с резко выраженным параноидальным синдромом. Некоторые предполагали, что бессвязные образы текста возникли под действием наркотика. Можно сказать, что читатели проектировали на палиндром собственные положительные и отрицательные фантазии, создавая, фактически, каждый собственное прочтение обратимого текста Перека».

Тем не менее, в случае, когда известно, что предлагаемый текст представляет собой палиндром, то основное внимание читателя и слушателя привлекает именно эта обратимая и непривычная форма.

Мне бы хотелось обратить внимание читателей на наиболее простой вид обратно читаемого стихотворного

текста – строчный палиндром. Такого рода стихи можно найти в песенном творчестве французских трубадуров, скандинавских скальдов, германских миннезингеров. В начале XIX века поэт и переводчик П. Голенищев-Кутузов в своей книге «Стихотворения» напечатал двенадцатистишие, полностью отвечающее требованиям строчного палиндрома, то есть, чтение стихотворных строк как сверху вниз, так и снизу вверх соответствует здравому смыслу:

Желаю я душевно
Прожить век весь с тобой!
Встречаю рай вседневно,
Любить тебя душой.

Стихами, брат, такими
Писать лоб мой вспотел;
Трудами я б другими
Занять мой ум хотел.

Покорен стал уставу
Я дружбы, а не Муз;
Проворен стал в забаву,
Поя сих сладость уз.

Через тридцать лет появился строчный палиндром Н. Полевого «Посвящение П.А. Плетнёву» (напечатан в журнале «Московский телеграф»), являющийся пародией на первую главу пушкинского «Евгения Онегина», но здесь автор допускал замену союзов и частиц, радикально изменял знаки препинания и т.п., отчего считать этот текст полноценным строчным палиндромом мне не представляется возможным.

Думается, что строчный палиндром по сравнению со своими собратьями – буквенным, слоговым, словесным, фразовым – является наиболее легко создаваемой формой, тем не менее, именно стихов, написанных в этой форме на данный момент меньше всего.

Предлагаю вашему вниманию мой цикл строчных палиндромов, которые я называю переливы, написанные в 1983 году и напечатанные в моей книге стихов «Високосный февраль».

Создатель русской визуальной поэзии Симеон Полоцкий, XVII век.

Памятник открыт в Полоцке 7 сентября 2003 г. Авторы: скульптор А.Финский, архитекторы Г.Федоров и Н.Цвирк.

ПЕРЕЛИВЫ

I.

Вечер, как тайное вече,
через тюльпаны костров
мне на склонённые плечи
сыплет песчинки слов.

Сыплет песчинки слов
мне на склонённые плечи
через тюльпаны костров
вечер, как тайное вече.

II.

Лица рисует тонко
пламени плавная новь;
губы, как фотоплёнка,
запечатлели любовь.

Запечатлели любовь,
губы, как фотоплёнка;
пламени плавная новь
лица рисует тонко.

III.

Взгляды – огня завиток,
песня нектаром льётся
над лепестком колодца –
голос твой, как цветок.

Голос твой, как цветок –
над лепестком колодца
песня нектаром льётся;
взгляды – огня завиток.

IV.

Вянут костров тюльпаны,
лунная рябь из ведра;
на небе, как тимпаны,
звёзд золотистых игра.

Звёзд золотистых игра
на небе, как тимпаны;
лунная рябь из ведра,
вянут костров тюльпаны.

V.

Ночь и не ночь – не знаю,
розовой тьмы разлив;
молча я проявляю
нашей любви негатив.

Нашей любви негатив
молча я проявляю;
розовой тьмы разлив,
ночь и не ночь – не знаю.

VI.

И опадут лепестки –
мягкий приснится зазимок;
вдруг обморозит снимок
пальцы моей руки.

Пальцы моей руки
вдруг обморозит снимок,
мягкий приснится зазимок –
и опадут лепестки.

VII.

Сквозь горизонта свечи,
через узор зеленцы
утренне лягут на плечи
зёрнышки зорной пыльцы.

Зёрнышки зорной пыльцы
утренне лягут на плечи
через узор зеленцы,
сквозь горизонта свечи.

1983 г.

ОТ ГОМЕРА И ГИППОКРАТА ДО СЕГОДНЯ...

Как только появились первые поэты и писатели появились и первые афоризмы.

Поэтому афоризмы существуют в нашем мире много-много столетий, во многих-многих странах.

Это очень демократичный вид творчества – афоризмы может сочинить любой человек, на любом языке, в любой стране.

Афоризмы бывают короче хокку – «Бди!» (Козьма Прутков) и длиннее танку – «Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!» (Михаил Булгаков).

Много лет плодотворно творит Московский клуб афористики, есть ценители, создатели афоризмов в других городах и странах, афоризмы и афористы широко представлены на страницах книг, журналов, газет, в интернете...

Классификация афоризмов ещё до конца так и не разработана.

11 ноября 2015 года мы провели Первый Всемирный день афоризмов (ВДА), который постановили проводить ежегодно на нашей планете в разных странах. Он был посвящён поэту Велимиру Хлебникову и проводился в библиотеках городов Великие Луки (Псковская область), Западная Двина (Тверская область) и нашими друзьями в Риге (Латвия).

Почему был выбран день 11 ноября?

11.11 – палиндромное сочетание чисел, которое бывает раз в году – китайцы, японцы и все ценители нумерологии нас поймут на все 111.

11 ноября остаётся 111 дней до начала весны..

11 ноября 1480 – закончилось стояние на Угре и многовековое ордынское иго над Русью фактически пало.

11 ноября 1918 года завершилась Первая (Великая) мировая война – афоризмы должны содействовать недопущению новых войн.

11 ноября 1821 года родился известный русский писатель Фёдор Достоевский.

11 ноября 1922 года родился известный американский писатель Курт Воннегут.

Воннегут и Достоевский, родившиеся 11 ноября – оба были отличными афористами.

11 – столько букв в названии российского города Великие Луки, в котором зародилась инициатива празднования ВДА.

11 ноября 2016 года состоялся Второй ВДА, посвящённый писателю Михаилу Булгакову.

В этот день, из Великолукской центральной городской библиотеки имени М.И. Семевского, мы установили прямую связь и общались с московским афористом и словотворцем Сергеем Фединым. Празднования проходило и в библиотеке города Западная Двина (Тверская область).

11 ноября 2017 года прошел Третий ВДА, посвященный французскому комедиографу Мольеру...

Праздник проводится в СВОЁМ городе, в СВОЕЙ стране...

Главная цель праздника – распространить добрую, мудрую, весёлую афористичную энергетику, на многие города, на многие страны, на многие народы с идеями прекращения и недопущения войн, развития дружбы, взаимососедства, взаимосотрудничества на нашей планете.

В этот день вспоминаем афоризмы любимых авторов, сочиняем новые афоризмы, встречаемся с афористами, проводим презентаци и новых книг, создаём инсталляции, картины, перфомансы, посвящённые празднику ВДА – «Нарисуй афоризм»..., общаемся между городами, странами, участниками по интернету (скайп) и мобильной связи, проводим видеозапись и фотографирование вашего праздника, ...

ПОДАРИТЕ МИРУ СВОЙ АФОРИЗМ!

Владимир Павлов
Литературно-художественная творческая группа «Рубеж»
Великие Луки

Александр Городницкий

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Ветер багряные письма разносит,
Звонким листом по асфальту шурша.
Ранняя старость, как ранняя осень, –
Так же в начале своем хороша.
Ступит сентябрь в золоченое стремя,
Плавя медлительно лунную медь.
Ранняя осень – прекрасное время,
Если, конечно, не будешь болеть.
В зеркале утром увидевши проседь,
Предупреждениям грустным не верь.
Ранняя старость, как ранняя осень,
Не замечает начальных потерь.
В дни, когда золото реки уносят,
Ныне и присно, в любые века,
Ранняя старость, как ранняя осень,
Так же красива, и так же легка.
Ветви деревьев в оранжевом дыме.
Клин журавлиный плывет в синеве.
Место уступят тебе молодые,
Если, конечно, живешь не в Москве.

Неба высокого ясная просинь
За облетающим лесом видна.
Ранняя старость, как ранняя осень, –
Жаль, что так быстро проходит она.
Желтые листья прощаются с веткой,
Летние преображая места.
Память становится чистой и светлой,
Если, конечно, и совесть чиста.
Как обольстительна осень на старте,
Вянущих листьев пьянящий настой!
Клены с дубами в игорном азарте
Тратят бездумно запас золотой.
Теплые дни перед будущей вьюгой,
Недолговечные те времена,
Будешь делить ты, возможно, с подругой,
Если, конечно, с тобою она.
Это недолгое счастье земное,
Солнечный день, что на редкость хорош,
Будешь ты помнить зимой и весною,
Если, конечно, до них доживешь.

2016

Елена Краснощекова «Осень» (холст, масло).

Павел Грушко

Бостон

ТРАВА

Сыну Диме

Помню, как с шестилетним сыном,
мы отправились по грибы.

Перед рассветом лес походил
на пустой бревенчатый театр
за полчаса до начала спектакля,
когда на полутёмных подмостках
идёт не пьеса, а просто жизнь:
птицы спешили договориться
об очерёдности перелётов,
осины сонливо ругали сосну
за неучастие в листопаде,
казалось, все спешат уложиться
до появления солнца.
Оно
уже золотило верхушки сосен,
и мы через вестибюль опушки
в чащу вошли и заняли место
на поляне, в ольховой ложе,
затянутой бархатистою охрой.

Тогда и вышла на сцену трава.
Мне почудилось, будто я,
как муравей-верхолаз, забрался
на ветхий пень и сел отдохнуть,
поглядывая на травяные кроны.

Трава увядала, хотя она
держалась всё ещё молодцом.
Стебли стойко несли росу,
но это было им не под силу –
от напряженья они дрожали...

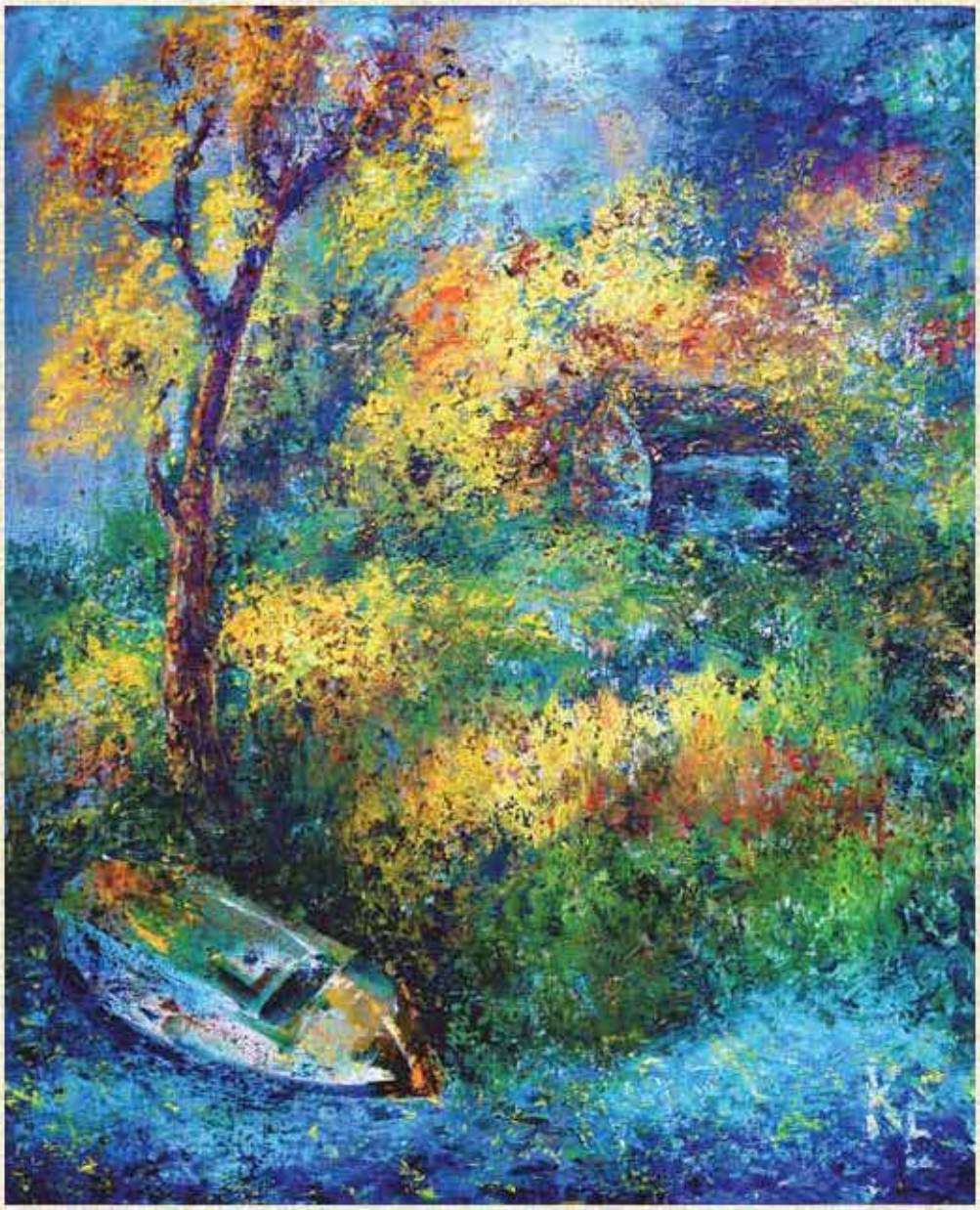
И тогда я подумал о матери
и об отце.
Всё это впервые
нас не осенью настигает,
а в разгар пшеничного лета,
когда ещё думать об этом рано,
но это в нас возникает, растёт, —
поэтому мы садимся в сторонке,
нас теребят, задают вопросы,
считая скучными молчунами,
и если об этом заговоришь, –
именинники пожимают плечами,
просят прощения у гостей:
дескать, дёрнул чёрт пригласить
заупокойного этого типа,
все там будем, а после, в прихожей,
амортизируют зеркала
ужимками, анфас и в профиль,
и шепчут: мы ещё молодцом...

Так я сидел и смотрел на траву.

Это длилось не больше минуты
из тех минут, что длятся года,
опять звенел над ухом комар,
продиралось сквозь ветви солнце,
и я бы, наверно, тут же забыл
о той траве, если бы сын,
строгая ветку, тогда не спросил
так внезапно и просто: «Послушай,
трава умирает? Всегда? Навсегда?»

Конечно, в ход пошли рассужденья,
и я рассказал ему о семенах,
о созидающем чуде весны
(разумеется, в общих чертах,
со скидкою на дошкольный возраст).

А сын сказал, берясь за ведро:
«Ведь это будет другая трава».



Елена Краснощекова «Осенний час» (холст, масло).

ВАЛТОРНА ОСЕНИ

Сухая осенняя ясность,
рассеянный пляс мошкары,
глухая предзимняя гласность
запруды, колодца, коры.

Створожившееся затишье
легло на мембрану пруда.
Нагие деревья чуть выше,
чуть ниже нагая вода.

О чём так светло и просторно,
взывая ко всем и ничья,
поёт эта осень-валторна,
сухие уста щекоча?

Так ясно в прохладе осенней
душа твоя вновь молода,
как в пору последних прозрений
и первых шагов во Всегда.

«Я всегда был октябристом и останусь им». И. Ильф, Е. Петров

ЖУРНАЛ ПОЭТОВ ДООС

№ 5-6 (76) 2017

Журнал ПОэтов ДООС
№ 5-6 (76) 2017 «Октябрь уж...»

Учредитель и издатель
ООО ДООС
Гендиректор Маргарита Аль

Главный редактор –
доктор философских наук Константин Кедров
Зам. гл. редактора – Маргарита Аль
(+7(926)524-56-62)

Редакционный совет:
Е.Кацюба – ответ. секретарь, арт-директор;
С.Бирюков, доктор культурологии (Германия), поэт;
А.Бубнов, доктор филологических наук (Курск), поэт;
В.Вестстейн, профессор (Нидерланды);
А.Городницкий, доктор геолого-минералогических наук, поэт, бард (Москва);
Э.Гусейнов, кандидат исторических наук (Москва);
А.Кудрявицкий, кандидат медицинских наук, поэт, прозаик, переводчик (Ирландия);
В. Нарбикова, прозаик (Москва);
А. Такеда, профессор (Япония), поэт.

Идея журнала и творческая концепция – группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства».

Логотип – Андрей Вадий
Макет – Елена Кацюба.
Верстка – Николай Лазарев.

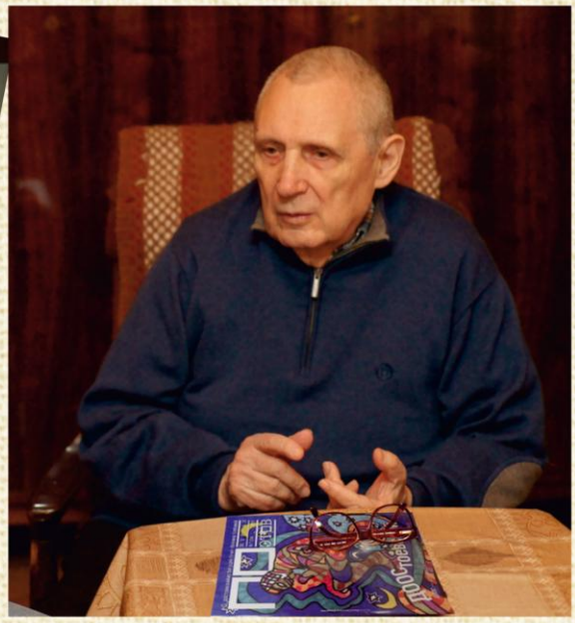
Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре РФ
Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-63353
Отпечатано в типографии
Номер подписан в печать 27.10. 2017 г.
Тираж 500 экз.

Адрес в интернете:
http://litlife.club/UserBooks/?UserId=191742
E-mail: jurnalpoet@mail.ru

© издательство ДООС
© редакция Журнала Поэтов ДООС

ISSN 2414-2425

Галерея авторов ПО



Слева направо: 1 ряд – Румен Шомов (Болгария), Алла Кессельман (Германия), Кристина Зейтунян-Белоус (Франция);

2 ряд – Лидия Григорьева (Великобритания), Лоренс Блинов (Казань), Анна Альчук (1955-2008);

3 ряд –Дмитрий Панчук (Северодвинск), Татьяна Бонч-Осмоловская (Австралия), Юрий Мамлеев (1931-2015).

9 772414 242512
TEC-IT.COM

Константин Кедров. **«Листопад»** *(смешанная техника), 2017 г.*